

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2018

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор
(Академия права и управления ФСИН);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

О. С. Розгачева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Адрес редакции:

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 14,7. Усл. п. л. 14,7

Тираж 300 экз. Заказ 730

Дата выхода в свет 29.09.2018

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2018

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2018

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2018

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlhograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor
(Academy of law and management of the Federal
service of execution of punishments);

E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor
(Southwest State University);

M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor
(Baikal State University);

V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

Editorial address:

394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2018

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

	«Век» уголовного процесса: к 100-летию юридического факультета Воронежского государственного университета	9
45ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
	<i>Баева Н. А.</i> Соглашение об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве как особый вид гражданско-правового договора	45
	<i>Малахова Л. И.</i> О понятии и содержании уголовного судопроизводства	53
	<i>Панькина И. Ю.</i> Асимметрия правил допустимости доказательств в контексте принципа состязательности сторон	58
	<i>Сыщиков И. С., Сыщикова Т. М.</i> Сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства, регламентирующего правовое положение иных участников уголовного судопроизводства	63
	<i>Тройнина И. С.</i> Задержание подозреваемого как мера уголовно- процессуального принуждения.....	69
74ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО	
	<i>Баев М. О.</i> О провокации в борьбе с коррупцией	74
	<i>Россинский С. Б.</i> Правовая регламентация фактического задержания и доставления: требуется «перезагрузка».....	79
	<i>Савицкая И. Г.</i> Вопросы участия педагога и психолога на стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам с участием несовершеннолетнего	86
	<i>Цурлуй О. Ю.</i> Субъекты реализации права судебного обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокурора.....	89
95 СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО	
	<i>Быданцев Н. А.</i> Заметки «на скорую руку» о процессуальном порядке применения статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ)	95
	<i>Кудрявцев Ю. С.</i> Об оценке экспертного заключения	102
	<i>Осипян Б. А.</i> Скорый суд как необходимое и существенное условие для предупреждения потенциальных преступлений	107
	<i>Попова И. П.</i> Понятие приговора: требуется ревизия устоявшихся категорий.....	122
	<i>Рябинина Т. К.</i> Особенности процедуры назначения судебного разбирательства уголовного дела в России и странах постсоветского пространства	128
	УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	
136	
	<i>Иванов Ю. А., Кудрявцев А. Г.</i> Законы Хаммурапи: характерные особенности и их неожиданное «эхо» в современном уголовном законодательстве России	136

**ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

148
Титова Е. А. Некоторые проблемы совершенствования механизма
ответственности судей..... 148
Шабанов П. Н. Воронежский акцент судебной власти 153

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

158
Косолапов М. Ф. Право на компенсацию в случае незаконного ареста
или содержания под стражей: российская и международная практика
реализации пункта 5 статьи 9 Международного пакта о гражданских
и политических правах 158

ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

166
Зотов Д. «Юность» юрфака 166

CONTENTS

	"Century" of criminal process: Century of law department of Voronezh university	9
45GENERAL PROVISIONS OF CRIMINAL PROCESS	
	<i>Baeva N. A.</i> Agreement on the provision of legal assistance in criminal proceedings as a special type of civil law contract.....	45
	<i>Malakhova L. I.</i> To the question of the concept and content of criminal proceedings	53
	<i>Pankina I. Yu.</i> Asymmetry of rules of admissibility of proofs in the context of the principle of competitiveness of the parties	58
	<i>Syshchikov I. S., Syshchikova T. M.</i> Comparative analysis of domestic and foreign legislation regulating the legal status of other participants in criminal proceedings	63
	<i>Troynina I. S.</i> Detention of the suspect as measure of criminal procedure coercion	69
74PRETRIAL	
	<i>Baev M. O.</i> On provocation in the fight against corruption	74
	<i>Rossinskiy S. B.</i> Legal regulation of actual detention and delivery: «reset» is required	79
	<i>Savitskaya I. G.</i> The participation of the teacher and psychologist at the stage of initiation of criminal proceedings in criminal cases involving minors.....	86
	<i>Tsurluy O. Yu.</i> Subjects of realization of the right of the judicial appeal of procedural actions (inaction) and decisions of bodies of preliminary investigation and prosecutor	89
95TRIAL	
	<i>Bydantsev N. A.</i> Notes "In haste" on the procedure of application of article 72 of the Criminal code of the Russian Federation (as amended by Federal law dated July 03, 2018 No. 186-FZ)	95
	<i>Kudryavtsev Yu. S.</i> On the issue of evaluation of expert opinion	102
	<i>Osipian B. A.</i> Fast court as necessary and essential condition for prevention of potential crimes	107
	<i>Popova I. P.</i> The concept of criminal verdict: requires a revision of established categories	122
	<i>Ryabinina T. K.</i> Features of the procedure for the appointment of the court criminal proceedings in Russia and countries of the post-soviet space	128
136CRIMINAL PROCESS: HISTORY QUESTIONS	
	<i>Ivanov Yu. A., Kudryavtsev A. G.</i> Hammurabi's laws: characteristic features and their unexpected "echo" in the modern criminal legislation of Russia.....	136

148	JUDICIAL AUTHORITY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY	
	<i>Titova E. A.</i> Some problems of improving the mechanism of responsibility of judges	148
	<i>Shabanov P. N.</i> Voronezh accent of judicial authority	153
158	INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL PROCESS	
	<i>Kosolapov M. F.</i> The right to compensation in the event of unlawful arrest or detention: Russian and international practice of implementing section 5, art. 9 of the International covenant on civil and political rights.....	158
166	ARTS AND JUSTICE	
	<i>Zotov D.</i> «Youth» of law faculty	166

«ВЕК» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА:

К 100-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2018 год для юридического факультета Воронежского государственного университета особый – год столетнего юбилея. История ВГУ в далеком, тревожном 1918 году начинается с первой лекции, прочитанной именно на юридическом факультете. Юрфак всегда был и остается неотъемлемой частью нашего классического университета. Даже в годы приостановления его деятельности университетское сообщество остро чувствовало потребность в факультете «полезных мелочей», а ректорат университета принимал меры к возобновлению юридического образования в Воронеже. Юридический факультет всегда служил надежным стартом для творческих, организованных и ответственных людей. Качественное профессиональное образование, полученное в его стенах, позволяло выпускникам достойно и с честью продолжить свой путь на любом поприще. 100-летие юридического факультета ВГУ – событие, которое олицетворяет историю Воронежской школы права. Отмечая вековой юбилей факультета, вспоминаем добрые традиции уголовно-процессуальной науки.

—1918—2018—

ПРОФЕССОРА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

БАЕВ **ОЛЕГ ЯКОВЛЕВИЧ (1941–2017)**

Выдающийся специалист в области криминалистики и уголовного процесса. Общий стаж его трудовой деятельности – 60 лет, из них 44 года он посвятил работе в ВГУ; больше 20 лет возглавлял кафедру криминалистики Воронежского государственного университета.

О. Я. Баев окончил юридический факультет Воронежского государственного университета в 1964 г. В 1962–1973 гг. работал следователем прокуратуры в Калужской и Воронежской областях. С 1973 г. – в Воронежском государственном университете. Начал с должности младшего научного сотрудника, затем работал преподавателем, доцентом ка-

федры уголовного процесса и криминалистики, профессором и заведующим кафедрой криминалистики. Кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон» О. Я. Баев защитил в 1976 г. в Белорусском государственном университете; докторскую – в 1986 г. в Ленинградском государственном университете на тему «Основы предупреждения и разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций в деятельности следователя». В 1987 г. О. Я. Баеву присвоено ученое звание профессора. В 2000 г. О. Я. Баев удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 2003 г. избран членом Российской академии естественных наук.

На протяжении 20 лет О. Я. Баев успешно совмещал научную и педагогическую деятельность с юридической практикой – руководил адвокатской конторой «Баев и партнеры». Профессор О. Я. Баев – признанный научным сообществом России ученый-криминалист, основатель Воронежской школы криминалистики. Под его руководством защищены 31 кандидатская и 4 докторские диссертации. О. Я. Баев – автор более 280 научных работ. Его труды стали мощной основой развития отечественной правовой науки.

**БАТИЩЕВ
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ (1932–2005)**

Советский, российский криминалист, педагог, доктор юридических наук (1994), профессор (1997), заслуженный юрист Российской Федерации, полковник милиции.

Родился 8 декабря 1932 г. в г. Усмани Липецкой области. В 1961 г. окончил юридический факультет Ростовского государственного университета. В 1961–1965 гг. – работник Воронежской городской прокуратуры. В 1965–1969 гг. – инструктор Воронежского горкома КПСС. В 1969–1986 гг. начальник следственного управления УВД Воронежской области. С 1986 г. – преподаватель, доцент, профессор кафедры криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета.

культета Воронежского государственного университета.

Специалист в области методики расследования преступлений, разработал методику расследования неоднократных преступлений отдельных лиц и преступных групп. Автор более 100 научных работ, в том числе 4 монографий: «Особенности возбуждения уголовных дел о хищениях, совершенных материально-ответственными и должностными лицами» (М., 1981); Обеспечение эффективного расследования преступлений группировкой и соединением уголовных дел» (М., 1990); «Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами» (Воронеж, 1992); «Постоянная преступная группа» (Воронеж, 1994).

**ГОРСКИЙ
ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ (1934–1977)**

Известный ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор с 1973 г.

Окончил в 1957 г. отличием юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работал на различных должностях в органах МВД СССР: следователь УВД Воронежской области (1957–1959), оперуполномоченный ОБХСС (1959–1960), заместитель начальника Ленинского РОВД г. Воронежа (1960–1962). С 1962 г. осуществляет научно-педагогическую деятельность: преподаватель, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ, проректор ВГУ

по заочному и вечернему обучению и по работе с иностранными студентами, проректор ВГУ по учебной работе, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ВГУ.

В 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования», в 1973 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР». Главные направления научных исследований: выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования, общая теория криминалистики, влияние научно-технического прогресса на развитие криминалистической техники, тактики, методики, нравственные начала предварительного расследования, проблемы организации расследования, судебная этика, педагогика высшей школы. Имеет более 70 научных трудов.

Являлся редактором девяти выпусков сборника «Изучение и предупреждение преступности». Некоторые работы изданы в Венгрии, Болгарии, Чехословакии. С целью проведения научных исследований Г. Ф. Горским была создана на юридическом факультете ВГУ криминалистическая лаборатория, которой в 1977 г. было присвоено имя профессора Г. Ф. Горского. В 1969–1977 гг. пять раз избирался депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся и председателем постоянной комиссии городского Совета по социалистической законности и охране правопорядка, был заседателем Воронежского областного суда, членом научно-консультативного совета при Облпрокуратуре, членом ряда ученых советов, членом Комитета права Советской социологической ассоциации образования СССР.

Основные труды: «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования» (1964), «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР» (1970), «Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса» (1973, в соавторстве), «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе» (1978, в соавторстве).

КОВРИГА

ЗОЯ ФИЛИППОВНА (1936–2011)

Зоя Филипповна Коврига родилась 23 марта 1936 г. в г. Днепропетровске. В 1958 г. окончила Харьковский юридический институт – одно из лучших высших учебных заведений Украины. С 1961 г. жизнь и творческий путь Зои Филипповны связаны с юридическим факультетом Воронежского государственного университета. Здесь она прошла путь от аспиранта до профессора кафедры уголовного процесса. В 1964 г. в Воронежском государственном университете защитила

кандидатскую диссертацию на тему «Дознание, проводимое органами милиции, в советском уголовном процессе» под научным руководством профессора В. Е. Чугунова, в 1987 г. в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко – докторскую диссертацию на тему «Правовые и теоретические основы уголовно-процессуальной ответственности». В 1990 г. получила звание профессора. Зоя Филипповна внесла заметный вклад в развитие уголовно-процессуальной науки – в исследование проблем уголовно-процессуального принуждения и уголовно-процессуальной ответственности. Ею обстоятельно обосновано

понятие и основные признаки уголовно-процессуального принуждения, особенности его законодательной регламентации. Впервые в российской юридической науке разработала идею позитивной и негативной юридической ответственности в уголовном судопроизводстве, показала их социальную значимость, определила процедуру возложения на участников уголовного процесса. Ее авторству принадлежит более 80 печатных работ, включая 6 монографий, в том числе: «Уголовно-процессуальное принуждение» (Воронеж, 1975), «Уголовно-процессуальная ответственность» (Воронеж, 1984).

КОТОВ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (1939–2001)

Известный советский и российский специалист в области юридической психологии, доктор юридических наук, профессор.

Окончил в 1963 г. юридический факультет Воронежского государственного университета. В 1963–1966 гг. работал следователем прокуратуры Центрального района г. Воронежа. С 1966 г. осуществлял научно-педагогическую деятельность: ассистент, преподаватель, доцент, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Воронежского государственного университета. На юридическом факультете ВГУ читал курсы и вел практические занятия по общей и судебной психологии, судебной этике, прокурорскому надзору.

В 1972 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Мотивы преступлений и их доказывание следователем», в 1988 г. – диссертацию на соискание доктора юридических наук по теме «Теоретические проблемы до-

казывания обстоятельств, имеющих психологическую природу, при расследовании преступлений».

Основные направления научных исследований: проблемы этики и психологии расследования преступлений. Известен как крупный ученый, один из ведущих специалистов страны, занимающийся проблемами этики и психологии. Являлся членом комиссии по профессиональной этике Союза юристов СССР, действительным членом общества психологов СССР.

На юридическом факультете ВГУ им были впервые разработаны лекционные курсы по юридической психологии и судебной этике. Его многочисленные труды до сих пор широко используются в учебном процессе многих вузов страны в качестве учебных пособий. Был соавтором первой в нашей стране монографии «Судебная этика» (Воронеж, 1973) (соавторы: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д.), вызвавшей большой общественный резонанс. Автор более 60 научных работ.

КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ (1949–2004)

Николай Пантелеймонович родился 6 сентября 1949 г. в г. Воронеже. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета в 1976 г. В 1976–1979 гг. там же учился в очной аспирантуре. Одновременно начал работать сотрудником криминалистической лаборатории ВГУ. В 1980 г. под руководством Л. Д. Кокорева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела». В период с 1982 по 1987 г. преподавал на факультете правоведения Гродненского государственного университета (Белорусская ССР). С 1987 г. вновь работал на юридическом факультете Воронежского государственного университета в должности до-

цента, а затем профессора. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России», а с 1999 г. заведовал кафедрой уголовного процесса ВГУ. Сферу научных интересов Николая Пантелеймоновича составляли проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве. Им исследовались вопросы о сущности уголовно-процессуального доказывания, доказательственного права и теории доказательств; о задачах и принципах доказывания; об установлении объективной истины как цели доказывания; о содержании процесса доказывания и его особенностях на разных стадиях уголовного процесса. Н. П. Кузнецовым опубликовано свыше 35 научных и методических работ. Он

является автором монографии «Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела» (Воронеж, 1983); «Уголовный процесс: доказательства и доказывание» (в соавт. с Л. Д. Кокоревым; Воронеж, 1995); был членом редакционной коллегии и одним из соавторов «Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации» (М., 2003).

ПАНЮШКИН ВАЛЕНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ (1953– 2015)

Вся жизнь Валентина Анатольевича была связана с Воронежским государственным университетом. Выпускник юридического факультета 1975 г., затем аспирант, преподаватель, доцент, заведующий кафедрой, заместитель декана, декан юридического факультета. Блестящие организаторские способности и управленческий талант Валентина Анатольевича позволили ему с 1987 г., на протяжении 28 лет, быть бессменным руководителем юридического факультета, одновременно возглавляя с 1996 г. кафедру уголовного процесса, а затем кафедру организации судебной власти и правоохранительной деятельности. В течение этого времени он руководил Ученым советом факультета и

входил в состав Ученого совета ВГУ, активно участвовал в работе общественных формирований органов судейского сообщества, прокуратуры, Следственного комитета, органов внутренних дел, адвокатуры. Валентин Анатольевич принимал участие в деятельности юридического сообщества России, поддерживал и развивал связи факультета с российскими и зарубежными юридическими вузами. За эти годы факультет стал центром юридического образования и правовой науки в Центрально-Черноземном регионе, прочно заняв место в числе ведущих юридических вузов России.

Валентин Анатольевич успешно сочетал административную работу с научной деятельностью. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1985 г. получил ученое звание доцента, в 1999 г. – ученое звание профессора. Он автор более 100 научных и учебных публикаций, в том числе таких работ, как «Научно-технический прогресс и уголовное судебное производство (правовые аспекты)» и «Судостроительство и уголовный процесс России. 1864 год». Под его руководством были защищены диссертационные работы.

**ПОНАРИН
ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ (1939–2000)**

Родился 17 июля 1939 г. в с. Сукмановка Жердевского района Тамбовской области. В 1960 г. окончил Борисоглебский статистический техникум. В 1967 г. окончил Воронежский государственный университет. В 1966–1971 гг. работал следователем Центрального районного отдела внутренних дел г. Воронежа. С 1971 г. – преподаватель, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета. В 1976 г. в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского под руководством В. М. Савицкого защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производство по гражданскому иску при расследовании уголовного дела». В 1994 г.

в Воронежском государственном университете защитил докторскую диссертацию на тему «Защита имущественных прав личности в уголовном процессе Российской Федерации». С 1995 г. был заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Воронежской высшей школы (института) Министерства внутренних дел. В. Я. Понариным опубликовано более 50 научных работ, из них 3 монографии и 3 учебных пособия, в том числе: «Производство по гражданскому иску при расследовании уголовного дела» (Воронеж, 1978), «Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России» (Воронеж, 1994).

**ТЯМКИН
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1951–2014)**

Окончил юридический факультет Академии Министерства внутренних дел СССР (1980). С 1973 г. – сотрудник уголовного розыска подразделений Министерства внутренних дел СССР. С 1975 г. – оперуполномоченный управления уголовного розыска Управления внутренних дел Воронежской области, с 1980 г. – заместитель начальника районного отдела внутренних дел Рамонского района Воронежской области. В 1982–1985 гг. – адъюнкт Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. С 1985 г. – начальник цикла юридических дисциплин Воронежской школы мили-

ции Министерства внутренних дел СССР. С 1992 г. – начальник, с 2005 г. – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Является заслуженным сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации.

С 2006 г. – профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета. В 1985 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Организация и тактика раскрытия краж в сельской местности», в 2005 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Теоретические основы, организационно-правовые и тактические проблемы защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России». Главные направления научных исследований: тактика раскрытия преступлений, борьба с отдельными видами преступлений; защита прав личности в оперативно-розыскной деятельности, проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

ЧУГУНОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ (1923–1974)

Владимир Евгеньевич Чугунов родился 24 июля 1923 г. в г. Ессентуки Ставропольской губернии. В 1941–1945 гг. служил в рядах Советской армии. Награжден медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «Китайско-Советской дружбы». В 1949 г. окончил юридический факультет Азербайджанского государственного университета. С 1950 г. работал преподавателем, доцентом кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Ростовского государственного университета. В 1952–1958 гг. занимал должность декана этого вуза. В 1953 г. на юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова под руководством

Н. Г. Жаворонкова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные черты уголовного процесса в общих судах Народно-Демократической Республики Чехословакии». С 1959 г. Владимир Евгеньевич трудился в Воронежском государственном университете на кафедре отраслевых правовых наук. В 1960 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Уголовный процесс Китайской Народной Республики». В этом же году на базе кафедры отраслевых правовых наук образована кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, заведующим которой стал профессор Владимир Евгеньевич

Чугунов. В. Е. Чугунов старался развивать кафедру и юридический факультет в целом. Он был инициатором создания криминологической лаборатории, в рамках которой проводились социологические исследования в области права, а также Совета по защите кандидатских диссертаций. С 1967 г. работал в Москве на службе в органах внутренних дел, занимал должности заместителя начальника контрольно-инспекторского отдела МООП СССР, а с 24 июля 1968 г. по 19 сентября 1973 г. возглавлял созданные им кафедру советского уголовного процесса и лабораторию конкретных социологических исследований Высшей школы МООП СССР, затем МВД СССР. Был членом научно-консультативных советов при Верховном Суде СССР и при Прокуратуре СССР, методических советов Минвуза СССР и Всесоюзного общества по распространению научных знаний. Владимир Евгеньевич Чугунов – крупнейший специалист того времени по уголовному процессу зарубежных государств. Автор около 100 работ, в том числе книги «Уголовный процесс европейских социалистических стран» (М., 1967).

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ВГУ

Кафедра *уголовного процесса* – одна из старейших на юридическом факультете ВГУ. В течение различных исторических этапов она существовала совместно с кафедрами уголовного права, криминалистики, правоохранительной деятельности.

Кафедра уголовного процесса: слева направо сидят: Н.К. Панько, Л.А. Моргачева, Г.В. Стародубова, К.М. Баева; стоят: А.Н. Кузнецов, И.С. Сыщиков, Н.В. Дегтева, Л.И. Малахова, А.Ю. Астафьев

В 1960 г. на базе кафедры отраслевых правовых наук была образована *кафедра уголовного права, процесса и криминалистики*, заведующим которой стал профессор *Владимир Евгеньевич Чугунов* – крупнейший специалист того времени по уголовному процессу зарубежных государств. В. Е. Чугунов старался развивать кафедру и юридический факультет в целом. Он был инициатором создания криминологической лаборатории, в рамках которой проводились социологические исследования в области права, а также совета по защите кандидатских диссертаций.

С 1967 г. заведовать кафедрой стал доцент *Виктор Васильевич Труфанов*. В 1974 г. кафедра уголовного права, процесса и криминалистики разделяется на две кафедры – *кафедру уголовного и исправительно-трудового права* и *кафедру уголовного процесса и криминалистики*, которую возглавил профессор *Геннадий Федорович Горский* – известный специалист по проблемам криминологии и следственной деятельности.

Кафедра уголовного права, процесса и криминалистики (начало 1970-х гг.): слева направо верхний ряд: В.М. Самороковский, А.С. Молодцов, Д.П. Котов, И.С. Ретюнских; средний ряд: В.И. Сметанкин, И.Ф. Кириллов, К.А. Панько, Р.В. Литвинов, В.Ф. Зудин; нижний ряд: В.С. Жгутов, Д.Н. Перов, И.И. Тарарыкина, В.В. Труфанов, Л.Д. Кокорев

С 1977 г. профессор *Лев Дмитриевич Кокорев* начинает заведовать кафедрой уголовного процесса и криминалистики, затем, после реорганизации в 1987 г., – кафедрой уголовного процесса.

Кафедра уголовного процесса и криминалистики ВГУ (начало 1980-х гг.): слева направо сидят: В.М. Саморовский, Р.В. Литвинов, З.Ф. Коврига, Л.Д. Кокорев, С.А. Никулина, И.Ф. Кириллов; стоят: Н.П. Кузнецов, А.С. Одиноких, В.Я. Понарин, В.А. Панюшкин, Т.М. Сыщикова, Д.П. Котов, О.Я. Бав

Доктор юридических наук, профессор Л. Д. Кокорев был ученым с необычайно широкими научными интересами: это и актуальные проблемы профессиональной этики юриста, и вопросы судоустройства, уголовного процесса, прокурорского надзора, современной судебной реформы. Его всегда отличала принципиальность в отстаивании собственных взглядов, отеческая забота об учениках, бескорыстность и преданность науке. Звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л. Д. Кокорев носил по праву. Многие из того положительного, что есть на кафедре уголовного процесса и на юридическом факультете в целом, является заслугой Льва Дмитриевича, который долгое время занимал должность декана юридического факультета.

Длительное время на кафедре работали профессор Дмитрий Петрович Котов – известный ученый по проблемам судебной этики и психологии следователя; профессор Владимир Яковлевич Понарин, в сферу научных интересов которого входили вопросы защиты имущественных прав личности в уголовном процессе. Первой женщиной-профессором на факультете была доктор юридических наук Зоя Филипповна Коврига – признанный авторитет по проблемам принуждения и ответственности в уголовном процессе.

*Кафедра уголовного процесса и криминалистики ВГУ (конец 1980-х гг.):
слева направо сидят: Р.В. Косинова, В.А. Ефанова, З.Ф. Коврига,
Т.М. Сыщикова; стоят: В.Я. Понарин, Ю.В. Астафьев, И.Ф. Кириллов,
В.А. Панюшкин, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов*

С 1996 г. кафедрой уголовного процесса заведовал кандидат юридических наук, доцент *Валентин Анатольевич Панюшкин*, который одновременно выполнял обязанности декана юридического факультета. Областью его научных интересов были проблемы использования до-

стижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве.

В 1997 г. кафедра уголовного процесса была переименована и стала носить название кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, а в 1999 г. вновь реорганизована путем разделения на две кафедры – *кафедру уголовного процесса* и *кафедру судоустройства и правоохранительной деятельности*. Кафедру уголовного процесса возглавил доктор юридических наук *Николай Пантелеймонович Кузнецов*. Область научных интересов профессора Н. П. Кузнецова составляли проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве.

С 2004 г. заведовать кафедрой стал кандидат юридических наук, доцент *Юрий Васильевич Астафьев*. В научной сфере наибольшее внимание Ю. В. Астафьев уделял вопросам соотношения доказательственной и оперативно-розыскной деятельности.

Кафедра уголовного процесса ВГУ (2012 г.): слева направо сидят: Н.К. Панько, Ю.Г. Просвирнин, Ю.В. Астафьев, В.Г. Просвирнин, А.Н. Кузнецов; стоят: И.С. Сыщиков, В.С. Мартынович, Г.В. Стародубова, А.Ю. Астафьев, Л.И. Малахова

С 2017 г. заведующая кафедрой – кандидат юридических наук, доцент *Галина Викторовна Стародубова*.

В настоящее время кафедра действует как подразделение, занимающееся исключительно уголовным процессом. Сферу научных интересов сотрудников составляют различные актуальные проблемы производства по уголовным делам: общие вопросы уголовно-процессуальной деятельности, установление истины в уголовном процессе, проблемы собирания доказательств в досудебном производстве, процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам, проблемы осуществления профессиональной защиты по уголовным делам и др.

Кафедра уголовного процесса обеспечивает учебный процесс по дисциплинам, закрепленным за ней в соответствии с учебными планами по направлению подготовки 40.03.01 – юриспруденция (бакалавриат). На высоком уровне преподавателями проводятся занятия по базовой дисциплине «Уголовный процесс» и спецкурсам «Права личности в уголовном процессе», «Уголовно-процессуальные акты».

Кафедрой реализуется одноименная магистерская программа «Уголовный процесс» по очной и заочной формам обучения (направление подготовки 40.04.01 – юриспруденция). Целью магистерской программы является подготовка высококвалифицированных специалистов в области расследования и судебного разбирательства уголовных дел: следователей, дознавателей, судей, прокуроров, адвокатов.

В рамках программы изучаются дисциплины, направленные на всестороннее исследование следственных и судебных действий, связанные с рассмотрением различных аспектов практической работы в уголовном судопроизводстве; раскрывается специфика деятельности судов первой и второй инстанций. Особое внимание в программе уделяется различным аспектам доказывания по уголовным делам, процессуальным средствам и способам собирания и проверки доказательств. Отдельный блок представляют вопросы истории уголовного процесса России, а также уголовного процесса зарубежных стран. Обучающиеся получают знания и умения применять нормы уголовно-процессуального права при производстве по уголовным делам. Обучение в магистратуре предполагает также широкое исследование научной проблематики в сфере уголовного процесса, анализ научных концепций и предложений по совершенствованию законодательства. Программа направлена на подготовку специалистов, сочетающих практические навыки со способностью к научному творчеству.

В числе дисциплин профессионального цикла программы: «Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса», «Принципы уголовного процесса», «Познание и доказывание в уголовном процессе», «Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс», «Уголовно-процессуальные проблемы предварительного расследования», «Меры принуждения в уголовном процессе», «Процессуальные особенности судебного рассмотрения отдельных категорий уголовных дел», «Пересмотр уголовных дел в вышестоящих судебных инстанциях», «Этические основы уголовного судопроизводства», «История уголовного судопроизводства», «Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран», «Решения в уголовном процессе», «Обжалование в уголовном судопроизводстве».

По окончании магистратуры возможно продолжение обучения и научной деятельности в аспирантуре по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Кафедра уголовного процесса выступает инициатором российских и международных тематических научных и научно-практических конференций по актуальным проблемам уголовного процесса (к 20-летию Конституции Российской Федерации, к 150-летию судебной реформы, по проблемам нравственных начал уголовного процесса, по вопросам досудебного соглашения

о сотрудничестве и т. д.). Совместно с кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности организует Всероссийскую научно-практическую конференцию «Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)».

С 2012 г. совместно с кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности издается периодический научный журнал «Судебная власть и уголовный процесс». С 2016 г. журнал выходит в свет ежеквартально.

Кафедра поддерживает тесные связи с практическими работниками. Этому способствует и то обстоятельство, что многие сотрудники параллельно с научной и учебной деятельностью активно занимаются практической работой в качестве адвокатов. Особенно эффективно кафедра сотрудничает с Воронежским областным судом, Прокуратурой Воронежской области, Адвокатской палатой Воронежской области. Представители правоохранительных органов регулярно выступают с лекциями перед студентами, обучающимися по профилю кафедры, участвуют в заседании круглых столов по проблемам правоприменения, проводимых на базе кафедры уголовного процесса.

С середины 1980-х гг. на кафедре функционирует научный студенческий кружок «Уголовный процесс», регулярно проводятся заседания в форме научно-практических дискуссий. В настоящее время создано и развивается сообщество «Уголовный процесс: юридический клуб», которое посещает всё большее число интересующихся проблемами уголовного процесса. «Юридический клуб» выполняет и еще одну задачу – профилактико-воспитательную, поскольку содержит комплекс материалов познавательного и обучающего характера.

Специфической чертой обучения по дисциплинам кафедры является проведение деловых игр в форме судебных заседаний, с распределением процессуальных функций между студентами. Деловые игры проводятся в специально оборудованном зале судебных заседаний. Основой судебных заседаний являются архивные уголовные дела, а также дела из дореволюционной истории уголовного процесса. В целях эффектив-

ной организации учебных судебных заседаний преподаватели кафедры организуют посещение студентами судебных заседаний в судах г. Воронежа.

Студенты, магистранты, аспиранты, обучающиеся по профилю кафедры, активно участвуют в российских и международных конференциях, занимают призовые места.

В апреле 2017 г. кафедрой уголовного процесса была организована Всероссийская конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Перспективы развития уголовного судопроизводства в России», проведение которой планируется сделать регулярным. В работе конференции приняли участие более 30 студентов из разных регионов России: Москвы, Белгорода, Курска, Казани, Саратова, Томска.

Кафедра уголовного процесса плодотворно сотрудничает с целым рядом вузов, в числе которых: Московский университет МВД России, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Юго-Западный государ-

ственный университет, Российский государственный университет правосудия.

Преподаватели кафедры являются авторами большого количества работ, активно используемых в научной, педагогической и практической деятельности, в том числе получивших гриф о рекомендации Учебно-методическим отделом высшего образования. Среди них: Уголовно-процессуальные акты: учебное пособие (коллектив кафедры; М.: Юрайт, 2017); Теоретические основы доказывания в уголовном судопроизводстве России: середина XIX – начало XX века: хрестоматия (сост. Ю. В. Астафьев и А. Ю. Астафьев; М.: Юрлитинформ, 2017); Производство дознания в сокращенной форме: науч.-практ. пособие (в числе авторов А. Н. Кузнецов; Воронеж: Научная книга, 2014); Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики (А. Ю. Астафьев; М.: Юрлитинформ, 2014); Методологические основы и предмет уголовно-процессуальной деятельности (Л. И. Малахова; М.: Юрлитинформ, 2011); Особенности собирания доказательств в уголовном процессе: монография (А. Н. Кузнецов; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011); Установление истины в уголовном процессе: монография (Г. В. Стародубова; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010); Участие защитника на стадии предварительного расследования. Руководство по расследованию преступлений: науч.-практ. пособие (в составе коллектива авторов Н. К. Панько; М.: Норма, 2008; с грифом МВД РФ) и др.

СТАРОДУБОВА
Галина Викторовна

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Основные биографические данные:

1983 – год рождения;

2002–2005 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2008 – защита кандидатской диссертации на тему «Методы и управление процессом установления истины в уголовном судопроизводстве»;

2013 – присвоение ученого звания доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Магистратура

Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса.

Антикоррупционная экспертиза уголовно-процессуального законодательства.

Познание и доказывание в уголовном процессе.

Решения в уголовном процессе.

Краткая аннотация научной деятельности:

принципы уголовного процесса; уголовно-процессуальное познание и доказывание; решения в уголовном процессе, их объективная основа и субъективный фактор в принятии; нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности.

Экспертная работа:

независимый эксперт, уполномоченный на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, независимый эксперт исполнительных органов государственной власти Воронежской области.

Награды, благодарности:

благодарственное письмо губернатора Воронежской области А. В. Гордеева за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность, подготовку высококвалифицированных специалистов и в связи с празднованием 100-летия образования университета (2017 г.).

Количество опубликованных работ:

свыше 60 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 4103-3306.

Индекс Хирша: 5.

Вхождение в состав редакционных коллегий научных журналов:

член редакционной коллегии журнала «Судебная власть и уголовный процесс»; член редакционной коллегии сборника научных трудов серии «Юбилей. Конференции. Форумы».

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: starodubova@law.vsu.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**АСТАФЬЕВ
Алексей Юрьевич**

Ученая степень, должность:

кандидат юридических наук, доцент кафедры.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс.

Основные биографические данные:

1987 – год рождения;

2005–2010 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2010–2013 – обучение в аспирантуре ВГУ;

2013 – защита кандидатской диссертации на тему «Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции».

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Магистратура

Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран.

Пересмотр уголовных дел в вышестоящих судебных инстанциях.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы эффективности правосудия; механизм формирования внутреннего убеждения судей; особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей; психологические и процессуальные аспекты взаимодействия судьи с другими субъектами уголовного процесса.

Награды, благодарности:

лауреат премии правительства Воронежской области среди молодых ученых за монографию «Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики» (2015 г.);

благодарность декана юридического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ» за высокий уровень теоретической подготовки участника конкурса научных работ обучающихся памяти профессора Л.Д. Кокорева «Профессиональная этика юриста» (2016 г., 2017 г.);

благодарность декана юридического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ» за вклад в обеспечение высокого уровня подготовки участников Всероссийской научной конференции студентов, магистров и аспирантов «Перспективы развития уголовного судопроизводства в России» (Воронеж, 21–22 апреля 2017 г.);

благодарственное письмо ректора Юго-Западного государственного университета за научное руководство конкурсной работой магистранта в V Международном конкурсе на лучшую научную работу среди студентов, магистров, бакалавров и аспирантов «Отправление правосудия по уголовным делам через призму уголовно-процессуального, криминалистического и судебно-экспертного опыта» имени проф. Е.Г. Мартынчика (2016 г., 2017 г.);

диплом за первое место по итогам научной сессии ФГБОУ ВО «ВГУ» (2015 г.); диплом за второе место по итогам научной сессии ФГБОУ ВО «ВГУ» (2016 г.);

благодарность ректора ФГБОУ ВО «ВГУ» за плодотворный труд и в связи со столетием университета (Воронеж, 23 марта 2018 г.).

Количество опубликованных работ:

36 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 4577-6659.

Индекс Хирша: 3.

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: woltgam@rambler.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**БАЕВА
Ксения Максимовна**

Должность:
преподаватель кафедры.

Основные биографические данные:

1994 – год рождения;
2010–2015 – обучение на юридическом факультете ВГУ;
2015 – по настоящее время – обучение в аспирантуре ВГУ.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат
Уголовный процесс.

Магистратура

Этические основы уголовного судопроизводства.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы профессиональной защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве и вопросы злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства.

Деятельность вне университета:

адвокат Воронежской областной коллегии адвокатов, АК «Баев и партнеры».

Количество опубликованных работ:

6 научных трудов.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 2015-2016.

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: baeva.ksenia@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**КУЗНЕЦОВ
Анатолий Николаевич**

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Основные биографические данные:

1979 – год рождения;

1996–2001 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2005 – защита кандидатской диссертации на тему «Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе»;

2013 – присвоение ученого звания доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Магистратура

Уголовно-процессуальные особенности предварительного расследования.

Обжалование в уголовном судопроизводстве.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы собирания доказательств в уголовном процессе; особенности уголовно-процессуальной деятельности в ходе досудебного производства по уголовным делам; проблемы профессиональной защиты от обвинения по уголовным делам.

Награды, благодарности:

благодарственное письмо ректора Байкальского государственного университета (2016 г.);

благодарственное письмо президента Адвокатской палаты Воронежской области;

благодарность ректора ФГБОУ ВО «ВГУ» за плодотворный труд и в связи со столетием университета (Воронеж, 23 марта 2018 г.).

Деятельность вне университета:

адвокат Воронежской областной коллегии адвокатов, АК «Бородин и партнеры».

Количество опубликованных работ:

свыше 30 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 1312-8034.

Индекс Хирша: 4.

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: mempad@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**МАЛАХОВА
Людмила Ивановна**

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Основные биографические данные:

1978 – год рождения;

1994–1999 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2002 – защита кандидатской диссертации на тему «Уголовно-процессуальная деятельность: общие положения»;

2009 – присвоение ученого звания доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Магистратура

Процессуальные особенности судебного рассмотрения отдельных категорий уголовных дел.

История уголовного процесса.

Награды, благодарности:

благодарность ректора ФГБОУ ВО «ВГУ» за плодотворный труд и в связи со столетием университета (Воронеж, 23 марта 2018 г.).

Краткая аннотация научной деятельности:

анализ предмета и структуры уголовно-процессуальной деятельности, ее результаты на различных стадиях уголовного процесса; методологические основы уголовно-процессуальной деятельности.

Количество опубликованных работ:

свыше 60 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 7830-5825.

Индекс Хирша: 5.

Владение иностранными языками: немецкий язык.

Электронный адрес: malah78@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**МОРГАЧЁВА
Лариса Алексеевна**

Должность:

преподаватель кафедры.

Основные биографические данные:

1974 – год рождения;

1992–1995 – обучение на юридическом факультете ВГУ.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Уголовно-процессуальные акты.

Магистратура

Принципы уголовного процесса.

Краткая аннотация научной деятельности:

принципы уголовного судопроизводства; проблемы обеспечения состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве; роль суда в состязательном уголовном процессе; особенности участия сторон в доказывании в состязательном судопроизводстве; уголовно-процессуальные акты.

Награды, благодарности:

благодарность ректора ФГБОУ ВО «ВГУ» за плодотворный труд и в связи со столетием университета (Воронеж, 23 марта 2018 г.).

Количество опубликованных работ:

свыше 40 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 7469-9123.

Индекс Хирша: 1.

Владение иностранными языками: французский язык.

Электронный адрес: laris777444@yandex.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

ПАНЬКО

Надежда Константиновна

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности.

Основные биографические данные:

1975 – год рождения;

1992–1997 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2000 – защита кандидатской диссертации на тему «Состязательность уголовного процесса России и роль адвоката-защитника в ее обеспечении»;

2011 – присвоение ученого звания доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Уголовный процесс.

Права личности в уголовном процессе.

Магистратура

Меры принуждения в уголовном процессе.

Краткая аннотация научной деятельности:

нравственные начала уголовного процесса; принципы уголовного процесса, а именно: состязательность, свобода оценки доказательств, независимость судей; деятельность адвоката; судебское усмотрение; справедливость в уголовном судопроизводстве; производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности.

Награды, благодарности:

благодарность президента Адвокатской палаты Воронежской области за высокое профессиональное мастерство при защите прав, свобод и законных интересов доверителей, безупречную работу по оказанию юридической помощи (2015 г.);

благодарность ректора ФГБОУ ВО «ВГУ» за плодотворный труд и в связи со столетием университета (Воронеж, 23 марта 2018 г.).

Деятельность вне университета:

адвокат Воронежской областной коллегии адвокатов, адвокатская консультация № 3 Ленинского района г. Воронежа.

Количество опубликованных работ:

свыше 35 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 7943-9733.

Индекс Хирша: 5.

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: nkranko@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**СЫЩИКОВ
Иван Сергеевич**

Должность:

преподаватель кафедры.

Основные биографические данные:

1988 – год рождения;

2005–2010 – обучение на юридическом факультете ВГУ.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Правоведение.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела.

Владение иностранными языками: английский язык.

Электронный адрес: Ivan.Sischikov@gmail.com

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

**ДЁГТЕВА
Надежда Викторовна**

Должность:

старший лаборант кафедры.

Основные биографические данные:

2014 – по настоящее время – лаборант кафедры.

Электронный адрес: degteva@law.vsu.ru; nad.dega@yandex.ru

Телефон: +7 (473) 220-84-02.

КАФЕДРА ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Кокорев
Лев Дмитриевич*

Кафедра *организации судебной власти и правоохранительной деятельности* была сформирована в 1999 г. в результате реорганизации кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора.

Основным мотивом создания кафедры являлось признание научной самостоятельности преподаваемых дисциплин и их междисциплинарного характера для всех направлений и специализаций. Вместе с тем и сложившиеся академические традиции в исследовании проблем профессиональной этики, организации судебной деятельности, правосудия и прокурорского надзора, заложенные заслуженным деятелем науки РФ, доктором юридических наук, профессором *Львом Дмитриевичем Кокоревым* (1925–1995), позволили эффективно продолжать их научно-педагогическую разработку на новом уровне.

С 1999 по 2015 г. заведующим кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности ВГУ был кандидат юридических наук, профессор *Валентин Анатольевич Панюшкин* (1953–2015).

С 2015 г. заведующий кафедрой – кандидат юридических наук, доцент *Денис Валентинович Зотов*.

Основными дисциплинами для бакалавров являются:

- Правоохранительные органы.
- Прокурорский надзор.
- Профессиональная этика юриста.

К числу спецкурсов и курсов на выбор бакалавриата относятся:

- Профессиональная речь юриста.
- Ораторское искусство.
- Мировой судья.
- Суд присяжных.
- Организация работы районной прокуратуры.
- Статус судьи.
- Суд и прокуратура зарубежных государств.
- Международные правоохранительные организации.

*Панюшкин
Валентин Анатольевич*

На кафедре открыта магистерская программа «Организация судебной власти и правоохрани-

тельной деятельности». Программа реализуется в очной и заочной формах обучения и включает в себя организационные и процессуальные вопросы деятельности судей, прокуроров и адвокатов. Магистерская программа предусматривает изучение вопросов судоустройства, организации работы прокуратуры и адвокатуры, российских и зарубежных основ процессуальной деятельности, практики современного правоприменения. Магистранты исследуют теоретические основы организации судебной власти и правоохранительной деятельности с формированием прикладных правовых навыков.

Программа нацелена на проведение актуальных прикладных научных исследований по проблемам законности, правопорядка, защиты прав и свобод личности, охраны интересов общества и государства; организации управления в судебных и прокурорских органах, в иных правоохранительных институтах.

Магистерская программа ориентирована на приобретение образования широкого профиля, которое позволяет претендовать на занятие должностей, требующих высшего юридического образования: судей, прокуроров, адвокатов, государственных служащих, в том числе в системе служб, обеспечивающих организацию судебной и правоохранительной деятельности.

В числе дисциплин профессионального цикла магистерской программы:

- Актуальные проблемы организации судебной власти и правоохранительной деятельности.
- Конституционные основы судебной власти в РФ.
- Статус судьи.
- Органы судейского сообщества.
- Суд присяжных.
- Особенности назначения наказания в суде присяжных.
- Судебная речь.
- Антикоррупционная экспертиза законодательства об организации судебной власти и правоохранительной деятельности.
- Актуальные проблемы деятельности прокуратуры вне уголовно-правовой сферы.
- Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса.
- Поддержание государственного обвинения.
- Организация работы районной (городской) прокуратуры.
- Защита прав личности в уголовном процессе.

Преподавание дисциплин осуществляется практикующими юристами. Некоторые преподаватели являются адвокатами. В состав Квалификационной коллегии судей Воронежской области входила доцент *Сыщикова Тамара Михайловна* (2000–2016). Членом общественной палаты Управления Миграционной службы по Воронежской области являлась доцент *Ефанова Валентина Алексеевна* (2010–2015). Доценты *Бабаев Сергей Николаевич* и *Ефанова Валентина Алексеевна* в разные периоды деятельности кафедры входили в состав комиссии по соблюдению требований к служебному поведению следственных работников и урегулированию конфликта интересов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области и прокуратуры Воронежской области.

Кафедра организует все виды практики студентов юридического факультета. Руководитель учебной (ознакомительной) практики бакалавриата и всей практики магистратуры – доцент *Шабанов Павел Николаевич*. Организационное руководство производственной практикой бакалавриата на факультете осуществляет доцент *Ефанова Валентина Алексеевна*.

На протяжении многих лет на кафедре формируются «прокурорские» и «следственные» группы из студентов, проходящих на общественных началах подготовку к работе в органах прокуратуры и следственного управления Следственного комитета Воронежской области. Ответственный за формирование таких групп – доцент *Бабаев Сергей Николаевич*.

Для студентов старших курсов на кафедре работает кружок «Прокурорского надзора». Студенты готовят доклады и выступления по проблемным вопросам прокурорского надзора и иных видов прокурорской деятельности. В заседаниях кружка принимают участие работники прокуратуры Воронежской области. Руководитель кружка – доцент *Ефанова Валентина Алексеевна*.

Кафедра тесно сотрудничает с различными правоохранными организациями Воронежской, Липецкой, Орловской, Белгородской, Тамбовской областей.

С 2015 г. кафедра организует по нечетным годам Всероссийскую научно-практическую конференцию «Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)». Участниками конференции традиционно выступают известные российские исследователи в области уголовного процесса, судебной власти и прокурорского надзора.

Преподаватели кафедры принимают участие в многочисленных международных конференциях. Большинство преподавателей проходили стажировку в государственных правоохранных органах и международных организациях.

С 2016 г. кафедра проводит ежегодный Всероссийский конкурс научных работ обучающихся памяти профессора Л.Д. Кокорева «Профессиональная этика юриста».

С 2012 г. совместно с кафедрой уголовного процесса издается федеральный научно-практический журнал «Судебная власть и уголовный процесс». С 2016 г. журнал выходит в свет ежеквартально. В состав редколлегии журнала входят ведущие представители науки уголовного процесса России и зарубежных стран. Главный редактор журнала с 2017 г. – *Денис Валентинович Зотов*. Научные направления журнала: организация судебной власти и правоохранительной деятельности; правосудие; уголовный процесс; теория оперативно-розыскной деятельности. Журнал рассчитан на преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, научных работников, сотрудников правоохранительных и правозащитных организаций, распространяется по

подписке, а также безвозмездно направляется в библиотеки и на профильные кафедры большинства вузов России, Украины и Белоруссии. На юридическом факультете учреждена стипендия для обучающихся имени профессора Л. Д. Кокорева, отбор претендентов на которую осуществляет кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности совместно с кафедрой уголовного процесса.

В настоящее время кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Воронежского государственного университета работает в следующем составе.

ЗОТОВ Денис Валентинович

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой, заместитель декана по магистратуре, председатель научно-методического совета юридического факультета ВГУ.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

Основные биографические данные:

1978 – год рождения;

1995–2000 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

2000–2003 – обучение в аспирантуре на юридическом факультете ВГУ;

2003 – защита кандидатской диссертации на тему «Теоретические проблемы научно-технических достижений, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании» в Воронежском государственном университете (научный руководитель – проф. В. А. Панюшкин);

2010 – присвоено ученое звание доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Правоохранительные органы.

Мировой судья.

Профессиональная речь юриста.

Магистратура

Актуальные проблемы организации судебной власти и правоохранительной деятельности.

Судебная речь.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы правоохранительной деятельности и организации судебной власти; вопросы мировой юстиции; профессиональная речь юриста; проблемы уголовно-процессуального доказывания.

Количество опубликованных работ:

свыше 100 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 2272-2813.

Индекс Хирша: 5.

Редактирование научных журналов:

главный редактор федерального научно-практического журнала «Судебная власть и уголовный процесс».

Вхождение в состав редакционных советов и редакционных коллегий научных журналов:

журнал «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право».

Электронный адрес: sudvl@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-82-51.

БАБАЕВ
Сергей Николаевич

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент.

Научная специальность по диплому:

12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право.

Основные биографические данные:

1969 – год рождения;

1986–1991 – обучение в Воронежском высшем военном инженерном училище радиоэлектроники по специальности командно-инженерная, радиоэлектронные средства;

1995–1998 – обучение на юридическом факультете ВГУ по специальности «Юриспруденция» (квалификация «юрист»);

2003 – защита кандидатской диссертации на тему «Прокурорский надзор как способ обеспечения законности правовых актов управления» в Воронежском государственном университете;

2006 – присвоено ученое звание доцента по кафедре организации судебной власти и правоохранительной деятельности.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Прокурорский надзор.

Профессиональная этика.

Суд и прокуратура зарубежных государств.

Международные правоохранительные организации.

Магистратура

Актуальные проблемы деятельности прокуратуры вне уголовно-правовой сферы.

Антикоррупционная экспертиза законодательства об организации судебной власти и правоохранительной деятельности.

Ответственный за формирование и деятельность «прокурорской» и «следственной» групп целевой подготовки на юридическом факультете ВГУ.

Краткая аннотация научной деятельности:

судебная власть и судебная система РФ; прокурорская деятельность; административное право; организация и деятельность правоохранительных

органов РФ; организация и деятельность правоохранительных органов зарубежных государств; противодействие коррупции; проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина.

Почетные звания и награды:

благодарственное письмо прокуратуры Воронежской области за активное плодотворное сотрудничество по подготовке квалифицированных специалистов для органов прокуратуры Воронежской области от 17 октября 2013 г.

Количество опубликованных работ:

более 40 научных трудов, в том числе монография, учебные и учебно-методические пособия.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 5054-5687.

Индекс Хирша: 3.

Владение иностранными языками: английский, украинский языки.

Электронный адрес: sergejbosn@yandex.ru

Телефон: +7 (473) 220-82-51.

**ДУКАНОВ
Сергей Сергеевич**

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент.

Научная специальность по диплому:

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Основные биографические данные:

1969 – год рождения;

1987–1992 – обучение на юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

1997 – защита кандидатской диссертации на тему «Прекращение юридических лиц».

1992–2017 – работал в Московской регистрационной палате правительства Москвы, Министерстве Российской Федерации по налогам и сборам, возглавлял УФНС по Воронежской области. Присвоен классный чин государственного советника Российской Федерации 2 класса.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Магистратура

Актуальные проблемы организации судебной власти и правоохранительной деятельности.

Количество опубликованных работ:

автор монографии «Прекращение юридических лиц», более 10 статей по вопросам корпоративного и налогового права.

Электронный адрес: sudvl@mail.ru

ЕФАНОВА
Валентина Алексеевна

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс.

Основные биографические данные:

1958 – год рождения;

1977–1982 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

1982–1985 – обучение в аспирантуре по кафедре уголов-

ного процесса ВГУ;

1985 – защита кандидатской диссертации на тему «Возбуждение уголовного дела судом» в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского (в настоящее время – Саратовская государственная юридическая академия) под научным руководством доктора юридических наук, профессора Л. Д. Кокорева;

1992 – присвоено ученое звание доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Прокурорский надзор.

Профессиональная этика.

Мировой судья.

Магистратура

Организация работы районной (городской) прокуратуры.

Статус судьи.

Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса.

Поддержание государственного обвинения.

Краткая аннотация научной деятельности:

судебная и прокурорская деятельность; статус судьи и прокурора; модернизация прокурорского надзора и участия прокурора в уголовном процессе; прокурорско-надзорные акты; уголовный процесс; совершенствование концепции и практики проведения судебной и прокурорской реформ.

Количество опубликованных работ:

более 70 научных трудов, в том числе монография, учебные и учебно-методические пособия.

Почетные звания и награды:

орден «Знак Почета» (1981); ветеран труда (2012).

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 4892-2274.

Индекс Хирша: 3.

Вхождение в состав диссертационных советов:

с 2000 по 2014 г. – ученый секретарь диссертационного совета Д 212.038.04 в Воронежском государственном университете.

Электронный адрес: valefan58@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-82-51.

СЫЩИКОВА
Тамара Михайловна

Ученая степень, ученое звание, должность:

кандидат юридических наук, доцент.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс.

Основные биографические данные:

1953 – год рождения;

1970–1975 – обучение на юридическом факультете ВГУ;

1987 – защита кандидатской диссертации на тему «Уголовно-процессуальная деятельность судьи» в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского (в настоящее время – Саратовская государственная юридическая академия) под научным руководством доктора юридических наук, профессора Л. Д. Кокорева;

1996 – присвоено ученое звание доцента.

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Правоохранительные органы.

Организация судебной власти.

Магистратура

Органы судейского сообщества.

Суд присяжных.

Краткая аннотация научной деятельности:

проблемы организации судебной власти и правоохранительной деятельности; деятельность органов судейского сообщества; вопросы деятельности суда присяжных.

Количество опубликованных работ:

свыше 40 научных трудов, в том числе учебных и учебно-методических пособий.

Индекс Хирша: 3.

Электронный адрес: sudvl@mail.ru

Телефон: +7 (473) 220-82-51.

ШАБАНОВ
Павел Николаевич

Ученая степень, должность:

кандидат юридических наук, доцент.

Научная специальность по диплому:

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Основные биографические данные:

1984 – год рождения;

2001–2006 – обучение на юридическом факультете ВГУ;
2006–2009 – обучение в аспирантуре на юридическом факультете ВГУ;
2009 – защита кандидатской диссертации на тему «Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики» в Воронежском государственном университете (научный руководитель – профессор В. А. Панюшкин).

Преподаваемые учебные дисциплины:

Бакалавриат

Профессиональная этика.
Правоохранительные органы.
Организация судебной власти.

Магистратура

Независимость судей.
Конституционные основы судебной власти.

Краткая аннотация научной деятельности:

независимость судебной власти; статус судьи; профессиональные стандарты деятельности юриста.

Количество опубликованных работ:

свыше 30 научных трудов, в том числе монография, учебные и учебно-методические пособия.

Author ID РИНЦ – идентификационный номер автора в системе «РИНЦ» (SPIN-код): 3051-6253.

Индекс Хирша: 2.

Электронный адрес: pshabanov@rambler.ru
Телефон: +7-920-443-54-81.

**ЩЕРБАТЫХ
Сергей Андреевич**

Должность:
лаборант кафедры.

Основные биографические данные:

1994 – год рождения;
2012–2016 – обучение в бакалавриате на юридическом факультете ВГУ;
2016–2018 – обучение в магистратуре на юридическом факультете ВГУ.

Электронный адрес: sergei.scherbatix@yandex.ru
Телефон: +7 (473) 220-82-51.

СОГЛАШЕНИЕ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования договорных отношений адвоката-защитника и адвоката-представителя с доверителями в уголовном судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокатура, соглашение об оказании юридической помощи, уголовное судопроизводство, квалифицированная юридическая помощь, адвокат-защитник, адвокат-представитель.

AGREEMENT ON THE PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A SPECIAL TYPE OF CIVIL LAW CONTRACT

The article deals with the issues of normative and legal regulation of contractual relations between defense lawyer and attorney-representative with trustees in criminal proceedings.

К e y w o r d s: advocacy, agreement on legal assistance, criminal proceedings, qualified legal assistance, defense attorney, attorney-representative.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Основания возникновения правоотношений между адвокатом и доверителем в уголовном судопроизводстве подчинены законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, к которому в соответствии с нормами ст. 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» относится Конституция РФ, федеральные законы, нормативные правовые акты Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, нормативные правовые акты субъектов РФ и Кодекс профессиональной этики адвокатов. Такое многообразие нормативных актов, содержащих обязательные для практикующих адвокатов правила поведения встречает множество интерпретаций тех или иных положений среди адвокатов, их доверителей, должностных лиц, осуществляющих производство и отправление правосудия по уголовным делам. Нормы правового института соглашения об оказании юридической помощи – один из таких случаев.

Правовая природа соглашения с момента принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в 2002 г. претерпела некоторые изменения. Первоначальный вариант рассматривал гражданско-правовую основу соглашения в качестве договора поручения, возмездного оказания услуг, смешанного договора. Изменения, внесенные в декабре 2004 г., исключив упоминание о договоре поручения и возмездного оказания услуг, устранили некоторую многозначность правового смысла отношений между адвокатом и лицами, получающими юридическую помощь, однако сущность понятия «до-

веритель» была конкретизирована только в 2015 г., с введением в КПЭА ст. 6.1, в которой доверителем признается как лицо, заключившее соглашение на оказание юридической помощи, так и сам ее получатель, например подозреваемый или обвиняемый. Кроме того, правовое положение лиц, получающих юридическую помощь по соглашению, назначению или бесплатно, в указанной статье было приведено в соответствие с нормой п. 8 ст. 10 КПЭА, которая еще в первой редакции закрепляла идентичность обязанностей адвоката, установленных законодательством, по отношению к перечисленным выше категориям лиц. Применяя распространительное толкование п. 2 ст. 6.1 КПЭА в его системной связи с положением ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», к доверителям следует отнести и лиц, обратившихся за юридической помощью и сообщивших адвокату сведения личного характера. Указанные выше изменения свидетельствуют о развитии определившейся в 2004 г. тенденции обеспечить правовые гарантии защиты всех лиц, которым адвокаты оказывают квалифицированную юридическую помощь.

В настоящее время законодатель вполне определился с пониманием сущности соглашения об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Этот вид договора закреплен в ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определен субъектный состав (адвокат и доверитель), форма (простая письменная), существенные условия (информация об адвокате, его принадлежности к адвокатскому образованию; предмет поручения; условия и размер выплаты доверителем вознаграждения и компенсации расходов, связанных с выполнением поручения; размер и характер ответственности адвоката, принявшего поручение).

Адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве, на основании этого договора оформляет ордер на участие в деле, который наряду с удостоверением является основанием допуска адвоката к материалам уголовного дела, а значит, рассматривая вопрос о соглашении, следует обратить внимание на то, какие правовые возможности предоставляет ордер в уголовном судопроизводстве. Ордерная книжка по форме, утвержденной приказом Минюста России от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера» оформляет адвокатское образование, к которому принадлежит адвокат, и заверяет ордер и корешок ордера печатью. Принципиальное значение в уголовно-процессуальных отношениях имеет только ордер. Так, рассматривая материалы по кассационной жалобе Б., осужденного по ч. 1 ст. 327 УК РФ, Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан в постановлении от 25 мая 2016 г. по делу № 44у-81/16 пришел к выводу, что использование корешка ордера не может быть признано подделкой официального документа, предоставляющего права в целях его использования. В материалах дела указано, что осужденный Б., лишенный статуса адвоката, заведомо зная, что он не может осуществлять защиту по уголовному делу, предоставил следователю незаконно заполненный корешок ордера устаревшего образца (приказ Минюста России от 8 августа 2002 г. № 217 «Об утверждении формы ордера»), на основании которого был допущен к участию в уголовном деле. В своей кассационной жалобе осужденный Б. обратил внимание суда на то, что бланк устаревшего образца не используется, отличается от действующего ордера и корешка ордера по качеству бумаги, размерам бланка, шрифту и реквизитам. Суд согласился с доводами кассационной жалобы осужденного Б., признав, что ордер и корешок ордера не могут быть рассмотрены как еди-

ный документ, поскольку ордер предоставляет право адвокату на участие в деле, а корешок ордера предназначен для статистической и финансовой отчетности адвоката перед адвокатским образованием. Суд удовлетворил жалобу Б., признав, что предъявленный Б. на предварительном следствии по обвинению Ш. корешок ордера «не может быть расценен как официальный документ, предоставляющий права».

Расторжение соглашения об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве имеет особенности, обусловленные законодательством об адвокатуре и уголовно-процессуальным законодательством, но следует отметить, что Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит некоторые положения, системно связанные с ГК РФ. Так, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ч. 2 ст. 25 прямо указывает на нормы ГК РФ в вопросах расторжения соглашения, поскольку законодатель определяет соглашение об оказании юридической помощи как гражданско-правовой договор. Общие начала гражданских правоотношений определили реализацию в соглашении принципа равенства сторон, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела со стороны должностных лиц государственных органов и органов адвокатской корпорации, беспрепятственного осуществления гражданских прав, свободного перемещения услуг по всей территории Российской Федерации. Помимо перечисленных положений, на соглашение об оказании юридической помощи распространяются нормы-принципы, предоставляющие возможность сторонам действовать своей волей и в своем интересе, самостоятельно и свободно устанавливая в соглашении свои права и обязанности, если они не противоречат закону.

Юридическая природа соглашения об оказании юридической помощи подозреваемым (обвиняемым) в уголовном судопроизводстве позволяет некоторым авторам определять его как смешанный договор, включающий в себя обязательства по защите и оказанию юридической помощи. Так, Г. Шаров, вице-президент ФПА РФ полагает, что соглашение содержит в себе «элементы договоров на оказание услуг, поручения на выполнение научно-исследовательских работ, агентского договора и пр.»¹. Полагаем, что такой подход выхолащивает смысл договорных отношений с адвокатом в уголовном судопроизводстве, придает им некоторую коммерческую направленность, не свойственную адвокатской деятельности, о чем прямо говорит законодатель в ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ряд отличительных особенностей соглашения об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве обусловлен положениями УПК РФ. Являясь по сути гражданско-правовым договором, это соглашение представляет собой его специфическую форму, обусловленную публично-правовым характером адвокатской деятельности. В уголовном судопроизводстве адвокат-защитник не может расторгнуть его в одностороннем порядке, т. е. отказаться от принятой на себя защиты (ч. 7 ст. 49 УПК РФ и п. 6 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Статья 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит и иные ограничения: адвокат не может принимать поручение, если понимает, что оно заведомо незаконно; если имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения, который не совпадает с интересами доверителя, если оказывает юри-

¹ Шаров Г. Договором закон не поправит // Новая адвокатская газета. 2016. № 24.

дическую помощь по делу доверителю, чьи интересы не совпадают с интересами обратившегося за юридической помощью. Адвокат не может занимать позицию по делу, которая не совпадает с позицией доверителя, разглашать информацию, ставшую ему известной в связи с оказанием юридической помощи и т. д. В определенной части эти ограничения обусловлены, с одной стороны, специфическими особенностями основ уголовного судопроизводства, а с другой – исторически сложившейся позицией адвокатуры России как института гражданского общества по отношению к доверителям и должностным лицам государственных органов, осуществляющим уголовное преследование и контроль за деятельностью адвокатуры.

Расторжение соглашения об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве регулируется нормами ГК РФ, но имеет ряд особенностей, обусловленных особым характером правоотношений, возникающих между адвокатом и доверителем. Соглашение не может быть расторгнуто в одностороннем порядке, поскольку его стороны не являются в этих отношениях субъектами предпринимательской деятельности, поскольку адвокатура как корпорация – некоммерческое учреждение. Доверителю требуется квалифицированная юридическая помощь, а адвокат в соответствии с законом основной своей целью имеет оказание такой помощи, а не извлечение прибыли. Таким образом, стороны непредпринимательского договора не имеют права на одностороннее расторжение договора. Эта позиция законодателя подтверждена в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 14 «О свободе договора». В постановлении Пленума ВАС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» подчеркнуто, что право на односторонний отказ от исполнения обязательств или изменение условий договора должно быть закреплено законодательством или иными правовыми актами. Пленум разъяснил, что право на односторонний отказ от выполнения условий договора может иметь сторона, не осуществляющая предпринимательскую деятельность в отношении стороны, осуществляющей предпринимательскую деятельность. Это означает, что соглашение об оказании юридической помощи расторгнуть в одностороннем порядке не имеет права ни адвокат, ни доверитель, т. е. оно может быть расторгнуто или изменено только по соглашению сторон.

Некоторые адвокаты предлагают в самом тексте договора «заложить механизм его двустороннего расторжения»², чтобы избежать случаев неуплаты вознаграждения адвокату в установленный срок. В случаях, когда соглашение заключено в пользу третьего лица, В. Раудин предлагает дополнить предложенный механизм закреплением в соглашении права сторон расторгнуть его без согласия лица, в пользу которого оно было заключено. Кроме того, автор предлагает включать в соглашение опцион на его расторжение и заключать соглашение под отменительным условием в случаях все той же неуплаты доверителем вознаграждения. По мнению практикующего адвоката, включение в соглашение об оказании юридической помощи одного из перечисленных механизмов будет способствовать защите интересов адвоката, связанных с получением вознаграждения.

На наш взгляд, эти вполне обоснованные с позиции гражданского законодательства включения в соглашение об оказании юридической помощи в сфере уголовного судопроизводства могут разрушить формирующиеся представления о

² Раудин В. Адвокатское соглашение // Новая адвокатская газета. 2017. № 1.

нравственных началах уголовной адвокатуры, заложенные в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики адвоката. Один из фундаментальных принципов уголовного судопроизводства гарантирует оказание квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката-защитника в целях обеспечения конституционного права на защиту. Принцип публичности, который можно назвать краеугольным камнем уголовного судопроизводства, усиливает специфичность деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве и оказывает влияние на правовой институт соглашения об оказании юридической помощи. Защита интересов гражданского общества и государства, в некоторой части возложенная на адвокатуру в ст. 48 Конституции РФ, должна быть истолкована более широко. Не оставляя без внимания интересы лиц, потерпевших от преступления, законодатель определил в ст. 6 УПК РФ двуединую задачу уголовного судопроизводства как основу обеспечения баланса интересов потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). В своих работах мы уже обращали внимание на необходимость обеспечения обязательного участия адвоката на стороне потерпевшего³. Незначительные изменения в УПК РФ появились только в 2013 г., когда была дополнена ч. 2 ст. 45, допустившая обязательное участие адвоката-представителя на стороне несовершеннолетнего потерпевшего, в отношении которого совершено преступление сексуального характера, но ограничение возраста таких лиц до 16 лет значительно снижают эффективность действия защитной функции адвокатуры.

Практика показывает, что участие адвоката на стороне потерпевшего встречает определенное противодействие со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование. Так, адвокат И. Л. Трунов заключил соглашение на оказание юридической помощи с С., (родственники С. погибли в авиакатастрофе над Синайским полуостровом при выполнении рейса Шарм-аль-Шейх – Санкт-Петербург 31 октября 2015 г.) и направил на имя Председателя Следственного комитета РФ обращения, в которых просил признать С. потерпевшей и ознакомить его как ее представителя с рядом процессуальных документов. В ответе, поступившем из ГСУ СК РФ сообщалось, что С. признана потерпевшей, но адвокат не был допущен в дело в качестве представителя потерпевшей на том основании, что в деле отсутствовало ходатайство С., которое требуется в соответствии с нормой ч. 1 ст. 45 УПК РФ. Ордер на участие в деле адвоката И. Л. Трунова был возвращен ему с формулировкой «по минованию надобности», хотя в его формуляре было указано основание принятия поручения – соглашение на оказание юридической помощи. В соответствии с приказом Минюста России от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера» этот документ подтверждает полномочия адвоката в уголовном судопроизводстве, сущность поручения, содержит указание на лицо, чьи интересы представляет адвокат и основание выдачи ордера – в данном случае реквизиты соглашения на оказание юридической помощи. Полагаем, что требование в таком случае заявления от потерпевшего, подтверждающего его волю привлечь в качестве представителя адвоката, – значит препятствовать реализации права на получение квалифицированной юридической помощи и затруднять гражданам доступ к правосудию. Более того, функции адвокатуры как института гражданского общества в вопросах защиты интересов граждан в уголовном судопроизводстве долж-

³ См.: *Баева Н. А.* Конфликты в деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 185–186 ; *Баев М. О.* Тактико-этические начала деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 284–285 ; и др.

ны распространяться не только на подозреваемых (обвиняемых), потерпевших от преступления, но и всех лиц, которые могут нуждаться в получении квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката (свидетель, гражданский истец, частный обвинитель; лица, заявляющие о преступлении в порядке ст. 141 УПК РФ⁴).

Такая позиция основана на том, что публично-правовой характер адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве подтвержден неоднократно в постановлениях Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П, 17 декабря 2015 г. № 33-П, где прямо заявлено о том, что на адвокатуру возложена публичная обязанность обеспечивать правовую защиту человека и гражданина в Российской Федерации посредством оказания квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, принцип публичности является имманентным свойством российской адвокатуры, влияющим на правовые отношения адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве с доверителями, должностными лицами правоохранительных органов и судом. Можно обозначить несколько ситуаций, в которых публично-правовой характер адвокатуры проявляется наиболее очевидно. По общему правилу адвокат не может действовать вопреки воле доверителя, позиция адвоката-защитника должна совпадать с позицией подозреваемого (обвиняемого). Однако если адвокат убежден, что подзащитный оговаривает себя по каким-либо причинам, то в силу нормы п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ч. 1 ст. 9 КПЭА он должен настойчиво и последовательно отстаивать свою правовую позицию. Один из ярких примеров такой защиты можно видеть в речи адвоката Я. С. Киселева, осуществлявшего защиту И. Н. Кудрявцевой, обвинявшейся в убийстве мужа В. И. Кудрявцева из низменных побуждений. Следствие пришло к выводу о том, что Кудрявцева мстила мужу за то, что он добился судебного решения о ее выселении из квартиры, тем самым ухудшив ее бытовые условия.

На суде Кудрявцева признала себя виновной и повторила свои показания о мотивах убийства. Адвокат полагал, что подзащитная скрывает истинные мотивы убийства: Кудрявцев, прервав с ней супружеские отношения, вновь женился, затем сошелся с Кудрявцевой на время судебной тяжбы, вселив надежду на восстановление брачно-семейных отношений. По мнению защитника, это циничное и расчетливое поведение Кудрявцева и послужило истинной причиной убийства. На суде, вопреки позиции подзащитной, адвокат заявил: «В деле действительно создалась очень своеобразная, как говорят военные, диспозиция, в которой стороны расположились так: на одной позиции прокурор и гражданский истец. Это естественно. Но рядом с ними, во всяком случае тогда, когда речь идет о выявлении мотивов, находится и подсудимая. На другой позиции – защитник. В полном одиночестве. С ним никого нет. Нет даже и подсудимой, которую он защищает»⁵.

В определениях Конституционного Суда РФ неоднократно обращалось внимание на необходимость обеспечения реализации подозреваемым (обвиняемым) своего права на защиту в уголовном судопроизводстве посредством обязательного участия адвоката-защитника в случаях, установленных законом. При этом в определениях Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 424-О, от 21 ок-

⁴ См.: Амельков Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3.

⁵ Киселев Я. С. Судебные речи. Воронеж, 1971. С. 109.

тября 2008 г. № 488-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1622-О-О и от 20 октября 2011 г. № 1426-О-О Конституционный Суд обращает внимание на то, что уголовно-процессуальный закон исключает принуждение подозреваемого (обвиняемого) к реализации права на защиту вопреки его воле. В определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 1014-О Конституционный Суд поясняет, что в каждом конкретном случае дознаватель, следователь или суд должны установить, не является ли отказ от защитника вынужденным шагом, причиняющим вред его законным интересам.

Ситуации расторжения соглашения на оказание юридической помощи посредством реализации нормы ч. 1 ст. 52 УПК РФ следует считать односторонним актом, демонстрирующим позицию доверителя. В качестве причины этого уголовно-процессуального действия чаще всего выступает низкая квалификация адвоката, занятая им позиция по делу, отсутствие средств для выплаты вознаграждения адвокату, желание заключить соглашение с другим адвокатом и другие причины, например обнаружение обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 72 УПК РФ, расхождения в понимании стратегии и тактики защиты, недостаточная квалификация адвоката по определенной категории дел, обнаружившаяся в ходе следствия, недостаточная активность адвоката в обеспечении интересов подзащитного. Как мы уже обращали внимание, законодательство таким способом обеспечивает реализацию свободной воли подозреваемого (обвиняемого) в конкретных правоотношениях с адвокатом, не препятствуя в дальнейшем приглашать другого защитника по соглашению к участию в производстве по уголовному делу. Особенности, обусловленные уголовно-процессуальными нормами, имеют не только сама процедура расторжения соглашения на оказание юридической помощи, но и ее последствия. Как мы уже отметили, вопреки нормам гражданского законодательства расторжение соглашения возможно в одностороннем порядке: подзащитному достаточно заявить об этом письменно в любое время, а если эта инициатива проявлена непосредственно во время производства следственного действия, то об этом волеизъявлении подозреваемого (обвиняемого) указывают в протоколе следственного действия. Однако адвокат-защитник не может в таких случаях покинуть зал судебного заседания или кабинет следователя. Более того, адвокат не может уклониться от участия в деле до тех пор, пока суд или должностное лицо, осуществляющее расследование, не сочтет, что выход адвоката из дела не причиняет ущерб законным интересам подозреваемого (обвиняемого). Таким образом, осуществление обязанностей защитника может продолжаться даже при назначении «адвоката по пятьдесят первой» или при возникновении конфликта, вызванного отказом оплачивать работу адвоката, в том числе командировочные и суточные расходы; требованием со стороны подзащитного выполнить заведомо противоправные действия, отказом от адвоката в устной форме или отказом от составления письменного заявления об отказе от помощи адвоката.

Такое решение может показаться несправедливым по отношению к адвокату, но положения ч. 2 ст. 453 ГК РФ определяют, что при расторжении договора в некоторых случаях, предусмотренных законом (как, например, в ч. 7 ст. 49 УПК РФ) или в ситуациях, когда сама сущность обязательства это предполагает (оказание квалифицированной юридической помощи нуждающемуся) обязательства сторон (в нашем случае – обязанность адвоката осуществлять защиту на определенном этапе уголовного судопроизводства) продолжают иметь юридическую силу.

В некоторых случаях это приводит к таким ситуациям, когда адвокат-защитник

не может отказаться от принятой на себя защиты, но отказывается участвовать в процессуальных действиях, мотивируя это различными уважительными причинами (например, занятость по другому делу). Некоторые авторы предлагают закрепить этот казус в понятии «отказ участвовать в процессуальных действиях (подача заявления о невозможности осуществлять защиту)», полагая, что «самой приостановкой процессуальных действий адвокат-защитник оказывает профессиональную помощь»⁶. Полагаем, что это решение проблемы не лучше, чем заявление самоотвода адвоката или устранение от участия в деле без всяких объяснений.

В настоящее время именно вопросы расторжения соглашения являются наиболее актуальными в адвокатской практике. Связано это, на наш взгляд, с тем, что соглашение об оказании юридической помощи представляет собой особый вид гражданско-правового договора. Одним из способов разрешения конфликтов адвоката с доверителем может быть обращение адвоката в Совет Адвокатской палаты соответствующего субъекта в соответствии с нормой ч. 4 ст. 4 КПЭА, которая предполагает право адвоката в случае возникновения сложной этической ситуации получить разъяснение. Право получить разъяснение – единственная легальная возможность, данная адвокату, ни в коей мере не уравнивающая правовые возможности доверителя в вопросах расторжения гражданско-правового договора – соглашения об оказании юридической помощи. До тех пор, пока законодатель не внесет изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и УПК РФ, позволяющие адвокату в исключительных случаях расторгать соглашение, ситуации правовой незащищенности адвоката в его правоотношениях с доверителем будут порождать различного рода конфликты, снижающие уровень правовой защиты доверителя.

⁶ Анисимов В. Ф., Дядькин Д. С., Акинина Н. Ю. Об отдельных аспектах стандартизации деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2016. № 6. С. 35–38.

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)*

Баева Н. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права

Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh)

Baeva N. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department
E-mail: baeva.nata@mail.ru
Tel.: 8-919-185-94-25

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена вопросам содержания и формы уголовного судопроизводства. В ней также анализируются вопросы, связанные с дифференциацией форм уголовного судопроизводства РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: процессуальная форма, порядок уголовного судопроизводства, следственные и судебные действия.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND CONTENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the content and the form of criminal proceedings. It also analyzes issues related to the differentiation of the forms of the criminal procedure of the Russian Federation.

К e y w o r d s: procedural form, criminal procedure, investigative and judicial actions.

Поступила в редакцию 8 августа 2018 г.

Уголовно-процессуальное право устанавливает процедуру (порядок, форму) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производство в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений, которые могут быть вынесены. Этот порядок производства по делу в целом или отдельных процессуальных действий в теории уголовного процесса принято называть процессуальной формой.

Как верно отмечает С. А. Шейфер: «... процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса. Она обусловливается и самой сущностью уголовного судопроизводства, и его принципами. Своевременное и правильное применение уголовного закона к лицам, совершившим преступление, обеспечивается надлежащим порядком производства по уголовным делам, определяемым уголовно-процессуальным законодательством и облакаемым в процессуальные формы, которые призваны содействовать установлению истины и обеспечивать соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса»¹. Процессуальная форма является специфической разновидностью формы государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства и его принципами.

Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы традиционно были и остаются предметом научных дискуссий в теории уголовного судопроизводства. Так, М. С. Строгович подчеркивал, что процессуальной формой называется совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для

¹ Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 14.

© Малахова Л. И., 2018

совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности².

Комплексная оценка указанных выше суждений позволяет сделать следующие промежуточные выводы. Так, нельзя полностью согласиться с определением процессуальной формы, согласно которому она может быть установлена лишь для отдельных процессуальных мероприятий (например, для допроса или обыска), а также для их совокупности (например, для отдельной стадии процесса или для процессуальной комбинации). Однако форма установлена и для всей уголовно-процессуальной деятельности. Она обусловлена историческим типом (формой) уголовного судопроизводства и заключается в последовательном осуществлении всех его стадий.

Определение процессуальной формы, представленное в работах М. С. Строговича, является более развернутым. Следует отметить, что автор совершенно справедливо распространял действие процессуальных форм как на органы предварительного расследования, прокуратуру и суд, так и на других участников производства по уголовному делу. Действительно и подозреваемый, и обвиняемый, и потерпевший, и другие участники реализуют свои процессуальные права (подают жалобы, заявляют ходатайства, знакомятся с материалами уголовного дела) в строго установленном порядке.

Анализ современной литературы по данной проблематике показывает, что в настоящее время ученые-процессуалисты так и не выработали единого научного подхода к понятию уголовно-процессуальной формы.

Так, И. Л. Петрухин полагает, что уголовно-процессуальная форма – это установленный регламент расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах; это совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность, обеспечивающая достижение целей судопроизводства³. Н. П. Кузнецов говорил о процессуальной форме как о закреплённой уголовно-процессуальным правом структуре всего уголовного процесса и отдельных его стадий последовательности и порядке совершения процессуальных действий и закрепления их в правовых актах⁴.

Анализ точек зрения различных авторов позволяет резюмировать, что под уголовно-процессуальной формой можно понимать: а) уголовно-процессуальные отношения; б) разбирательство и разрешение дела; в) внешний порядок, внешнюю форму, в которую облекается эта уголовно-процессуальная деятельность. Следует также отметить, что в процессуальной литературе встречаются и другие определения этого понятия.

В связи с этим представляется более удачной трактовка понятия формы уголовного производства как системы норм, регулирующей отношения, возникающие в процессе деятельности субъектов уголовного процесса в определенной последовательности, порядок принятия решений и условий их пересмотра.

Чем качественно отличается данная характеристика этого понятия от определений других авторов? Тем, что в ней указано, что процессуальная форма есть

² См.: *Строгович М. С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // *Социалистическая законность.* 1974. № 8. С. 27.

³ См.: *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. Л. Петрухин.* М., 2004. С. 54.

⁴ См.: *Кузнецов Н. П., Кокорев Л. Д.* Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 62.

система норм, регламентирующая деятельность участников процесса, а не совокупность условий и явлений и т. д. Понятие «система» наиболее точно отвечает ее содержанию. Все процессуальное законодательство, его институты и нормы, обслуживающие уголовное производство, между собой находятся во взаимосвязи по формуле «система – подсистема – элемент».

Уголовно-процессуальная форма будет более эффективна, если она будет не «закостенелой», а дифференцированной, отвечающей отдельным особенностям, возникающим в ходе уголовного судопроизводства в целях его оптимизации. Назначением дифференциации форм уголовного процесса является повышение их результативности, оптимизации и эффективности.

Решение этой проблемы имеет также самое непосредственное отношение к проблеме защиты прав и интересов личности в сфере уголовно-правовых отношений судопроизводства.

Поэтому, оценивая любые предложения о дифференциации процессуальной формы, следует учитывать, наряду с достижением экономии путем упрощения и оптимизации, также и требование развития или сохранения достигнутого уровня гарантий обеспечения истины и охраны прав и интересов граждан по разным категориям уголовных дел.

Исторический анализ системы и порядка судопроизводства в России показывает, что закономерностью являлось не наличие единой процессуальной формы, а, напротив, многообразие процедур судопроизводства для каждого исторического этапа. При этом дифференциация процессуальной формы дополнялась и углублялась дифференциацией судебных учреждений и даже мер наказания.

В основе этого разнообразия лежали причины социального порядка. Деление общества на сословия, особенно в докапиталистический период, порождало не только разные суды для каждого из них, но и различный подход к оценке доказательственного значения показаний и выбору вида наказания. Выделялись из общего порядка рассмотрения дела о тяжких преступлениях, прежде всего о преступлениях против государя и государства. Реформа 1864 г., провозглашая задачу создания суда, равного для всех, фактически лишь изменяла основания дифференциации. Маскировался сословный подход и выделялся признак тяжести преступления. В послеоктябрьский период (с 1917 г.) открыто пропагандировался классовый подход, который позволял применять репрессии против «класса эксплуататоров» в упрощенной процессуальной форме. При этом допускались и достаточно широко меры внесудебной расправы. Реформы судопроизводства 1958–1960 гг. существенно упорядочили процессуальную форму и систему процессуальных гарантий. Этим же путем идут и реформы 1990-х гг. Но сама идея дифференциации сохраняется и даже углубляется с учетом характера дел и субъекта преступления. Углубляется и дифференциация судостроительного характера – появилось единоличное правосудие, правосудие коллегией из трех профессиональных судей, суд присяжных⁵.

Среди форм дифференциации уголовного судопроизводства по действующему законодательству Российской Федерации можно выделить следующие.

Примирительная форма разбирательства уголовных дел посвящена вопросам обоснования необходимости внедрения в практику предварительного расследования и судопроизводства примирительных процедур. Известно, что между гражд-

⁵ См.: Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства : проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. 2013. С. 203.

данами возникает множество конфликтов, которые могут послужить поводом для уголовного преследования, но которые не носят значительного общественно опасного характера и никак не затрагивают существенные интересы граждан, государства и общества.

В условиях возрастания числа правонарушений, споров и конфликтов, недостатка в квалифицированных судебных кадрах, слабой ресурсной обеспеченности системы юстиции логически возникает необходимость введения в законодательном порядке по преступлениям небольшой общественной опасности простых, упрощенных процедур рассмотрения дел. Эти формы могут быть как досудебные, так и судебные. На этот путь стали многие государства Западной Европы. Возбуждение примирительного производства возможно при наличии таких условий, как заявление потерпевшего о примирении с обвиняемым и подсудимым; заглаживание причиненного потерпевшему вреда; примирение потерпевшего с лицом, совершившим преступление; совершение этим лицом преступления впервые; совершенное деяние относится к категории преступлений небольшой тяжести. Только при наличии всех этих условий в совокупности возникает основание для освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в рамках ст. 76 УК РФ.

К новеллам, относящимся к форме примирительных процедур следует отнести введенную законодателем ст. 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

Категорические формулировки, которые применяются в тексте данной статьи, указывают на то, что при условиях, прямо в них предусмотренных, постановление обвинительного приговора исключается. Тот, в чьем производстве находится уголовное дело, обязан прекратить и уголовное преследование обвиняемого, подозреваемого, и производство по уголовному делу (в целом или в соответствующей части). Однако реабилитацией такое прекращение не является⁶.

К следующим формам дифференциации уголовного судопроизводства можно отнести: особенности разбирательства по делам несовершеннолетних; лиц, страдающих физическими и психическими недостатками; в суде присяжных; в отношении отдельных категорий лиц.

Дифференциация форм уголовного производства по этим категориям уголовных дел предполагает усиление процессуальных гарантий прав потерпевшего, обвиняемого, подсудимого, защитника и их законных представителей. Это вызвано особенностями расследуемых и рассматриваемых в суде уголовных дел. Для этих форм характерно то, что они осуществляются с соблюдением общих правил уголовного производства, но с дополнительными процедурными гарантиями.

В настоящее время законодатель стремится к упрощению судопроизводства, в том числе и уголовного, к дифференциации и расширению принципа диспозитивности и сокращению публичных начал, что является тенденцией, свойственной почти всем развитым государствам. Так, на любом этапе развития оптимизация судопроизводства была связана с упрощением его сроков; исключением из процесса отдельных этапов либо их структурных элементов; упразднением отдельных процессуальных институтов и норм. При этом в основе производства по уголовно-

⁶ См., например: Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012 ; Мильтова Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

му делу всегда лежали базовые принципы и гарантии прав его участников, которые в той или иной форме сохранялись законодателем при регламентации ускоренного порядка отправления правосудия.

Воронежский государственный университет

*Малахова Л. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

Voronezh State University

*Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
Tel.: 8(473) 22-08-402*

АСИММЕТРИЯ ПРАВИЛ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН

Теория доказательств в уголовном судопроизводстве непосредственно влияет на процесс доказывания в рамках практической деятельности. Однако многие ее положения на деле вызывают спорные ситуации. В статье анализируется критерий допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве через призму концепции асимметрии правил допустимости доказательств, которая призвана обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства в полном объеме. Авторы утверждают, что асимметрия правил допустимости доказательств должна быть включена в действующее уголовно-процессуальное регулирование, но при этом сама требует модификации с учетом действия принципа состязательности сторон, который включен в национальный уголовный процесс смешанного типа. Представлены модели соотношения целей уголовного судопроизводства, отражающие действие концепции асимметрии правил допустимости доказательств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория доказательств, допустимость доказательств, асимметрия правил допустимости, доказывание, состязательность.

ASYMMETRY OF RULES OF ADMISSIBILITY OF PROOFS IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS OF THE PARTIES

The theory of evidence in criminal proceedings directly affects the process of evidence in the framework of practical activities. However, many of its provisions actually cause controversial situations. The article analyzes the criterion of admissibility of evidence in criminal proceedings through the prism of the concept of asymmetry of the rules of admissibility of evidence, which is intended to ensure the implementation of the purpose of criminal proceedings in full. The authors argue that the asymmetry of the rules for the admissibility of evidence should be included in the existing criminal procedure regulation, but at the same time, it itself requires modification to take into account the principle of adversarial proceedings, which is included in the national criminal process of a mixed type. To confirm their arguments, the authors presented models of the relationship between the goals of criminal proceedings reflecting the concept of asymmetry of the rules for the admissibility of evidence.

К e y w o r d s: proof theory, admissibility of evidence, asymmetry of admissibility rules, proof, competitiveness.

Поступила в редакцию 8 августа 2018 г.

Допустимость – один из ключевых и легально определенных критериев оценки доказательств. Являясь «мерилом» юридической силы любого доказательства, критерий допустимости регламентирован не только процессуальным законодательством, но и Конституцией РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ «при осуществлении правосудия не допускается использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона»¹. Исходя из системного сопоставления регламентации критерия допустимости доказательств в различных отраслях отечественного процессуального законодательства, представляется, что именно

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. 1993. 25 дек.

© Панькина И. Ю., 2018

уголовно-процессуальный закон не только детально развивает конституционное положение, но и закладывает в допустимость доказательств уникальное содержание. Такое утверждение закономерно в силу того, что уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие из-за необходимости государства реагировать на каждое нарушение уголовного закона, тесно переплетаются с защитой прав и свобод тех лиц, которые становятся участниками упомянутых отношений. В первую очередь – это потерпевший и подозреваемый (обвиняемый, подсудимый). К тому же уголовное судопроизводство в соответствии со ст. 6 УПК РФ имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод². Для реализации этого назначения в УПК РФ закреплены как принципы уголовного судопроизводства, так и отдельные уголовно-процессуальные нормы, способствующие защите прав и свобод. В данном аспекте мы уделяем внимание претенциозной и дискуссионной концепции, способной вызвать существенные изменения устоявшегося в отечественном уголовном процессе критерия допустимости доказательств, – концепции асимметрии правил допустимости доказательств.

Концепция асимметрии правил допустимости доказательств в самых общих чертах представляет собой исключение из сбалансированных правил допустимости доказательств, когда недопустимыми могут быть признаны только обвинительные доказательства, а оправдательные (шире – «защитные») доказательства не признаются недопустимыми, невзирая на нарушение закона при их получении³. В самом широком смысле апология и критика данной концепции лежат в плоскости защиты прав и свобод потерпевших от преступлений либо подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в совершении преступления. Однако попытки смоделировать концепцию асимметрии правил допустимости доказательств на практике привели к некоторым ее модификациям, которые неодинаково воздействуют на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Например, приводятся различные подходы к определению того, к каким «защитным» доказательствам применима асимметрия правил допустимости. С одной стороны, предлагается применение анализируемой концепции только к тем доказательствам, которые оправдывают (смягчают уголовную ответственность) обвиняемого (подсудимого), но при этом признаны недопустимыми вследствие нарушения процедуры их собирания стороной обвинения, а с другой – гипертрофированная асимметрия каждого доказательства, исходящего от стороны защиты⁴. Более того, имеют место утверждения о существовании в действующем уголовном процессе асимметрии правил допустимости «от противного», ибо уголовно-процессуальным законом не установлена ни форма получения сведений защитником, ни порядок фиксации их результатов⁵. «Венцом» моделирования анализируе-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

³ См.: Кудрявцев В. Л. Некоторые вопросы допустимости доказательств в контексте назначения уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Рос. следователь. 2012. № 24. С. 2–5.

⁴ См.: Ревина И. В., Петров Н. В. И снова к теории асимметрии правил допустимости доказательств : для чего она необходима и почему не применима? // Дискурс : науч. журнал. 2017. № 12. С. 263–270.

⁵ См.: Безгласная О. А. Некоторые актуальные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 128–132.

мой концепции можно обозначить переход от асимметрии правил допустимости доказательств к асимметрии правил оценки доказательств, когда допустимость доказательств смешивается с их относимостью и достоверностью, а недопустимыми доказательствами могут быть признаны показания участников процесса, полученные без нарушений закона⁶. Так или иначе, самый главный постулат концепции асимметрии правил допустимости доказательств не регламентирован в современном отечественном уголовном судопроизводстве, что обусловлено недопустимостью нарушения равновесия прав и свобод потерпевших и обвиняемых (подозреваемых, подсудимых).

Но пронизывает ли упомянутое равновесие прав и свобод весь объем уголовно-процессуальной деятельности, связанной доказыванием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела? И если нет, то какой степени дисбаланс прав и свобод необходим и достаточен для переоценки правил допустимости доказательств? Ответы на эти вопросы, по нашему мнению, могут скрываться в плоскости рассмотрения концепции асимметрии правил допустимости доказательств через призму принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Отсутствие реальной состязательности сторон на досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства определяет «розыскную» сущность предварительного расследования, следствием чего стало отнесение всего процесса к смешанному типу.

Множественность концепций по проблеме реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, предложенных с 2002 г., на первый взгляд, уменьшила остроту научных споров, но тем самым заставила судей выбрать собственную форму участия в судебном следствии – активную, пассивную или смешанную. Но если этот вопрос периодически возникает в практике Верховного Суда РФ⁷, то отсутствие состязательности на предварительном расследовании практически уже никого не тревожит. Более того, адвокаты заявляют о том, что отсутствие состязательности на стадии предварительного расследования абсолютно не влияет на процесс осуществления защиты прав и законных интересов обвиняемых лиц⁸.

Адвокатское расследование не регламентировано УПК РФ. Хотя в действующем регулировании уголовного судопроизводства лаконично закреплены способы собирания доказательств защитником. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от компетентных органов. Деятельность же субъектов предварительного расследования по собиранию доказательств имеет большие масштабы. К тому же в процессе доказывания допускается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

Однако данные «преимущества» сбалансированы тем, что субъекты предварительного расследования должны доказывать и те обстоятельства, которые мо-

⁶ См.: Балакшин В. С. «Асимметрия» правил оценки доказательств // Законность. 2007. № 3. С. 2–5.

⁷ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51897.html/>

⁸ См.: Салакко А. С. Адвокатское расследование как деятельность адвоката в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 3.

гут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, исключают преступность и наказуемость деяния, смягчают наказание. Получается, что легально закрепленные принцип состязательности сторон, права защитника, позволяющие собирать и представлять доказательства, определение способов их собирания заставляют задуматься о критериях, определяющих допустимость полученной информации⁹.

Считаем, что выработка, обоснование и реализация на практике таких критериев возможна в рамках концепции асимметрии правил допустимости доказательств, с учетом ее распространения на деятельность субъектов уголовного процесса.

Рассмотрим две модели взаимосвязи целей уголовного судопроизводства для аргументации важности концепции асимметрии правил допустимости доказательств. Так, идеальной моделью соотношения выступает защита прав и законных интересов потерпевших путем привлечения к уголовной ответственности не только формально, но и фактически виновного лица. Другой моделью может выступить формальная защита прав и свобод потерпевших путем привлечения к уголовной ответственности фактически невиновного лица. Последний вариант никоим образом не соответствует целям уголовного судопроизводства, но реально возможен в силу особенностей процесса доказывания, в частности критерия допустимости. Принимая во внимание то, что субъекты предварительного расследования обязаны, наряду с защитником, собирать «оправдательные» доказательства, потенциально возникает возможность признания «оправдательного» доказательства недопустимым вследствие нарушений, допущенных в ходе предварительного расследования. В данном случае подозреваемый (обвиняемый) может пострадать от несоответствующей закону реализации дискреционных полномочий стороны обвинения.

Более того, ситуационно возможна коллизия, когда защитник не способен собрать и приобщить те «оправдательные» сведения, которые были получены стороной обвинения с нарушением закона, а обстановка среды, позволяющая собрать такие сведения, была деформирована. Таким образом, «оправдательный» факт продолжает «существовать», «следовать» за личностью подозреваемого (обвиняемого) и поддаваться познанию, но юридической силой не обладает и не может быть использован при решении вопроса, например о виновности лица. Представляется, что ситуация, когда осуждение лица и назначение ему наказания основываются только на «обвинительных» и без учета «оправдательных» доказательств, признанных недопустимыми, не отвечает требованиям справедливости. Привлечение же к уголовной ответственности лица, фактически невиновного в совершении преступления, не нивелирует общественную опасность реального преступника и не защищает права и законные интересы потерпевших.

Согласимся с тем, что такое безрассудное применение данной концепции, как признание допустимыми любых доказательств, исходящих от стороны защиты, искажает ее содержание. Что же касается уязвимого положения стороны обвинения, которая при собирании доказательств связана нормами УПК РФ и потенциально имеет массу возможностей совершения нарушений, то нами изначально

⁹ См.: Терехов А. Ю. К вопросу об основаниях выбора способа собирания доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Рос. полицейское право. 2013. № 2. С. 62–76.

предполагается высокая компетентность стороны обвинения при собирании доказательств, их публичная роль как блюстителей закона и рациональное использование государственных ресурсов, которые в очень незначительной мере предоставлены стороне защиты.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Панькина И. Ю., кандидат юридических наук, доцент

Baltic Federal University named after I. Kant

Pankina I. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Изучаются вопросы статуса иных лиц, участвующих в уголовном процессе методом сравнительного анализа с положениями законодательства Великобритании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: свидетель, специалист, переводчик, эксперт, сравнительный анализ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN LEGISLATION REGULATING THE LEGAL STATUS OF OTHER PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article examines the status of other participants involved in the criminal process, by comparative analysis with the provisions of United Kingdom law.

К е у в о р д с: witness, specialist, translator, expert, comparative analysis.

Поступила в редакцию 20 августа 2018 г.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве выделяется отдельная категория лиц, не относящихся напрямую к обвинению и защите. В этот особый перечень законодатель относит свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика и понятого. Каждому из вышеуказанных субъектов посвящена отдельная статья УПК РФ, в которой содержится определение лица, его права и обязанности, что в совокупности должно давать представление о назначении и статусе в уголовном процессе. Однако для более детального понимания природы указанной категории представляется целесообразным исследование истории развития в отечественной правовой науке, а также имеющегося международного опыта.

Существуют различные подходы к классификации участников уголовного процесса. Так, Л. Д. Кокорев разделял участников, исходя из возложенных на них функций. В частности, особо акцентировал внимание на субъектах, которые содействовали осуществлению правосудия¹. М. С. Строгович утверждал, что «...участником уголовного процесса следует считать лишь такое лицо, которое выступает в процессе для отстаивания определенного интереса и которое заявляет определенные претензии или возражает против претензий других лиц или от действий которого зависит то или иное направление производства по делу. Свидетели и эксперты эту роль ни в какой мере не выполняют, а поэтому субъектами уголовно-процессуальной деятельности не являются»². Данная точка зрения была отражена в законодательстве советского периода и является причиной многих отличий от современных новелл в действующем УПК.

¹ См.: Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 18.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 206.

© Сыщиков И. С., Сыщикова Т. М., 2018

Рассмотрим положения, касающиеся статуса переводчика в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.³ Так, в тексте указана обязанность данного субъекта явиться по вызову и полно и точно выполнить порученный ему перевод, а также ответственность, которая наступает в случае неявки или осуществления заведомо неправильного перевода. Современное законодательство более детально регламентирует правовой статус переводчика. Помимо определения в ст. 59 УПК РФ содержится подробный перечень прав. В частности, переводчик может задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства, приносить жалобы на действия сотрудников органов дознания, прокуратуры и суда, знакомиться с протоколами следственных действий и судебного заседания.

Статус и процедура привлечения переводчика находит свое закрепление в процессуальных нормах Великобритании. В первую очередь, следует отметить особенности терминологии. Так, для его обозначения в английском языке используется слово «interpreter», т. е. переводчик-синхронист. Для обозначения профессии переводчика письменных текстов в английском языке существует термин «translator». Помимо двух вышеуказанных терминов, существует третий – «language service professional», что в буквальном переводе звучит как «профессионал в языковых услугах». Данный термин используется для специалистов по работе с людьми с ограниченными возможностями. Существует понятие «эстафетного перевода» – применяется в случае невозможности найти переводчика с редкого языка. В такой ситуации действуют несколько специалистов, первый из которых осуществляет перевод на более известный язык, а остальные – используют результаты для перевода на английский.

Подобное расширительное толкование определения, возможно, стоит перенять и отечественному законодателю, так как такое разделение позволяет привлекать к участию в судебном процессе более узких специалистов, что положительно сказывается на результате их работы.

Законодательство Великобритании не выделяет переводчика как отдельного участника процесса. Однако его обязанности, порядок назначения и отвода подробно описаны в национальном соглашении об использовании переводчиков в расследовании и их участии в рамках системы уголовного производства (далее – соглашение)⁴. Стандартным требованием к каждому переводчику является обязательная регистрация в соответствующем реестре. Этот механизм служит гарантией компетентности и надежности переводчика. Ответственность за соблюдение процедуры назначения ложится на соответствующий орган. На стадии досудебного производства – это полиция, на стадии судебного производства – сам суд. Отмечается, что желательно избегать назначения одного и того же переводчика на разных стадиях уголовного производства. В случае, если это невозможно, необходимо уведомить стороны процесса, а также получить от них соглашение на повторное использование одного и того же лица в качестве переводчика. Зарубежный законодатель дифференцирует также перечень требований для стороны обвинения и для стороны защиты. Так, при назначении переводчика стороной обвинения

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федер. закон от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁴ National Agreement On Arrangements For The Use Of Interpreters, Translators And Language Service Professionals In Investigations And Proceedings Within The Criminal Justice System // Сайт National Register of Public Service Interpreters. URL: <http://www.nrpsi.org.uk/news-posts/National-Agreement-on-Arrangements-for-the-use-of-Interpreters-in-the-CJS-Revised-2007.html> (дата обращения: 05.08.2018).

должны учитываться «трудности, которые могут возникнуть при использовании переводчика определенной этнической группы, политической ориентации или пола». Сторона защиты, в свою очередь, избавлена от подобных требований. В случае, если процесс занимает несколько дней или недель, соглашение предусматривает привлечение второго переводчика, по причине утомляемости, а также если дело носит комплексный или психологически сложный характер. В качестве примера законодатель приводит дела о терроризме и случаи, в которых требуется участие специалистов по работе с людьми с ограниченными возможностями. Подобный подход к систематизации прав и обязанностей переводчика, а также подробно описанная процедура его привлечения с участием и стороны обвинения, и стороны защиты способствует реализации принципа состязательности процесса и может быть использован отечественным законодателем.

В тексте соглашения уделено особое внимание обеспечению безопасности переводчика. Так, ответственность на стадии досудебного расследования ложится на сотрудников полиции. Офицеры полиции должны оценить все риски, которые несет специалист. Например, они обязаны сопровождать переводчика по пути к месту осуществления его профессиональной деятельности, не оставляя его наедине с лицом, показания которого требуют перевода. Необходимо следить, чтобы он не покидал здание полиции в одно и то же время или через один и тот же выход с лицом, с которым он работал. Закрепление положений, направленных на безопасность данного субъекта в действующем российском законодательстве также может положительно сказаться на качестве и скорости работы переводчиков.

Статус эксперта раскрывался и раскрывается разными способами. В ст. 82 УПК РСФСР 1960 г. давался перечень прав эксперта, которые заключались в возможности знакомиться с материалами дела, имеющими отношение к предмету экспертизы, заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, которые необходимы для дачи заключения, и присутствовать при производстве следственных действий, имеющих отношение к предмету экспертизы. Данный перечень прав более узкий, чем содержащийся в ст. 57 УПК РФ, где эксперту также предоставляется возможность приносить жалобы на действия сотрудников органов дознания. Можно сделать вывод, что законодатель в современном УПК РФ, в целом, не дает более подробного определения статуса указанного субъекта и стоящих перед ним задач.

Совокупность прав и обязанностей эксперта закреплена и в законодательстве Великобритании. Так, в соответствии с прецедентом «Регина против Тёрнера»⁵ экспертное мнение необходимо было представить суду в случае, если информация находилась вне опыта и знаний судьи или присяжных. Если существующих доказанных фактов для судьи или присяжных было достаточно для формирования ими выводов без посторонней помощи, то мнения эксперта не требовалось. На примере дела «Тота против Джармана» британский апелляционный суд закрепил следующую формулировку: «Эксперт должен предоставлять консультацию суду в объективном, независимом виде»⁶. Если у привлекаемых экспертов был выявлен конфликт интересов, то у судьи имелось право отклонить или дать разрешение

⁵ Прецедент R vs Turner // Networked Knowledge – Law Reports. URL: <http://netk.net.au/UK/Turner.asp> (дата обращения: 05.08.2018).

⁶ Expert Evidence in Criminal Proceedings in England and Wales // Портал publishing.service.gov.uk. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/229043/0829.pdf (дата обращения: 05.08.2018).

на использование заключения. Эти положения находят свое закрепление, а также конкретизацию в главе 19 Уголовно-процессуального кодекса Великобритании (Criminal Procedure rules⁷). В дополнение к уже описанным новеллам стоит отметить следующую: «долг эксперта (предоставление объективного мнения суду) перекрывает все иные обязательства перед лицом, от которого он получает инструкции, или плату за свою работу». Добавление в отечественное процессуальное законодательство подобных норм позволит укрепить независимость эксперта как участника судопроизводства.

В случае личной дачи показаний УПК Великобритании обязывает эксперта уведомлять суд, если поставленные вопросы выходят за рамки его компетенции. Если эксперт в ходе процесса меняет свое мнение, то на него ложится обязанность проинформировать об этом суд и всех участников процесса, что повторяет закрепленные в УПК РФ положения.

Участие эксперта в уголовном процессе в Великобритании также накладывает обязательства и на стороны обвинения и защиты. Так, ст. 19.3 закрепляет порядок привлечения эксперта. Если одна из сторон желает провести экспертизу, она должна предоставить другой стороне и суду краткое резюме, описывающее доводы эксперта. В свою очередь, другая сторона обязана предоставить обоснованное заключение с выводами о возможности признания фактов.

Содержание экспертного заключения также строго регламентируется. Помимо информации, имеющей отношение к существу дела, заключение должно включать в себя детали квалификации и опыта эксперта, а также сведения о его аккредитации. Эксперт обязан указать, какие исследования, измерения, тесты или эксперименты были проведены в ходе его деятельности, а также сформулировать свои выводы. Отдельно закреплена необходимость указания в заключении обязательства декларировать только правду, по аналогии со свидетельскими показаниями.

Если в рамках одного судопроизводства присутствуют несколько подсудимых, за судом закреплено право выбрать эксперта из списка, предоставленного подсудимыми. В таком случае каждый подсудимый вправе направить эксперту свои указания, а суд – уточнить задачи, стоящие перед экспертом, например указать, какие исследования, измерения, тесты или эксперименты требуется провести. Таким образом, законодательством Великобритании регламентировано достаточно подробно наличие у сторон возможности принимать участие в процедуре привлечения эксперта оказывает положительное влияние на принцип состязательности.

Следует провести анализ изменений формулировок и положений, касающихся свидетеля в современном УПК РФ, по сравнению с прошлой редакцией. В УПК РСФСР 1960 г. статус свидетеля не определялся в главе, посвященной участникам уголовного процесса. Содержание понятия и круг лиц, которые могли являться свидетелями, были перечислены в пятой главе, посвященной процессу дознания. То есть законодатель относил их к объектам процедуры дознания, а не к полноценным субъектам в судопроизводстве. При этом глава 12 была целиком посвящена допросу свидетеля и потерпевшего. Здесь видны существенные отличия от действующего законодательства. В УПК РФ свидетели обладают безусловной

⁷ SENIOR COURTS OF ENGLAND AND WALES MAGISTRATES' COURTS, ENGLAND AND WALES The Criminal Procedure Rules // Портал <http://www.legislation.gov.uk>. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2015/1490/pdfs/ukxi_20151490_en.pdf (дата обращения: 05.08.2018).

субъектностью. Так, в ст. 56 регламентируется право свидетеля на защитника, право на отказ свидетельствования против самого себя и своего супруга, право на заявление ходатайств и жалоб на действия и решения сотрудников органов дознания, чего не было в Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. Учитывая это, можно утверждать, что современное законодательство сделало огромный шаг вперед в раскрытии содержания понятия «свидетель», наделило его спектром прав и регламентировало перечень способов их защиты.

Статус свидетеля закрепляется в Уголовно-процессуальном кодексе Великобритании. Согласно ему свидетель – это любое лицо, помимо обвиняемого, заявления которого могут влиять на результат судопроизводства. Законодатель выделяет две формы участия свидетеля в процессе: непосредственное личное заявление и письменные показания. Процедура дачи показаний свидетелем строго регламентирована и направлена в первую очередь на установление истины. Особое внимание уделено безопасности свидетеля. Так, английский законодатель закрепил запрет на разглашение персональных данных лиц в ходе судебного разбирательства. При этом были обеспечены условия, исключающие возможные контакты свидетелей.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Великобритании перед дачей показаний свидетель приносит присягу, после чего проводится первоначальный допрос свидетеля вызвавшей стороной. В дальнейшем, вторая сторона, если сочтет нужным, может задавать вопросы или участвовать в перекрестном допросе, кроме ряда случаев, а именно:

1. Если подсудимый не пользуется услугами защитника, будучи обвиненным в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении свидетеля.
2. Подсудимый обвиняется в совершении насильственных действий сексуального характера, а свидетель является ребенком.
3. Непосредственно сам суд запрещает проводить перекрестный допрос свидетеля.

Особым статусом обладают несовершеннолетние свидетели. Сторона обязана уведомить суд о необходимости участия такого свидетеля, обосновать допустимость такого рода показаний, а также предоставить суду и противоположной стороне видеозапись, содержащую показания несовершеннолетнего. После этого суд принимает решение о допустимости привлечения несовершеннолетнего к судопроизводству посредством проведения «специального мероприятия». В этом случае опрос свидетеля производится или посредством видеосвязи, или непосредственно в зале суда, но при этом свидетель должен находиться вне поля зрения подсудимого.

Подобные ограничения, в случае их внедрения в действующее отечественное законодательство, будут служить дополнительной защитой прав отдельных категорий свидетелей.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что отечественное законодательство идет по пути более подробной регламентации статуса иных лиц в уголовном процессе.

Исследование зарубежных источников позволяет получить более подробное представление об истории развития указанного института в мировой уголовно-процессуальной практике, что в свою очередь расширит возможности внедрения и использования уже зарекомендовавших себя и опробованных правовых конструкций в отечественной правовой системе.

Таким образом, анализ отечественного исторического и зарубежного опыта показал, что в настоящее время процесс выработки регламентирующего положения иных лиц в уголовном процессе механизма не завершен и требует дальнейшего совершенствования. При этом представляется целесообразным использование имеющейся положительной законодательной практики Великобритании для систематизации рассматриваемых процедур в уголовном судопроизводстве. Возможная интеграция ее отдельных элементов в отечественную правовую систему может позволить закрепить за лицами без процессуального статуса большее количество прав, а также служить дополнительной защитой их интересов, что в целом положительно скажется на осуществлении судопроизводства.

Воронежский государственный университет

Сыщиков И. С., преподаватель кафедры уголовного процесса

Сыщикова Т. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Syshchikov I. S., Lecturer of the Criminal Process Department

Syshchikova T. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department

E-mail: sudvl@mail.ru

ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Анализируются вопросы задержания подозреваемого в совершении преступления. Раскрываются проблемные вопросы, касающиеся обеспечения прав и законных интересов, подозреваемых при задержании. Формулируются предложения по совершенствованию норм УПК в целях надлежащего обеспечения прав личности при задержании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: процессуальное принуждение, фактическое задержание, процессуальное задержание, основания задержания, подозреваемый.

DETENTION OF THE SUSPECT AS MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURE COERCION

The article analyzes the issues of detention of a suspect in a crime. Problematic issues related to the rights and legitimate interests of suspects in detention are revealed. Formulated proposals to improve the norms of the criminal procedure code in order to properly ensure individual rights during the arrest.

К е у о r d s: procedural coercion, actual detention, procedural detention, detention bases, suspect.

Поступила в редакцию 20 августа 2018 г.

Право на свободу и личную неприкосновенность – это важнейшее право человека, которое он получает с момента рождения и которое дает ему возможность совершать любые действия, не противоречащие закону. При производстве по уголовному делу к лицу, подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления, орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа вынуждены применять меры уголовно-процессуального принуждения.

Общей для всех мер уголовно-процессуального принуждения является возможность их применения независимо от воли и желания лица, в отношении которого они осуществляются. Внешне процессуальное принуждение выражается в форме психического, физического или морального воздействия на поведение субъекта с целью пресечения, предупреждения его неправомерного поведения¹, а также раскрытия преступления.

Как мера уголовно-процессуального принуждения задержание может быть применено только к определенному участнику уголовного судопроизводства, а именно к подозреваемому, который своим поведением препятствует или может препятствовать производству по уголовному делу. Но задержание вполне возможно и в отношении обвиняемого, который скрылся от следствия и к которому ранее было предъявлено обвинение заочно и существует необходимость доставления его в суд для решения вопроса об избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, является весьма серьезной мерой принуждения, которая существенно ограничивает кон-

¹ См.: Денисова С. Ю. Задержание подозреваемого – фактическое и процессуальное. Судебный контроль за его законностью // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 6.

ституционные права, свободы и законные интересы человека и гражданина. В соответствии с ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Как указывается в юридической литературе, законность действий и решений в уголовном судопроизводстве означает их осуществление (принятие) в порядке, предусмотренном нормами УПК РФ, а обоснованность решений – подтверждение их фактами и доводами. Поэтому применение данной меры принуждения должно быть не только законным, но и обоснованным.

Следует отличать задержание как меру принуждения и административное задержание. Как указывает ст. 27.3 КоАП РФ, административное задержание, т. е. кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Таким образом, основу административного задержания составляет административное правонарушение, а не преступление. Но на практике не исключены случаи, когда административное задержание может перерасти в задержание уголовно-процессуальное, и к задержанному лицу может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

Как правило, для задержания подозреваемого в совершении преступления необходимы определенные основания. Статья 10 УПК РФ указывает на то, что никто не может быть задержан и заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. Так, ч. 1 ст. 91 УПК РФ говорит о том, что орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Из содержания данной части ст. 91 УПК РФ можно сделать вывод о том, что этот перечень является исчерпывающим потому, что есть оговорка «...при наличии одного из следующих оснований...». Но ч. 2 этой же статьи указывает на наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, к которым относит: если лицо пыталось скрыться либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно, существуют «иные данные», которые могут выступать в качестве основания для задержания подозреваемого в том случае, если будет соблюдено одно из перечисленных четырех требований.

Следует признать противоречащим требованиям закона положение, когда в случае недостаточности оснований для задержания по одному из пунктов ч. 1 ст. 91 УПК РФ к лицу в качестве альтернативы может быть применено задержание

в порядке ч. 2 этой статьи на основании «иных данных», существо которых в протоколе не указывается².

Процессуальное толкование «иных данных» является неоднозначным, и уголовно-процессуальный закон не дает никаких указаний на их содержание. К ним можно отнести как фактические данные, так и сведения оперативно-розыскного характера, указывающие на наличие данных обстоятельств³.

Можно также отметить, что ст. 91 УПК РФ указывает на право, а не обязанность органа дознания, дознавателя либо следователя задерживать лицо по подозрению в совершении преступления. Значит, если и имеются основания для задержания, то данную меру уголовно-процессуального принуждения не во всех случаях можно применять.

Законодательное понятие задержания дается в п. 11 ст. 5 УПК РФ, и, как следует из наименования данной нормы, оно относится к основным понятиям, используемым в этом кодексе. Согласно указанной норме задержание подозреваемого – есть мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Согласно п. 15 ст. 5 моментом фактического задержания является момент производимого в порядке, установленном настоящим кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Редакция рассматриваемой статьи вызвала критические замечания со стороны ряда представителей уголовно-процессуальной и криминалистической науки. Так, по мнению Т. В. Аверьяновой, лицо до избрания меры пресечения не является подозреваемым: оно становится им после избрания (применения) меры пресечения или задержания. Следовательно, законодательные формулировки «основания задержания подозреваемого», «избрание меры пресечения в отношении подозреваемого» непротиворечивы⁴.

Не случайно некоторые авторы используют для характеристики лица, которое фактически лишили свободы передвижения, термин «заподозренный»⁵. Думается, использование указанного термина, если лицо фактически лишено свободы передвижения, но уголовное дело не возбуждено, не решает проблемы обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Лицо, не признанное подозреваемым в установленном УПК РФ порядке до возбуждения уголовного дела, не обладает всем комплексом прав, предоставленных подозреваемому ст. 46 УПК РФ. В настоящее время всего насчитывается 11 таких основных прав подозреваемого, которые в целом позволяют осуществить свое главное право – защиту от обвинения.

Не спасает положение, хотя играет важную роль в обеспечении прав и законных интересов такого лица, его право пользоваться помощью защитника с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении пре-

² См.: *Гриненко А. В.* Обоснованность задержания и заключения под стражу // Журнал рос. права. 2003. № 9. С. 47.

³ См.: *Кузнецов А. П., Ковтун Н. Н.* Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Рос. судья. 2004. № 7. С. 25.

⁴ См.: *Аверьянова Т. В.* Некоторые проблемы избрания меры пресечения в отношении подозреваемого // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения проф. И. М. Гуткина). М., 2009. С. 27–30.

⁵ См.: *Ларин А. М.* Работа следователя с доказательствами. М., 1966. С. 146–147.

ступления. Между тем согласно толкованию действующей редакции ст. 46 УПК РФ лицо, фактически лишенное свободы передвижения по подозрению в совершении преступления, до возбуждения уголовного дела и получения официального статуса подозреваемого не имеет права: заявлять ходатайства и отводы; пользоваться помощью переводчика бесплатно; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя и дознавателя; представлять доказательства и т. д. Попутно можно отметить, что в перечень лиц, действия (бездействие) которых могут быть обжалованы, следует включить и орган дознания, так как в соответствии с п. 11 ст. 5, ст. 91 УПК РФ вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления не только следователь, дознаватель, но и орган дознания.

Тем более, недопустима такая ситуация в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, который в силу своего возраста, как правило, не в состоянии самостоятельно и эффективно осуществить на должном уровне реализацию прав и законных интересов даже после получения процессуального статуса подозреваемого.

Следует согласиться с мнением А. Р. Белкина, полагающего, что основной причиной существующей казуистичности, противоречивости ситуации с задержанием подозреваемого является трактовка задержания как некоторого одномоментного действия, производимого только по уже возбужденному уголовному делу⁶. Заметим, что в литературе ряд авторов обоснованно выделяют несколько этапов задержания. Так, по мнению В. Н. Григорьева, деятельность органов внутренних дел по задержанию включает в себя такие этапы, как:

- установление оснований для доставления лица в служебное помещение органа внутренних дел;
- захват лица;
- изъятие оружия, уличающих предметов и документов;
- конвоирование лица в служебное помещение и ряд последующих этапов, проводимых после возбуждения уголовного дела⁷.

Справедливо также высказывание А. Р. Белкина об уточнении названия главы 12 УПК РФ, которую следует сформулировать как «Задержание по подозрению», а в самом тексте данной главы использовать формулировки, указывающие на то, что задержание проводится с уже имеющимся подозрением. Полагаем, наименование главы 12 как «Задержание по подозрению в совершении преступления» более четко отражало бы ее содержание.

В то же время вызывает сомнение обоснованность утверждения А. Р. Белкина о том, что лишь по итогам задержания лицо официально приобретает статус подозреваемого.

По нашему мнению, обеспечению прав и законных интересов фактически лишенных свободы передвижения лиц по подозрению в совершении ими преступления способствовало бы законодательное закрепление положения о том, что лицо, фактически лишенное свободы передвижения по подозрению в совершении преступления, приобретает статус подозреваемого непосредственно после проведения фактического задержания. Таким образом, статус подозреваемого

⁶ См.: Белкин А. Р. Задержание по подозрению в совершении преступления : спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 12.

⁷ См.: Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989. С. 20.

приобретается не в момент доставления лица в орган дознания или следователю, а в момент фактического задержания. Думается, реализация данного положения не размывает границы уголовного процесса и не снизит значение процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Воронежский институт МВД России

***Тройнина И. С.**, кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса*

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

***Troynina I. S.**, Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: i.troynina@mail.ru*

О ПРОВОКАЦИИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Рассматриваются вопросы провокации взяточничества при проверке сообщений и заявлений о фактах коррупции со стороны правоохранительных органов. Сформулированы особенности защиты подозреваемых, обвиняемых в получении и даче взятки с точки зрения уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистической тактики. Приведены тактические рекомендации осуществления защиты по уголовным делам о взяточничестве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: взяточничество, коррупция, защита по уголовным делам, тактика защиты.

ON PROVOCATION IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION

The article is devoted to provocation of bribery when checking reports and statements about corruption by law enforcement agencies. The features of protection of suspects accused of receiving and giving a bribe in terms of criminal, criminal procedure law and criminalistic tactics is examined. Tactical recommendations of protection in criminal cases of bribery are formulated.

К е y w o r d s: bribery, corruption, criminal defense, defense tactics.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Текущие 5–6 лет в России ведется весьма активная и эффективная борьба с коррупционными преступлениями, что наглядно прослеживается из резонансных уголовных дел последних лет, в частности дела Н. Аксененко, Е. Адамова, «Оборонсервиса», Е. Урлашова, А. Хорошавина, В. Гайзера, Н. Белых, Д. Захарченко, А. Улюкаева¹.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица.

Бесспорно, коррупция является крайне негативным явлением, влекущим существенный ущерб и препятствующим экономическому росту и развитию в интересах общества в целом.

В конце июня текущего года Глава нашего государства утвердил Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг. Следить за его выполнением будет рабочая группа, которую должен создать президиум Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции. В свою очередь Кабинет министров до

¹ См.: Козлова А. Самые громкие коррупционные скандалы в России // Комсомольская правда. 2016. 15 нояб.

октября должен утвердить методику оценки планов противодействия коррупции федеральных госорганов и эффективности реализации этих планов, установить порядок определения должностных лиц, ответственных за разработку и реализацию политики в области противодействия коррупции².

Отмечая бесспорную необходимость минимизации коррупции, полагаем привести в данной статье обратную сторону борьбы с коррупцией, связанную с негативными последствиями такой борьбы, в частности провокативными действиями со стороны правоохранительных органов.

С сожалением приходится констатировать, что провокация – достаточно распространенный способ проведения оперативных мероприятий по задержанию лиц, за совершение коррупционных действий. Подобный подход объясняется невысокой степенью раскрываемости преступлений о взяточничестве, учитывая то, что обе стороны этого вида преступления не заинтересованы в его раскрытии.

Впервые разъяснения сущности провокативных действий были изложены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Согласно п. 14 указанного постановления в тех случаях, когда в материалах уголовного дела имеются данные об осуществлении проверочной закупки наркотических средств, психотропных веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, судам следует иметь в виду, что необходимыми условиями законности ее проведения являются соблюдение оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и требований ч. 7 ст. 8 указанного федерального закона, в соответствии с которыми проверочная закупка веществ, свободная реализация которых запрещена, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Верховный Суд РФ также разъяснил, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

Данная позиция поддержана Конституционным Судом РФ в определении от 6 марта 2001 г. № 58-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и корреспондирует позициям ЕСПЧ, который исключает провокацию в том случае, если объект специального расследования (ОРД) был готов и согласен совершить преступление и без вмешательства негласных агентов³.

² См.: Латухина К. Шире круг // Рос. газета. 2018. № 7603 (140).

³ Носко и Нефедов против России : постановление ЕСПЧ от 30 октября 2014 г.

В последующем Верховный Суд РФ конкретизировал запрет провокативных действий со стороны правоохранительных органов в постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Согласно п. 32 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) наступает лишь в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку либо предмет коммерческого подкупа или отказалось их принять.

В п. 33 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 Верховный Суд разъяснил, что в связи с тем что провокация взятки либо коммерческого подкупа совершается без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, указанные лица не подлежат уголовной ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп за отсутствием события преступления, т. е. на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Указанные действия провокативного характера совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

В ходе производства оперативно-розыскных мероприятий является недопустимым создание условий, при которых объект мероприятия лишен возможности выбирать тип поведения. Кроме того, недопустимо побуждение к противоправным действиям либо вовлечение иного лица в любое преступление с целью дальнейшего разоблачения этого же лица, при отсутствии у данного лица умысла на совершение преступления.

Инициатором осуществления противоправных действий должен явиться объект оперативно-розыскного мероприятия самостоятельно, а не должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность или оказывающие им содействие.

Под провокацией преступления, как указал суд в приговоре от 7 февраля 2017 г., с учетом позиции Верховного Суда РФ, следует понимать искусственное создание условий к совершению преступления лицом, в отношении которого у правоохранительных органов не имеется достаточных оснований полагать, что это лицо совершило или готовилось к совершению преступления.

Под провокацией непосредственно дачи взятки следует понимать искусственное создание условий к даче взятки лицом в отношении которого у правоохранительных органов не имеется достаточных оснований полагать, что это лицо намеревается дать взятку, при этом данное лицо ставится правоохранительным органом в такие условия, при которых оно вынуждено дать взятку.

В тех случаях, когда дача взятки происходит в результате провокации взятки со стороны правоохранительных органов, в действиях лица, давшего взятку, отсутствует как объективная, так и субъективная стороны состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ.

Объективная сторона данного состава преступления отсутствует, поскольку общественную опасность представляет не деяние лица, давшего взятку, а действия тех сотрудников правоохранительных органов, которые совершили провокацию дачи взятки.

Субъективная сторона данного состава преступления отсутствует, поскольку умысел лица на дачу взятки сформировался не самостоятельно, а в результате провокационных действий сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, дача взятки в условиях провокации преступления исключает уголовную ответственность взяткодателя. Иное означало бы грубое искажение основополагающих принципов правосудия.

Приведем весьма показательный пример.

По уголовному делу для получения доказательств дачи взятки Б. руководителю Департамента государственного имущества и земельных отношений Орловской области С. сотрудниками УФСБ России по Орловской области была использована помощь самого руководителя департамента С., действовавшего в рамках ОРМ «оперативный эксперимент».

Согласно п. 14 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «оперативный эксперимент» предусмотрен как один из видов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

В силу ст. 7 указанного закона основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

1. Наличие возбужденного уголовного дела.

2. Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения:

– о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

– событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

– лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;

– лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

Таким образом, необходимыми условиями законности проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» являются соблюдение оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и выполнение требований ч. 7 ст. 8 указанного федерального закона, в соответствии с которым оперативный эксперимент проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Результаты оперативно-розыскного мероприятия могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на дачу взятки, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о

проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

Как следует из имеющегося в материалах дела постановления о проведении оперативного эксперимента, оперативные мероприятия в отношении Б. проводились на основании имевшейся у сотрудников УФСБ России по Орловской области информации от губернатора Орловской области о том, что генеральный директор ЗАО АПК «О-ая Н-а» Б. предложил взятку в виде денежного вознаграждения в размере 5 миллионов рублей руководителю Департамента государственного имущества и земельных отношений Орловской области С.

Однако, кроме имеющегося в материалах оперативно-розыскных мероприятий заявления С., адресованного в адрес губернатора Орловской области от 1 марта 2016 г., на котором отсутствуют реквизиты входящей корреспонденции, каких-либо сведений о том, что гендиректор ЗАО АПК «О-ая Н-а» Б. готовится к даче взятки С., в материалах оперативно-розыскных мероприятий нет. Нет этих данных и в других материалах уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Орловского областного суда полностью поддержала доводы суда первой инстанции⁴.

В ходе осуществления защиты лица, подозреваемого/обвиняемого в совершении коррупционных преступлений, защитнику необходимо обращать внимание на законность проведенных оперативно-розыскных мероприятий, наличие оснований для их проведения, оформление результатов ОРМ и соблюдение процессуального порядка их внедрения в уголовное судопроизводство. Проверять наличие соответствующих постановлений руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а также регистрационных отметок, соответствие дат обращений заявителей с датами регистрации данных обращений.

Кроме того, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела важно обращать внимание на то, по чьей инициативе назначались встречи взяткодателя и взяткополучателя, кто являлся инициатором звонков и переписок, при наличии расшифровки абонентских соединений, какие имелись мотивы получения предмета взятки, наличествовали у взяткополучателя реальная возможность осуществления требуемых от него действий либо принятия решений.

В качестве вывода считаем необходимым подчеркнуть, что у любой медали имеются две стороны и, безусловно, оценивая положительно борьбу с коррупцией в целом, следует в каждом конкретном случае привлечения лица к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений разбираться в деталях совершения таковых преступлений и законности осуществления уголовного преследования в отношении данного лица.

⁴ Обзор судебной практики Орловского областного суда за 2017 г. : Дело № 1-20/2017. URL: http://oblsud.orl.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=36

Воронежский государственный университет
Баев М. О., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики

Voronezh State University
Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department
E-mail: baev_co@mail.ru

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ И ДОСТАВЛЕНИЯ: ТРЕБУЕТСЯ «ПЕРЕЗАГРУЗКА»

Анализируется система правовых актов, определяющих основания, условия и порядок фактического задержания и доставления лица в органы дознания или к следователю. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что в современных условиях требуется формирование в этом сегменте правового регулирования унифицированного, межотраслевого механизма, позволяющего имплементировать конституционный базис обеспечения свободы и неприкосновенности личности в полномочия различных правоохранительных органов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доставление, задержание подозреваемого, «полицейское» задержание, право на свободу и личную неприкосновенность, фактическое задержание.

LEGAL REGULATION OF ACTUAL DETENTION AND DELIVERY: «RESET» IS REQUIRED

This article analyzes the system of legal acts, which regulate the grounds, conditions and procedure of actual detention and bringing a person to the investigator. The study allows the author to assert: in modern conditions requires the formation in this legal segment The unified, cross-sectoral mechanism, which will allow to implement the constitutional basis on ensuring freedom and inviolability of the person the powers of the various law enforcement agencies

К e y w o r d s: delivery, detention of suspects, «police» detention, the right to liberty and security of person, the actual detention.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Деятельность правоохранительных органов любого государства невозможно представить без реализации полномочий по задержанию подозреваемого – установленной законом правоограничительной меры, выраженной в кратковременном лишении человека свободы посредством его помещения в специализированное учреждение тюремного типа в случае возникновения первоначальной версии о совершении им преступления. Имея безусловный принудительный характер, задержание подозреваемого затрагивает одну из важнейших правовых ценностей – право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому его применение требует от государственных органов и должностных лиц строжайшего соблюдения законности, о чем уже неоднократно отмечалось в юридической литературе¹.

На общем фоне доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, охватывающих задержание подозреваемого, особую сложность в настоящее время приобретают вопросы, связанные с так называемым фактическим задержанием (захватом) и доставлением лица. Как известно, фактическое задержание представляет собой некий комплекс оперативно-розыскных, административных и иных непроцессуальных мероприятий правоохранительных органов, на-

¹ См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 139 ; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И. Б. Михайловская. М., 1989. С. 9 ; Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 35 ; др.

правленных не на формальное (юридическое), а на сугубо реальное (физическое) ограничение возможности человека (индивида) на свободу и личную неприкосновенность. В свою очередь, под доставлением понимается непроцессуальная деятельность по принудительному перемещению задержанного от места фактического захвата к месту производства предварительного расследования, т. е. в орган дознания или к следователю. Кстати, доставление является родственным еще одному, схожему по своей природе и порядку осуществления правовому механизму – приводу, состоящему в принудительном перемещении (доставлении) лица к дознавателю, следователю или в суд для производства процессуальных действий в случае его неявки без уважительной причины (ст. 113 УПК РФ).

Актуальность проблем, связанных с фактическим задержанием и доставлением подозреваемого к следователю / дознавателю во многом обусловлена современными представлениями о механизмах работы органов правопорядка, основанных на либеральных постулатах, возводящих личность на недостижимый пьедестал и отождествляющих заботу об ее правах и интересах со смыслом и целями правоохранительной деятельности. Но даже если посмотреть на различные аспекты фактического задержания не с позиций современной научной моды или некоего общественного мнения, а более трезвым и объективным взглядом, можно увидеть целый ряд «белых пятен», законодательных коллизий и противоречий, невольно приводящих к трудностям, возникающим в повседневной административной, оперативно-розыскной и следственной практике.

Вообще всю нормативную базу для фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого можно условно разделить на четыре основных уровня: а) международно-правовой; б) конституционный; в) законодательный; г) подзаконный. Каждый из них представляет интерес для научных изысканий, так как вызывает определенные трудности в реализации соответствующих правовых предписаний. Однако замысел настоящей статьи не предполагает анализа всех нормативных и интерпретационных актов, регламентирующих краткосрочное ограничение свободы и личной неприкосновенности человека ввиду его возможного подозрения в совершении преступления, в частности транснациональных положений международного права, решений Европейского суда по правам человека и т. д. Тем более что ранее мы уже касались этих проблем в других публикациях².

В рамках настоящей статьи хотелось бы уделить внимание именно вопросам сугубо «внутреннего», национального нормативного регулирования фактического захвата и доставления человека в орган дознания или к следователю, выявить существующие правовые изъяны и, возможно, наметить пути для их устранения.

Любой специалист, пусть даже имеющий самое отдаленное представление о механизмах задержания, прекрасно понимает, что его национально-правовые основы вытекают из положений главы 2 Конституции РФ, определяющей общий статус человека и гражданина. Так, согласно ст. 22 Конституции РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

² См.: Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б. Правовые основы задержания подозреваемого в совершении преступления : от международного права к национальному законодательству // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 125–127.

В связи с этим многие ученые, особенно практики, не перестают задаваться вполне резонным вопросом: чем же все-таки руководствовались разработчики действующей Конституции, устанавливая столь короткий временной промежуток, который явно недостаточен для надлежащего выполнения всех предусмотренных законом процедурных правил задержания в соответствии с их подлинным правовым смыслом и назначением? Тем более, что указанный 48-часовой срок не продиктован никакими международными стандартами. Предопределяя концептуальные подходы к правам личности, ст. 5 Европейской конвенции и иные основополагающие транснациональные нормативные акты не регламентируют четких сроков внесудебного ограничения свободы, оставляя данный «пункт» в ведении соответствующего государства.

Ввиду столь непродолжительного общего срока задержания, к тому же включающего время, затраченное на доставку лица в орган предварительного расследования, и 8-часовой «резерв», предусмотрительно оставленный законодателем для судебного заседания (ч. 3–4 ст. 108 УПК РФ), в распоряжении следователя на проведение всех необходимых процессуальных действий остаются «жалкие крохи» – немногим более суток. О какой свободе оценки доказательств в данном случае вообще можно говорить? Успеть бы провести минимум первоначальных следственных действий, «на скорую руку» сформулировать обвинение, предъявить его задержанному, да подготовить в суд ходатайство об избрании меры пресечения. И еще хорошо, если к следователю доставлен только один подозреваемый. А если их несколько?

Конечно, Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает выход из всех подобных ситуаций – право на избрание меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Однако законодатель прямо указывает на данный механизм как на исключительный, подразумевая возможность его использования в редких, очевидно, наиболее сложных случаях, связанных, например, с большим количеством задержанных, удаленностью суда и другими нестандартными обстоятельствами. Как совершенно справедливо отмечает Л. В. Головкин, особый порядок избрания меры пресечения в отношении подозреваемого имеет технический характер и лишь подчеркивает общее правило: в нормальной ситуации для применения меры пресечения требуется сначала предъявить обвинение³.

Советское уголовно-процессуальное законодательство устанавливало более благоприятный правовой режим – 72 (24 + 48) часа с момента составления протокола задержания (ст. 104 УПК РСФСР 1923 г., ст. УПК РСФСР 1960 г.). Да и сложный судебный порядок избрания меры пресечения в виде ареста не требовался; эти вопросы решались посредством прокурорского санкционирования. Но даже этих трех суток иногда бывало недостаточно для полноценного формирования необходимой совокупности доказательств, предъявления задержанному обвинения и обоснования целесообразности его дальнейшего заключения под стражу. Автор этих строк, успев поработать следователем в условиях действия прежнего процессуального кодекса, прекрасно помнит те бессонные ночи, которые были посвящены производству неотложных следственных действий по факту очередного задержания и составлению множества процессуальных и служебных документов.

Самое интересное, что ни в одном из доступных на сегодняшний день источников, касающихся подготовки проекта Конституции РФ, не содержится какого-либо понятного и логического и, тем более, доктринального обоснования предель-

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкина. М., 2016. С. 536–537.

ного 48-часового срока ограничения права личности на свободу. Понять замысел конституционного законодателя в этой части фактически невозможно.

Здесь возникает лишь одна более или менее приемлемая версия. Видимо, разработчики действующей Конституции, пытаясь продемонстрировать всему миру переход Российской Федерации к либерализму, желая максимально наглядно выставить на всеобщее обозрение заботу о правах личности как о высшей ценности, изобрели самый гуманный, самый благоприятный для человека режим вынужденного ограничения его свободы и личной неприкосновенности. При этом реальные потребности следственной практики ими во внимание не принимались или до конца не осознавались. А, может быть, с учетом навеянного антисоветской пропагандой того времени негативного отношения к правоохранительным органам они и вовсе были проигнорированы сознательно.

Кстати, в этом стремлении российские демократы и либеральные реформаторы начала 1990-х гг. оказались, как всегда, «первыми учениками» у западных «гуру», обогнав в своем старании даже другие постсоветские государства. Весьма примечательно, что конституции этих стран (Беларуси, Украины, Армении и т. д.) регламентируют подобные вопросы гораздо более взвешенно. Закрепляя общий принцип свободы и неприкосновенности личности, они вообще не предполагают каких-либо сроков его ограничения, как бы передавая этот вопрос на отраслевой уровень, а соответствующие уголовно-процессуальные кодексы предусматривают более длительные сроки задержания подозреваемых (например, ст. 108 УПК Беларуси – 72 часа, ст. 211 УПК Украины – 72 часа; ст. 129 УПК Армении – 96 часов и т.д.).

К сожалению, указанный конституционный изъян вряд ли удастся преодолеть в ближайшее время. Ведь положения главы 2 Конституции РФ обладают абсолютной правовой стабильностью и являются незыблемыми. Напомним, что согласно ст. 135 Конституции РФ вопрос о любых изменениях в части прав и свобод человека и гражданина может быть решен лишь посредством работы специально созванного Конституционного собрания, которое либо подтверждает неизменность Конституции, либо разрабатывает проект новой Конституции. Едва ли в современных условиях российскому обществу так уж необходима очередная кардинальная ломка Основного закона, особенно ввиду столь «незначительной» причины. Да и вообще подобные проблемы носят более общий характер и вряд ли могут быть должным образом освещены в статье уголовно-процессуальной направленности.

Поэтому нам – ученым-процессуалистам – надлежит воздержаться от утопичных идей о принятии новой Конституции. Представляется, что более конструктивными будут попытки поиска отраслевого выхода из сложившейся ситуации посредством максимально возможного сглаживания и нивелирования указанного конституционного изъяна через нормы федеральных законов, устанавливающих конкретные механизмы ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Тем более, что существующая в настоящее время законодательная база задержания подозреваемого оставляет желать лучшего. Если регламентация процессуального («следственного») этапа применения этой правоограничительной меры, несмотря на серьезные противоречия, все-таки имеет подобие некой системы, то в правовом регулировании ее «полицейского» этапа – фактического задержания и доставления – царит полный хаос и беспорядок.

В силу непроцессуального характера фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого правом их осуществления наделены различ-

ные должностные лица «силовых» министерств и ведомств, реализующие полномочия по осуществлению оперативно-розыскной, административной, уголовно-исполнительной и других видов правоохранительной деятельности (полиции, Росгвардии, ФСБ России, таможенных органов и др.), что прямо предусмотрено соответствующими законодательными актами⁴: Законом «О полиции», Законом «О Росгвардии», Законом «О ФСБ», Законом «О таможенном регулировании» и др. Причем эти законодательные акты в части полномочий по фактическому задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых в принципе не имеют какого-либо единообразия, какого-либо подобия системности и слаженности. Посредством таких действий затрагивается одна из самых важных и охраняемых международно-правовых и конституционных ценностей – право на свободу и личную неприкосновенность.

Применительно к работе некоторых правоохранительных органов предусмотрены более или менее внятные основания и процедурные правила фактического задержания и доставления. Наиболее детально данный вопрос урегулирован в ст. 14 нового Закона «О полиции» и ст. 10 Закона «О Росгвардии». Но даже эти нормативные акты позволяют получить самое поверхностное и неопределенное представление о конкретных методах и технологиях реализации указанных полномочий, на что обращают внимание многие современные авторы⁵.

Что уж говорить про иные «силовые» ведомства, в части правовой регламентации которых законодатель вообще предусматривает лишь короткие и весьма бессистемные формулировки, предполагающие только адресованные соответствующим должностным лицам «голые» и «бесформенные» дозволения по задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых. Например, п. 5 ст. 15 Закона «О государственной охране»⁶ содержит право органов государственной охраны задерживать и доставлять в служебное помещение органа внутренних дел (полиции), помещение муниципального органа или в иное служебное помещение лиц, подозреваемых в совершении преступлений или иных правонарушений на охраняемых объектах и на трассах проезда (передвижения) объектов государственной охраны, совершающих или совершивших такие преступления или правонарушения. В п. 9 ст. 19 Закона «О таможенном регулировании» содержится право таможенных органов задерживать и доставлять в собственные служебные помещения или в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений, совершивших (совершающих) преступления или административные правонарушения в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), в

⁴ О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ с изм. и доп. ; О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ с изм. и доп. ; О Федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ с изм. и доп. ; О таможенном регулировании в Российской Федерации : федер. закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Вершинина С. И.* К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // *Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права.* 2015. Т. 9, № 4. С. 756–763 ; *Кротов Д. Н.* Правовые аспекты фактического задержания // *Вестник Брянского гос. ун-та.* 2015. № 3. С. 169 ; *Грибунов С. П., Степанова В. Г.* К вопросу о производстве фактического задержания органами полиции лиц по подозрению в совершении преступления // *Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки.* 2016. Вып. 3, ч. 2. С. 229 ; *Калужная В. В.* Актуальные проблемы задержания // *Устойчивое развитие науки и образования.* 2017. № 4. С. 210 ; и др.

⁶ О государственной охране : федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствии с законодательством РФ. Положения п. 3–5 ст. 30 Закона «О государственной границе»⁷ также предоставляют пограничным органам возможности по задержанию и доставлению целого круга лиц в связи с необходимостью защиты государственной границы РФ. Достаточно широкий спектр возможностей в части фактического задержания и доставления различных категорий лиц (военнослужащих, иных лиц, находящихся в расположении воинских частей и пр.) в настоящее время получили органы военной полиции в соответствии с еще не имеющими законодательного базиса п. 21, 24, 25, 27 Устава военной полиции⁸.

Наименее удачно эти вопросы урегулированы в законах о ФСБ и ФСИН⁹ которые вообще прямо не предусматривают полномочий соответствующих органов по фактическому задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых. О наличии подобных полномочий лишь косвенно свидетельствуют иные нормы указанных законодательных актов.

Сейчас уже достаточно сложно понять логику законодателя, определившего весьма разную степень формализации и разобщенные механизмы правового регулирования в общем-то достаточно похожих (если даже не тождественных) процедур фактического задержания лица и его доставления, находящихся в арсенале различных «силовых» министерств и ведомств. На наш взгляд, здесь может иметь место лишь одно более или менее приемлемое объяснение. Дело в том, что основная часть современных законов, регламентирующих вопросы организации и деятельности правоохранительных органов, впервые увидела свет в 1990-е гг. В то время ввиду имевшего место нормотворческого цейтнота, необходимости практически полного обновления прежней советской правовой базы, с учетом политической нестабильности, выраженной в открытом противостоянии различных ветвей власти, у государства просто не было реальной возможности в подготовке и принятии подлинно качественных и хорошо проработанных законодательных актов. Кстати, нашу версию косвенно подтверждает и тот факт, что наиболее совершенные федеральные законы в этой сфере правового регулирования – Закон «О полиции» и Закон «О Росгвардии» – увидели свет гораздо позже.

Верно ли высказанное предположение или нет, в принципе не так уж и важно. Главное другое – в современных условиях в правовом регулировании механизмов фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого в органы предварительного расследования складывается парадоксальная ситуация. Вместо системного унифицированного подхода к достаточно близким (может быть, даже идентичным) процедурам, связанным с ограничением одной из наиболее значимых конституционных ценностей, законодатель допускает полный правовой коллапс. Это выражается в различной степени формализации и, следовательно, различных по характеру и эффективности правовых гарантиях обеспечения права личности на свободу и неприкосновенность.

Возможно, что в небольшом государстве, специалисты и законодатель совладали бы с этим вопросом достаточно быстро. Однако в современных реалиях

⁷ О государственной границе Российской Федерации : закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

развития Российской Федерации, имеющей множество различных юридических научных школ и течений, подразделяющей правовую систему на большое число разрозненных правовых отраслей, располагающей разветвленной сетью и многообразием правоохранительных органов со своими интересами и правотворческими амбициями, решение данной проблемы посредством приведения всего законодательного хаоса в этой части к «общему знаменателю» и заполнению существующих правовых пустот представляется просто невыполнимым.

Поэтому реальный выход из существующего «лабиринта» видится в выработке единых нормативно-правовых стандартов и формировании на их основе унифицированного, межотраслевого механизма, позволяющего имплементировать конституционный базис об обеспечении свободы и неприкосновенности личности в полномочия различных правоохранительных органов по фактическому задержанию и доставлению потенциального подозреваемого в орган дознания или к следователю для дальнейшего осуществления уголовного преследования в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Procedure Law Department
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Статья посвящена вопросам, связанным с участием таких участников уголовного судопроизводства, как педагог и психолог, на начальной стадии производства по уголовным делам с участием несовершеннолетнего. Анализируется целесообразность участия педагога или психолога при взятии объяснений у несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела, в частности о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

К л ю ч е в ы е с л о в а: специальные знания, педагог, психолог, возбуждение уголовного дела, несовершеннолетний.

THE PARTICIPATION OF THE TEACHER AND PSYCHOLOGIST AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES INVOLVING MINORS

The article is devoted to the issues related to the participation of such participants in criminal proceedings as a teacher and a psychologist at the initial stage of criminal proceedings involving a minor. The author analyzes the expediency of the participation of a teacher or a psychologist in taking explanations from a minor at the stage of initiation of criminal proceedings, in particular crimes against sexual integrity of a minor.

К e y w o r d s: special knowledge, teacher, psychologist, initiation of criminal proceedings, minor.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

До сих пор остаются неурегулированными, а поэтому не теряют своей актуальности вопросы участия педагога и психолога при производстве следственных и иных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законе не содержится уточнений, регламентирующих содержание проверки сообщения о преступлении. Процессуальный статус участников процесса на этом этапе не регламентирован, не ясны их права и обязанности. Вопросы участия педагога или психолога при принятии заявления о преступлении от несовершеннолетнего УПК РФ также не разъясняет, что на практике порождает проблемы обеспечения прав и свобод при получении объяснений от несовершеннолетних.

Так, на этапе проверки сообщения о преступлении могут возникнуть следующие вопросы¹:

- когда следует опросить потерпевшего несовершеннолетнего;
- в каком порядке его необходимо вызвать для получения объяснений;
- обязательно ли участие законного представителя при получении объяснений;

¹ См.: Чеботарева Т. В. Уголовно-процессуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2016. № 4 (72). С. 111.

- обязательно ли участие педагога или психолога при получении объяснений;
- возможно ли опросить несовершеннолетнего без участия его законного представителя, педагога и психолога в случаях, не терпящих отлагательства;
- какими положениями должно руководствоваться уполномоченное должностное лицо при получении объяснений от несовершеннолетнего потерпевшего?

Вышеуказанные нерешенные вопросы влекут за собой нарушения прав и свобод несовершеннолетних в ходе доследственной проверки и нередко получают широкий общественный резонанс. В качестве примера может служить следующая ситуация.

В 2015 г. в Республике Карелия газета «Северные берега» опубликовала статью о нарушении прав несовершеннолетнего при получении объяснений в ходе доследственной проверки. Летом 2015 г. инспектор по делам несовершеннолетних поселка Калевала провела беседу с 10-летним мальчиком в служебной машине в отсутствие родителей, педагога и психолога, что вызвало критику средств массовой информации и последующие судебные процессы между редакцией газеты и МВД России по Республике Карелия².

В ч. 4 ст. 191 УПК РФ указывается, что при проведении допроса несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно. При этом в законе не уточняется, обязательно ли участие психолога при получении объяснений от несовершеннолетнего при проверке сообщения о преступлении.

На наш взгляд, следует согласиться с Т. В. Чеботаревой, которая полагает, что участие психолога на стадии возбуждения уголовного дела о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего является также необходимым³. Это связано с тем, что показания даваемые несовершеннолетним должны быть тщательно проверены, чтобы не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела и его последующего прекращения на стадии предварительного расследования или в суде.

А. Левченко считает, что участие психолога на стадии возбуждения уголовного дела необходимо, так как для психики подростков характерна склонность к фантазиям, обману, неверной трактовке происходивших с ними событий либо совершение поступков из мести или ревности, например школьному учителю – за плохие оценки, отчиму – за строгость. Бывают и другие случаи, например, когда скрыть факт насилия невозможно, дети в попытке прикрыть члена своей семьи во избежание огласки и позора либо под давлением со стороны взрослых часто указывают на совершенно посторонних людей⁴.

² Пословицы русского народа опорочили доброе имя МВД по РК // Сайт «Юридическая служба по защите журналистов и блогеров». URL: <http://media-urist.ru/3267.html> (дата обращения: 27.08.2018).

³ См.: Чеботарева Т. В. Указ. соч. С. 112.

⁴ См.: Левченко А. Расследование преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности малолетних. Типичные следственные ситуации // Сайт «Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного контента». URL: <http://www.pedofilov.net/analytics/rassledovanie-prestupleniy-sovershaemykh-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-maloletnikh> (дата обращения: 27.08.2018).

Таким образом, полагаем, что при получении объяснений от несовершеннолетнего до возбуждения уголовного дела следует закрепить в УПК РФ обязательное присутствие в необходимых случаях педагога и психолога.

Расширение полномочий педагога и психолога на стадии возбуждения уголовного дела соответствует международной практике защиты прав и свобод несовершеннолетних⁵, в том числе практике Европейского суда по правам человека.

⁵ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.08.2018).

Воронежский институт МВД России
Савицкая И. Г., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process Department
E-mail: arisha_s@list.ru
Tel.: 8-951-568-98-22

СУБЪЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРОРА

В статье рассматривается процесс реализации права на судебное рассмотрение жалоб в рамках досудебного производства по уголовному делу с позиции субъектов, его осуществляющих.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жалоба, право судебного обжалования, субъекты обжалования.

SUBJECTS OF REALIZATION OF THE RIGHT OF THE JUDICIAL APPEAL OF PROCEDURAL ACTIONS (INACTION) AND DECISIONS OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND PROSECUTOR

The article deals with a process of implementation of a right to judicial appeal by the subjects of it during pretrial proceedings.

К e y w o r d s: complaint, right to judicial appeal, subjects of appeal.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Определение круга субъектов реализации права на судебное обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства имеет важное практическое значение и необходимо в целях эффективной реализации принципа обжалования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Процесс обжалования действий (бездействия) и решений следователя, дознавателя, руководителя следственного органа и прокурора представляет собой взаимодействие определенных законом субъектов, задействованных в нем. Данных субъектов по основанию участия в процессе судебного обжалования на досудебных стадиях можно разделить на группы:

– субъекты, права которых нарушены и по инициативе которых возбуждается производство по жалобе (участники уголовного процесса и иные лица, права и интересы которых нарушены);

– субъекты, рассматривающие жалобу (в данную группу входит только суд (ст. 125 УПК РФ));

– субъекты, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются (дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор (ч. 1 ст. 125 УПК РФ));

– субъекты, уполномоченные исполнять итоговые решения, принятые по результатам рассмотрения жалоб.

Подобная классификация вытекает из норм ст. 123, 125 УПК РФ и в различных вариациях представлена в литературе, посвященной институту обжалования¹.

¹ См.: Антонович Е. К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16–17 ; Лалиев А. И. Проблемы судебного обжалования.

Из приведенных групп субъектов судебного обжалования наибольший интерес представляет первая. Это обусловлено тем, что круг лиц, имеющих право на обжалование, в отличие от других субъектов реализации данного права законом не ограничен, иное противоречило бы нормам Конституции РФ. Критериями определения наличия у лица возможности обжалования действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве являются следующие: действия (бездействие) или решения затрагивают интересы лица (ч. 1 ст. 123 УПК РФ); способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства; затруднить доступ граждан к правосудию (ч. 1 ст. 125 УПК РФ).

Следует отметить, что положения ч. 1 ст. 123 и ч. 1 ст. 125 УПК РФ наделяют правом обжалования участников уголовного судопроизводства, чьи права и свободы ограничены произведенными процессуальными действиями и принятыми процессуальными решениями, а также иных лиц, чьи интересы затронуты в ходе производства по уголовному делу, и граждан, которым затруднен доступ к правосудию.

При этом в комментарии к положениям ст. 123 УПК РФ отмечается, что «заявителем в суд жалобы могут быть все лица, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства, в случае, если должностным лицом или государственным органом при производстве процессуального действия или принятии процессуального решения затронуты их интересы»².

Основываясь на нормах уголовно-процессуального закона, анализе судебной практики и теоретических исследованиях данного аспекта реализации права на обжалование в суд процессуальных действий (бездействия) и решений, можно констатировать тот факт, что помимо участников уголовного судопроизводства, процессуальный статус которых определен в главах 6–8 УПК РФ, в суд в порядке ст. 125 УПК РФ обращается определенный процент иных лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. К ним можно отнести, например, лицо, у которого в ходе обыска или выемки изъято какое-либо имущество и которое считает, что этими следственными действиями нарушено его конституционное право собственности (ст. 35 Конституции РФ).

Кроме того, такой подход согласуется с положениями ряда решений Конституционного Суда (например, постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. К. Кехман, В. Н. Монастырецкого, Д. И. Фуфыгина и общества с ограниченной ответственностью “Моноком”»); постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с

вания действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 11 ; *Сидоров В. В.* Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. С. 17–18.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьева. М., 2010. С. 415–4164 ; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 272–273 ; и др.

жалобой гражданина В. И. Маслова»; определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 119-О «По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), а также постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которые определили, что «обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а должно вытекать из фактического положения этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права».

Согласно ч. 2 ст. 125 УПК РФ жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора. Верховный Суд РФ по этому поводу разъяснил, что обжаловать действия (бездействие) и решения в суд может не только непосредственно лицо, чьи права и интересы затронуты, но и «действующий в интересах заявителя защитник, законный представитель или представитель. Представителем заявителя может быть лицо, не принимавшее участия в досудебном производстве, в связи с которым подана жалоба, но уполномоченное заявителем на подачу жалобы и (или) участие в ее рассмотрении судом». На основании этого и в соответствии с нормами закона (ст. 45, 53, 55 УПК РФ) представители лица, заявившие в его пользу требование в порядке ст. 125 УПК РФ, обладают всеми правами заявителя относительно поданной жалобы.

В первую очередь в качестве субъектов обжалования следует рассмотреть участников уголовного судопроизводства.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих правовое положение участников уголовного судопроизводства позволяет утверждать, что правом на обжалование в суд решений и действий органов предварительного расследования (прокуроров) наделены: 1) потерпевший (п. 18 ч. 2 ст. 42); 2) гражданский истец (п. 17 ч. 4 ст. 44); 3) законный представитель, представитель потерпевшего, гражданского истца (ч. 3 ст. 45); 4) подозреваемый (п. 10 ч. 4 ст. 46); 5) обвиняемый (п. 1 ч. 4 ст. 47); 6) защитники (п. 10 ч. 1 ст. 53) и законные представители лиц, привлекавшихся по делу в качестве обвиняемых; задерживавшихся в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, а равно допрошенных по делу в качестве подозреваемых; 7) гражданский ответчик (п. 12 ч. 2 ст. 54); 8) законный представитель гражданского ответчика (ст. 55); 9) свидетель (п. 5 ч. 4 ст. 56); 10) эксперт (п. 5 ч. 3 ст. 57); 11) специалист (п. 4 ч. 3 ст. 58); 12) переводчик (п. 3 ч. 3 ст. 59).

Помимо указанных субъектов уголовного процесса, ученые относят сюда: 1) лицо (как физическое, так и юридическое), по заявлению которого уголовное дело было возбуждено; 2) лицо, чье имущество изъято в ходе предварительного расследования при проведении обысков, выемок, а равно иным образом; 3) лицо, на чье имущество в процессе предварительного расследования наложен арест; 4) иные лица, конституционным правам и свободам которых решениями и (или) действиями (бездействием) соответствующих участников процесса причинен ущерб либо затруднен доступ к правосудию³.

³ См.: Антонов И., Васильева Г. Обжалование в суд процессуальных действий и решений как гарантия защиты личности в сфере уголовного судопроизводства // Юрид. мир. 2005. № 10.

Нормы ч. 1 ст. 125 УПК РФ наделяют правом на судебный порядок рассмотрения жалоб физическое лицо. Это обусловлено тем, что в качестве основания обжалования закон определяет нарушение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также затруднение доступа граждан к правосудию.

Как отмечается в литературе, юридическое лицо может быть субъектом судебного обжалования (в том числе следственных действий) только в тех случаях, когда признается потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) или гражданским истцом (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Основанием для такого признания согласно ч. 1 ст. 42 и ч. 1 ст. 44 УПК РФ является причинение ущерба их имуществу и деловой репутации. Отсюда, как отмечает В. А. Семенов, вытекают два условия, при наличии которых юридическое лицо может подать жалобу в суд⁴:

1) юридическое лицо должно быть признано участником уголовного судопроизводства постановлением дознавателя, следователя или суда;

2) жалоба должна быть связана только с защитой имущественных прав и деловой репутации, поскольку такая защита вытекает из требований ст. 8 Конституции РФ.

На возможность подачи жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ представителем юридического лица указал и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Требует конкретизации механизм реализации права на обжалование таких субъектов, как «иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением» (ст. 123, ч. 3 ст. 125 УПК РФ).

Верховный Суд РФ указал, что иными лицами, чьи права и законные интересы затронуты производимыми процессуальными действиями и принимаемыми процессуальными решениями могут быть, например, поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр (ч. 1 ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела (ч. 5 ст. 148 УПК РФ), лицо, чье имущество изъято или повреждено в ходе обыска или выемки.

К иным лицам, как отмечается в специальной литературе, следует также отнести: лицо, в жилом помещении которого проводится обыск; лицо, на территории которого, являющейся его собственностью, проводится какое-либо следственное действие (следственный эксперимент, проверка показаний на месте и т. д.); иные лица, отстаивающие (защищающие, представляющие) в уголовном деле личный интерес; лицо, на чье имущество ошибочно наложен арест (ст. 115 УПК РФ); добросовестные приобретатели, а также другие участники гражданско-правовых отношений, если обжалуемые действия (бездействие) или решения могут существенно изменить условия гражданско-правового договора; организации, сотрудники которых совершили преступление, связанное с выполнением своих служебных обя-

С. 49 ; Колоколов Н. А. Порядок и сроки обжалования в суд решений и действий органов предварительного расследования // Адвокатская практика. 2000. С. 24 ; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. С. 241–242 ; и др.

⁴ См.: Семенов В. А. Судебный контроль при производстве следственных действий // Рос. судья. 2005. № 12. С. 27–28.

занностей, и для которых этот факт влечет определенную ответственность (например, пожар на складе); граждане, которым отказано в возбуждении уголовного дела (в случае непризнания их потерпевшими, истцами, представителями сторон), граждане, формально не признанные участниками судопроизводства, которые были подвергнуты мерам процессуального принуждения или чьи интересы при применении мер процессуального принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства были нарушены (ограничены и т. п.); граждане, которым отказано в признании их участниками уголовного судопроизводства⁵.

Однако при поступлении жалобы от ненадлежащего лица, как отмечается в литературе, «судья выносит мотивированное постановление об отказе в ее приеме. Данное постановление может быть обжаловано путем подачи частной жалобы в вышестоящий суд»⁶.

В литературе отмечается, что «право на обжалование в суд процессуальных действий (бездействия) и решений принадлежит также иностранным гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории Российской Федерации»⁷.

В ряде случаев лицо, намеренное обжаловать в суд незаконное или необоснованное, по его мнению, действие (бездействие) либо решение не имеет возможности в силу различного рода причин направить жалобу непосредственно в суд. Такие ситуации возникают, к примеру, когда заявитель находится под стражей и лишен возможности самостоятельно обратиться в суд. Закон в таких случаях предусматривает подачу жалобы через дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора (ч. 2 ст. 125 УПК РФ). Жалоба подается «через администрацию места содержания под стражей, которая обязана не позднее 24 часов направить ее в суд»⁸.

Таким образом, в порядке ст. 125 УПК РФ в суд с жалобой может обратиться любое лицо, чьи права и интересы нарушены процессуальными действиями (бездействиями) и решениями в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Процесс обжалования в суд действий (бездействия) и решений следователя, дознавателя, прокурора представляет собой взаимодействие участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и интересы затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием) и решениями. Деятельность субъектов подачи, рассмотрения и разрешения жалоб осуществляется на основе принципов уголовного судопроизводства и подчинена общим условиям производства по уголовному делу. Определение круга субъектов обжалования в суд действий (бездействия) и решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, оснований их участия в процедурах, предусмотренных ст. 125 УПК РФ, прав и обязанностей, связанных с реализацией принципа обжалования в рамках досудебно-

⁵ См.: Антонов И., Васильева Г. Указ. соч. С. 49 ; Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал рос. права. 2008. № 6 ; Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2010. С. 281–282 ; Ярцев Р. В., Ковтун Н. Н. Субъекты обжалования на досудебном этапе : понятие, характеристика процессуальных прав и обязанностей // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 7 ; и др.

⁶ Колоколов И. А. Указ. соч. С. 24. См. также: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. С. 243–244.

⁷ Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. В. И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2006. С. 73.

⁸ Мельников В. Ю. Судебная реформа – некоторые вопросы судебного контроля // Рос. судья. 2008. № 1. С. 23.

го производства по делу, позволяет оптимизировать механизм разрешения жалоб и соответственно повысить эффективность данной деятельности.

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)*

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной
экспертизы и криминалистики

Central Branch of Russian State University of Justice (Voronezh)

Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Forensic
Expertise and Criminalistics Department

E-mail: kijalis@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 271-54-15

ЗАМЕТКИ «НА СКОРУЮ РУКУ» О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 72 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (В РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 3 ИЮЛЯ 2018 Г. № 186-ФЗ)

Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ внесены поправки в ст. 72 УК РФ, устанавливающие новые правила зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу, а также времени нахождения лица под домашним арестом в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы, что самым непосредственным образом улучшает положение осужденного. Однако, как показала практика применения указанного закона, возникли коллизии, которые требуют незамедлительного разрешения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд, стадия исполнения приговора, приговор суда, осужденный, судебное решение, прокурор, порядок рассмотрения представления, улучшение положения осужденного.

NOTES «IN HASTE» ON THE PROCEDURE OF APPLICATION OF ARTICLE 72 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (AS AMENDED BY FEDERAL LAW DATED JULY 03, 2018 NO. 186-FZ)

Federal law №. 186-FZ of July 3, 2018 amended article 72 of the criminal code of the Russian Federation, which establishes new rules for the time of detention before the court's sentence enters into legal force, as well as the time of a person under house arrest during the period of detention before trial and during imprisonment, which directly improves the situation of a convicted person. However, as the practice of application of the said law has shown, there are conflicts that require immediate resolution.

К e y w o r d s: court, the stage of execution of the sentence, the sentence of the court, the convict, the judgment, the Prosecutor, the procedure for the consideration of the submission, the advancement of the convict.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Стремление законодателя по гуманизации уголовной сферы получило свое продолжение посредством принятия Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, которым были внесены поправки в ст. 72 УК РФ, устанавливающие новые правила зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу, а также времени нахождения лица под домашним арестом в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы (далее – зачет срока).

В свою очередь, исходя из требований ч. 1 ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т. е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших

наказание, но имевших судимость. Тем самым положения Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ должны быть применены не только к тем лицам, кому приговор постановлен после вступления в силу данного закона, но и к осужденным, уже отбывающим наказание или отбывшим наказание, но имевшим судимость¹.

В связи с необходимостью применения новой редакции ст. 72 УК РФ возник вопрос, в каком именно порядке следует рассматривать ходатайства и представления о зачете срока². Так, в силу п. 11 ст. 397 УПК РФ суд в порядке исполнения приговора рассматривает вопросы о зачете времени содержания под стражей в соответствии со ст. 72 УК РФ. В свою очередь, согласно п. 13 ст. 397 УПК РФ, суд рассматривает также вопросы об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ.

При этом, в зависимости от того, исходя из положений какой правовой нормы будет рассматриваться ходатайство (представление), будет происходить и регистрация материала в суде с указанием соответствующего номенклатурного номера, что также повлечет внесение сведений в формы статистической отчетности.

В свою очередь, уголовно-процессуальный закон (глава 47 УПК РФ) не дифференцирует процедуру рассмотрения ходатайств (представлений) в зависимости от того, какой именно вопрос, связанный с исполнением приговора, рассматривается судом.

Бессспорно, Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ улучшает положения лиц, осужденных ранее его принятия, содержавшихся до вынесения приговора под стражей. В связи с этим к таким лицам подлежат применению новые правила зачета срока содержания под стражей. В свою очередь, следует отметить, что анализируемый закон относительно установления новых правил зачета времени содержания под домашним арестом ухудшает положение осужденных, поскольку ст. 72 УК РФ дополнена ч. 3.4, предполагающей, что время нахождения лица под домашним арестом должно засчитываться в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы, в то время как ранее такое время засчитывалось из расчета «день за день». В связи с этим данный закон не имеет обратной силы и применяется исключительно к лицам, совершившим преступления не ранее 14 июля 2018 г., т. е. даты начала его действия.

Вместе с тем внесенные Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ изменения, в целом улучшая положение осужденных, не освобождают их от наказания, не смягчают его и фактически сводятся к иному арифметическому исчислению срока, подлежащего зачету в срок назначенного судом наказания, поскольку устанавливают иные пропорции зачета времени содержания под стражей в срок отбывания наказания, с изменением периода, подлежащего зачету, а именно его увеличение со дня постановления приговора до момента вступления в законную силу.

¹ Поскольку новые правила зачета времени содержания под домашним арестом (ст. 72 ч. 3.4 УК РФ) ухудшают положение осужденных, они не имеют обратной силы.

² Оговоримся, что если подано ходатайство (представление) именно о приведении приговора в соответствие с уголовным законом, улучшающим положение осужденного, то такое ходатайство (представление) подлежит рассмотрению по правилам п. 13 ст. 397 УПК РФ; при этом разрешению подлежит и вопрос о применении новых правил зачета срока, установленных ст. 72 УК РФ (в ред. Федерального закона от 03.07.2018 № 186-ФЗ).

Сложившаяся судебная практика предполагает, что рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия в открытом судебном заседании, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 241 УПК РФ. В связи с этим суд разъясняет участникам судебного заседания их права, обязанности и ответственность и обеспечивает возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). В силу ч. 2 ст. 10 УИК РФ при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Применительно к реализации осужденными права на судебную защиту уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство не содержит каких-либо изъятий или ограничений и не допускает понижения уровня гарантий права на судебную защиту для осужденных при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»).

Так, с ходатайством о зачете срока вправе обратиться как сам осужденный (п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ), так и его защитник (ч. 4 ст. 399, ст. 53 УПК РФ), а также законный представитель несовершеннолетнего осужденного (ст. 48, 428 УПК РФ, ст. 64 СК РФ). В свою очередь, правом принесения представлений о зачете срока обладают учреждения и органы, исполняющие наказания, а также прокурор (исходя из системного понимания п. 5 ч. 1 ст. 399 УПК РФ, ст. 1 УИК РФ, ст. 1, 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ст. 1, 26–28, 32–33, 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-01 «О Прокуратуре Российской Федерации», постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П).

Думается, что в силу положений ч. 1–3 ст. 396 УПК РФ вышеуказанные ходатайства и представления должны рассматриваться судом по месту исполнения приговора (по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание), поскольку в этом случае разрешение таких вопросов будет более своевременным.

В соответствии с ч. 2 ст. 399 УПК РФ, лицо, подавшее ходатайство или принесшее представление, осужденный и его защитник, законный представитель несовершеннолетнего осужденного, учреждения и органы, исполняющие наказание в отношении осужденного, должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания. В судебное заседание вызывается представитель учреждения, исполняющего наказание, или компетентного органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания. При наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видео-конференц-связи. Вопрос о форме участия осужденного в судебном заседании решается судом.

Часть 6 ст. 399 УПК РФ предусматривает, что в судебном заседании вправе участвовать прокурор, что предполагает его обязательное извещение о времени и месте рассмотрения ходатайства (представления) о зачете срока, но не обязательное участие в судебном заседании. При этом если прокурор является лицом, принесшим представление о зачете срока, то, полагаем, его участие является обязательным. Однако в случае мотивированного и полного изложения им позиции

в представлении, достаточности приложенных документов и наличии ходатайства о рассмотрении представления в его отсутствие, либо при отсутствии ходатайства, если суд при таких обстоятельствах придет к выводу, что личное участие прокурора не обязательно, а отложение судебного заседания для повторного вызова прокурора приведет к затягиванию сроков рассмотрения представления (волоките), суд не лишен возможности рассмотреть такое представление и в отсутствие прокурора.

Согласно ч. 7 ст. 399 УПК РФ, судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются представленные материалы, выслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление.

Так, применительно к исследуемому порядку рассмотрения вопроса о зачете срока в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ полагаем, что во многом именно от своевременных действий администрации учреждений и органов, исполняющих наказание, зависит скорейшее его разрешение и, как показывает практика, скорейшее освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания в связи с истечением его срока. Например, по ряду представлений учреждений, исполняющих наказание, рассмотренных Заводским районным судом города Кемерово, осужденные, отбывающие наказание в колонии-поселении или в колонии общего режима, исходя из новых правил исчисления срока зачета, должны были быть уже освобождены к моменту вступления Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ в действие, к моменту составления представления и (или) его поступления в суд³. В связи со сложившейся ситуацией суды вынуждены разрешать представления и ходатайства фактически в обстановке цейтнота.

В свою очередь, законность содержания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, в отношении осужденных, ранее по уголовному делу содержащихся под стражей или домашнем арестом, своевременность их освобождения от таковых должны проверять прокуроры, для чего обращаться в суд с соответствующими представлениями, поддерживая их в судебном заседании.

Безусловно, заинтересован в скорейшем освобождении и сам осужденный, отбывающий наказание, что обуславливает закономерное участие в этом процессе его самого, его защитника, законного представителя несовершеннолетнего осужденного.

Поэтому каждому из перечисленных лиц необходимо обеспечить реальную возможность участия в судебном заседании. Вместе с тем их неявка в судебное заседание не исключает разрешения вопроса о зачете срока по существу. Так, в большинстве случаев при отсутствии фактического спора и неявки в судебное заседание заинтересованных лиц суды в постановлениях приводят, например, следующие формулировки: «Осужденный, извещенный о времени и месте судебного заседания, в судебное заседание не явился; осужденный, в том числе после разъяснения ему положений ст. 399, ч. 2, УПК РФ, не просил об обеспечении его участия в судебном заседании. При этом суд не усматривает оснований для обязательного личного участия осужденного в судебном заседании. В связи с чем суд полагает

³ Архив Заводского районного суда г. Кемерово. Материалы № 4/13-321/2018, 4/13-324/2018, 4/13-326/2018, 4/13-330/2018, 4/13-332/2018, 4/13-335/2018, 4/13-373/2018, 4/13-378/2018, 4/13-379/2018, 4/13-380/2018, 4/13-405/2018, 4/17-445/2018.

возможным рассмотреть представление в отсутствие осужденного»; «Прокурор, представитель учреждения, исполняющего наказание, извещенные о времени и месте судебного заседания, в судебное заседание не явились, и их неявка не является препятствием для рассмотрения заявленного представления».

Думается, такая позиция судов обусловлена требованиями ст. 6.1 УПК РФ о разумности сроков уголовного судопроизводства, а также уже указанной авраль-ной ситуацией. Так, за период с 14 июля (со дня вступления в действие Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ) по 23 августа 2018 г. (день написания настоящей статьи) только в Заводской районный суд г. Кемерово поступило 256 представлений и ходатайств о зачете срока. Стоит отметить, что 103 из них зарегистрированы как материалы, рассматриваемые в порядке п. 11 ст. 397 УПК РФ (№ 4/17.../2018), а 153 – как материалы, рассматриваемые в порядке п. 13 ст. 397 УПК РФ (№ 4/13.../2018), в зависимости от того, какой позиции придерживается судья, которому предстоит рассматривать такой материал. При этом содержательно и процедурно рассмотрение материалов не различается. В свою очередь, как показал проведенный опрос, в Ленинском районном суде г. Кемерово также по состоянию на 23 августа 2018 г. зарегистрировано более 400 представлений и ходатайств, в Кемеровском районном суде – 138⁴. Предполагаем, что число таких материалов будет расти, поскольку, например, на территории Заводского района г. Кемерово расположены следственный изолятор, исправительная колония строгого режима и исправительная колония общего режима, в каждой из которых имеется участок колонии-поселения; на территории Ленинского района г. Кемерово и Кемеровского района – по одной исправительной колонии общего режима.

Думается, что при рассмотрении указанных представлений и ходатайств подлежат применению одновременно положения п. 11 и 13 ст. 397 УПК РФ. Так, постановленным приговором осужденному уже произведен зачет срока содержания под стражей в срок наказания. Однако, исходя из требований ст. 10 УК РФ, подлежат применению новые правила зачета (п. 13 ст. 397 УПК РФ). В свою очередь, положения п. 11 ст. 397 УПК РФ конкретизируют, что ходатайства и представления должны рассматриваться исключительно относительно вопроса зачета срока, а не пересмотра всего приговора, как это требует п. 13 ст. 397 УПК РФ в его конституционно-правовом толковании (постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г.). Тем самым, *de facto* различие состоит только в предмете познания – предмете исследования.

В свою очередь, следует отметить, что «тотальный пересмотр» приговора (п. 13 ст. 397 УПК РФ) потребует значительного процессуального времени, поскольку в основной массе при рассмотрении таких материалов необходимо истребовать все приговоры и иные процессуальные решения, их корректирующие, имеющие значение для объективного, полного и всестороннего рассмотрения ходатайства (представления). В определенных случаях весь процесс такого «сбора данных» может достигать года. В настоящей же ситуации требуется быстрое (не в ущерб

⁴ Поясним, что сведения о количестве поступивших представлений (ходатайств) о зачете срока были собраны только в судах, расположенных на территории г. Кемерово и на чьей административной территории находятся учреждения, исполняющие наказания. При этом информации из Кировского районного суда г. Кемерово не было получено, поскольку на территории данного района расположена исправительная колония особого режима. Здесь же отметим, что и в Ленинском, и в Кемеровском районных судах г. Кемерово, указанные материалы регистрируются за номерами 4/13.../2018, т. е. рассматриваются в порядке п. 13 ст. 397 УПК РФ.

качеству) разрешение таких вопросов, исключаящее пребывание осужденных в местах лишения свободы, в то время как фактически, с учетом применения новых правил зачета срока, срок их наказания уже истек. Принятие же Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, как это следует из пояснительной записки к его проекту⁵, вызвано тем, что большая часть подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, по приговору суда направляются для отбывания наказания в исправительные учреждения, условия содержания в которых значительно гуманнее; данный закон призван компенсировать издержки, возникающие в результате отсутствия в настоящее время возможности для приведения в полном объеме условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в соответствии с международными стандартами.

Следует также обратить внимание, что Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П (п. 3 и 4) указал, что законодатель, принимая закон, устраняющий или смягчающий уголовную ответственность и, следовательно, являющийся актом, который по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных преступлений и правовой статус лиц, их совершивших, не может не предусмотреть – исходя из конституционно обусловленной обязательности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния – механизм придания ему обратной силы. Реализация закрепленного в ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ и ст. 10 УК РФ принципа, в силу которого уголовный закон, устраняющий или смягчающий ответственность, имеет обратную силу, может быть обеспечена лишь при условии создания надлежащего процессуального механизма, позволяющего определить в конкретном деле, в какой мере новый закон смягчает ответственность за преступление, и соответствующим образом применить его.

Анализ Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ позволяет сделать вывод, что он не устанавливает надлежащего специального самостоятельного процессуального механизма придания ему обратной силы. Так, в ст. 2 данного закона лишь указано, что положения ст. 72 УК РФ в его редакции подлежат исполнению:

1) в течение трех месяцев со дня вступления в силу настоящего федерального закона в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии и колонии-поселении;

2) в течение шести месяцев со дня вступления в силу настоящего федерального закона в отношении:

а) лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима;

б) лиц, отбывающих наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ;

в) военнослужащих, отбывающих наказание в виде ограничения по военной службе или содержания в дисциплинарной воинской части.

При этом, согласно Пояснительной записке к его проекту, реализация федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» не потребует принятия, признания утратившими силу, при-

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

остановления, изменения или дополнения законодательных актов Российской Федерации⁶. Из чего следует вывод, что исполнение данного закона в части придания ему обратной силы будет происходить в рамках уже действующего процессуального механизма, т. е. в порядке исполнения приговора (глава 47 УПК РФ).

Таким образом, вопросы, актуализированные в настоящей статье, требуют своего дальнейшего разрешения и научного обсуждения. Автор лишь осуществил попытку возбудить интерес к данной проблематике, чем и обусловлено приведение в названии статьи такой формулировки, как «заметки «на скорую руку»».

Так, открытым, думается, остается вопрос о том, почему, когда лицо содержится под стражей до его осуждения, а приговором ему назначается наказание в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, обязательных работ, исходя из новой редакции ч. 3 ст. 72 УК РФ, правовое регулирование исчисления срока зачета не изменилось и ранее существовавшие пропорции (один день за три дня при назначении наказания в виде исправительных работ или ограничения по военной службе, один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ) сохранены?⁷

Требуется внимательного отношения и вопрос, как должен исчисляться срок наказания в отношении тех осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме, приговоры которых вступили в законную силу, но такие осужденные оставлены в следственном изоляторе либо переведены в него при необходимости участия в следственных действиях в качестве свидетеля и потерпевшего (ч. 1 и 2 ст. 77.1 УИК РФ)? Причем в силу ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ такие осужденные содержатся в следственном изоляторе в порядке, установленном Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и на условиях отбывания ими наказания в исправительном учреждении, определенном приговором суда.

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Полагаем, такое правовое регулирование умаляет права осужденных, содержащихся под стражей до вынесения приговора, которым назначено наказание в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, обязательных работ, поскольку они находятся в менее выгодном положении по сравнению с теми осужденными, которым назначено наказание в виде лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части, ограничения свободы, принудительных работ и ареста. Но эта тема для отдельного исследования, предполагающего глубокую дискуссию и неоднозначные точки зрения.

Кемеровский государственный университет

*Быданцев Н. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
судья Заводского районного суда г. Кемерово*

Kemerovo State University

*Bydantsev N. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics, Judge of the Zavodskiy*

District Court City of Kemerovo

E-mail: bydancevs@yandex.ru

Tel.: 8-905-961-23-23

ОБ ОЦЕНКЕ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Рассматриваются проблемные вопросы оценки экспертного заключения в суде. Приводится понятие экспертного заключения, анализируются мнения авторов по вопросу оценки заключения эксперта в судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза, заключение эксперта, оценка, заключение специалиста, суд, судопроизводство.

ON THE ISSUE OF EVALUATION OF EXPERT OPINION

The article deals with the problematic issues of evaluation of expert opinion in court. The concept of expert opinion is given. The article analyzes the views of the authors on the evaluation of the expert opinion in the proceedings. The authors consider the issue of peer review as a method of assessing the expert opinion. The structure of the review is given.

К е у w o r d s: expertise, expert opinion, assessment, review, expert opinion, court, proceedings.

Поступила в редакцию 20 августа 2018 г.

В настоящее время в условиях правового государства и демократизации общества большинство судебных решений основывается в той или иной мере на результатах проведенных экспертиз. Результаты экспертиз часто оказывают решающее значение для судов.

Понятие «экспертиза» (эксперт от лат. *expertus* – знающий по опыту, опытный, испытанный, проверенный) используется в науке и практике для обозначения исследований, требующих использования профессиональных знаний.

Понятие судебной экспертизы дано в ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹.

Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. В определении даны основные признаки судебной экспертизы, отличающие ее от других экспертиз и других форм использования специальных знаний в судопроизводстве. Это:

1. Проведение судебной экспертизы относится к процессуальным действиям. Следовательно, ее производство регламентировано законом (наиболее полно – в УПК РФ и Федеральным законом № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

2. Проведение исследования, основанного на использовании специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла.

3. Заключение эксперта имеет статус источника доказательств.

Заключение эксперта содержит важные фактические данные, необходимые для правильного рассмотрения уголовных, арбитражных и гражданских дел. За-

¹ Рос. газета. 2001. 5 июня.

© Кудрявцев Ю. С., 2018

ключение эксперта является источником доказательств и как всякое другое доказательство, подлежит оценке судом. От правильной оценки заключения эксперта, обоснованности сделанных экспертом выводов зависит принятие решения судом.

В российской судебной практике нередки случаи, когда эксперты, работающие в области судебной экспертизы, дают далеко не объективные и научно необоснованные заключения. Причин тому может быть множество, начиная от невысокой квалификации выполняющих работу экспертов и заканчивая подкупом со стороны заинтересованных лиц. Как отмечают А. Ю. Комиссаров, А. В. Пахомов, С. В. Соколов в своих методических рекомендациях, что ни практические навыки экспертов, ни внедрение новых методов и технологий полностью не исключают возможности совершения экспертных ошибок².

К сожалению, порой на основе таких заключений выносятся судебные решения. Такие решения нарушают важные принципы юридического процесса – принцип законности, принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, принцип состязательности сторон, принцип беспристрастности органов и лиц, ведущих процесс.

Особенность заключения эксперта состоит в том, что при производстве экспертизы применяются специальные знания в области искусства, науки, техники и ремесла. Суд, участники процесса, проводя оценку заключения эксперта, не владеют этими знаниями, да и не могут ими владеть. В ином случае назначение экспертизы не имело бы смысла. В связи с этим возникают определенные трудности в оценке полноты и всесторонности проведенного экспертом исследования, обоснованности сделанных им выводов. Допущенные экспертом при производстве исследования ошибки или выполненное заведомо ложное заключение может привести и к судебной ошибке.

В настоящее время методические рекомендации как таковые по оценке именно экспертного заключения отсутствуют.

Е. Р. Российская, Е. И. Галяшина предлагают проводить оценку заключения эксперта по следующим стадиям³:

1. Проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы.
2. Проверка подлинности и достаточности исследовавшихся вещественных доказательств и образцов.
3. Оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном конкретном случае.
4. Проверка и оценка полноты и всесторонность заключения.
5. Оценка логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования.
6. Проверка относимости результатов экспертного исследования к данному уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении.
7. Проверка соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам.

Данные стадии относятся к оценке любого доказательства в судебном заседании. Но назвать подобные стадии оценкой экспертного заключения было бы

² См.: Комиссаров А. Ю., Пахомов А. В., Соколов С. В. Предупреждение экспертных ошибок при проведении криминалистической почерковедческой экспертизы : метод. рекомендации. М., 2001. С. 4.

³ См.: Российская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М., 2010. С. 141–150

неверно. Такие стадии скорее относятся к процедуре производства экспертизы, в которую и входит стадия оценки экспертного заключения. То есть оценка процедуры производства экспертизы является более широким понятием, чем оценка экспертного заключения.

Указанные стадии оценки заключения относятся, прежде всего, к действиям по признанию (или непризнанию) заключения эксперта как доказательства по рассматриваемому делу, т. е. проверяются и оцениваются действия всех участников судопроизводства, имеющих отношение к процедуре производства экспертизы: к представленным эксперту на исследование объектам, образцам, к процессуальной процедуре назначения экспертизы и т. д. Так, неправильное изъятие вещественных доказательств, представленных эксперту на исследование или неправильное получение образцов для сравнительного исследования может привести к исключению заключения эксперта из доказательственной базы, хотя исследование экспертом было проведено в полном объеме, всесторонне и объективно.

Рассмотрим более подробно указанные авторами стадии.

В первую стадию оценки заключения эксперта авторы включают проверку соблюдения требований закона при назначении экспертизы. Это не совсем верно. Постановление либо определение о назначении экспертизы выносит следователь, дознаватель, суд, и это процессуальная оценка их действий. К данной стадии по оценке заключения эксперта, на наш взгляд, относится только соблюдение процессуальной формы оформления заключения.

Не относятся к оценке экспертного заключения и стадия проверки относимости результатов экспертного исследования к данному уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении, стадия проверки подлинности исследовавшихся вещественных доказательств и образцов. Эксперт проводит исследование по тем материалам, которые ему предоставлены и решает те вопросы, которые перед ним поставлены. Относимость результатов проведенного экспертом исследования к уголовному, гражданскому, арбитражному, административному делу должен решать суд либо лицо, назначившее экспертизу. Это оценка их действий, а не эксперта, проводившего исследование. Следовательно, к оценке заключения, выполненного экспертом, данная стадия не может относиться.

Не может быть отнесена к оценке заключения эксперта и стадия соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам. Выводы эксперта могут согласовываться с остальными доказательствами, а могут и противоречить им. Однако если эксперт выполнил исследование в полном объеме, а выводы обоснованы, убедительны и достоверны, то суд не может не учитывать результаты проведенного исследования.

На наш взгляд, под оценкой заключения эксперта должно быть более узкое понятие – оценка действий эксперта по производству экспертизы и полученных при этом результатов, начиная с момента получения определения суда о назначении экспертизы и заканчивая направлением материалов вместе с заключением инициатору. К данным действиям относятся: прием экспертной организацией (либо экспертом) материалов для производства экспертизы, их регистрация; соблюдение процедуры передачи материалов эксперту, если материалы экспертизы направлены в экспертное учреждение; применение при проведении исследования методик и методов, направленных на решение поставленных перед экспертом вопросов; использование технических средств, необходимых при производстве исследования; оценка полученных результатов и формирование выводов; оформление проведенного исследования.

Непосредственно оценка заключения эксперта должна состоять из трех стадий:

1. Оценка заключения эксперта с точки зрения соблюдения процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, регулирующих производство экспертизы в экспертном учреждении.

2. Оценка заключения эксперта с точки зрения объективности, полноты, всесторонности и убедительности.

3. Оценка заключения эксперта с точки зрения оформления, дающего возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Оценка заключения эксперта с точки зрения соблюдения процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, регулирующих производство экспертизы в экспертном учреждении заключается в проверке наличия в заключении всех предусмотренных законом реквизитов (ст. 25 Федерального закона № 73; ст. 86 ГПК РФ; ст. 86 АПК РФ; ст. 204 УПК РФ; ч. 5 ст. 26.4 КоАП РФ). Закон предусматривает лишь в общих чертах обязательные реквизиты в заключении эксперта. Уточнение же содержания реквизитов в заключении эксперта имеется в ведомственных нормативных актах.

Что касается полноты, объективности, убедительности и всесторонности проведенного экспертом исследования, примененных при этом методик и методов, научной обоснованности сделанных выводов, то оценить заключение эксперта по этим критериям участники судопроизводства не могут, так как не владеют специальными знаниями. Например, в почерковедческой экспертизе суд никак не может оценить правильность выбора частных признаков почерка, положенных в обоснование своих выводов, так как данное действие эксперта при выполнении исследования наиболее субъективно и зависит от уровня теоретических знаний и практического опыта эксперта.

Мы согласны с некоторыми авторами, что одной из возможностей оценки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения является реальная состязательность экспертов. Эта цель может быть достигнута в том случае, если в гражданском и арбитражном процессе право назначать проведение экспертиз будет предоставлено сторонам. В уголовном процессе такое право необходимо предоставить стороне защиты.

Косвенно в законодательных актах закреплено, что оказать помощь в оценке заключения эксперта может специалист. Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях, в том числе для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, другими словами, для оказания помощи в назначении судебной экспертизы и оценке ее выводов с точки зрения научной обоснованности, правильности и полноты использования специальных знаний. Однако на практике, специалист судом к оценке заключения эксперта привлекается крайне редко. И то только в том случае, когда одна из сторон недовольна результатами экспертизы. Если же от участников процесса не поступают возражения в отношении заключения эксперта, то оценка экспертного заключения практически судом не проводится либо проводится по формальным основаниям.

Оценка с точки зрения оформления заключения эксперта заключается в том, чтобы участниками процесса имелась возможность проверить ход проведения

исследования – иллюстрация общего вида предоставленных эксперту объектов, какая использовалась при проведении исследования приборная база, какие были получены результаты при применении того или иного технического средства, какие были выявлены признаки, наглядная иллюстрация выявленных признаков, иллюстрация совпадений либо различий и т. д.

В судебных инстанциях довольно часто оценка заключения эксперта вовсе не проводится, если от сторон не поступают возражения по результатам проведенного исследования, даже если в заключении эксперта имеются явные ошибки, для выявления которых не требуются специальные познания.

Так, при рассмотрении одного гражданского дела в суд было представлено заключение эксперта, озаглавленное как «Сообщение о невозможности дачи заключения». При этом экспертом в полном объеме было проведено исследование и даны выводы. Суд признал данное заключение в качестве доказательства и вынес решение. Эксперт в судебное заседание не вызывался.

В других случаях суды оставляют возражения противоположной стороны, несогласной с заключением эксперта, без внимания. В решении суда либо вовсе не упоминаются возражения стороны против заключения эксперта, либо суд необдуманно отказывает стороне, выразившей свое несогласие с заключением эксперта.

Так, при рассмотрении судом одного гражданского дела стороной, возражающей по результатам проведенного экспертом исследования, в судебное заседание были приглашены два специалиста, которые дали суду пояснения по поводу проведенного экспертом исследования и указали на недостатки в заключении эксперта, которые непосредственным образом влияли на сделанные экспертом выводы. Вызванный в судебное заседание эксперт каких-либо внятных объяснений по поводу указанных недостатков не дал. В результате судом было вынесено решение, в котором возражения против заключения эксперта были объяснены как «несогласие с заключением эксперта».

Таким образом, вопрос оценки экспертного заключения в настоящее время требует детальной проработки. В законодательных актах должны быть четко обозначены действия участников судопроизводства при оценке экспертного заключения. В необходимых случаях в судебное заседание должен приглашаться не только эксперт, проводивший исследование, но и специалист в данной области, так как при оценке экспертного заключения также необходимы специальные знания.

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)*

Кудрявцев Ю. С., старший преподаватель кафедры
судебной экспертизы и криминалистики

Central Branch of Russian State University of Justice (Voronezh)

Kudryavtsev Yu. S., Senior Lecturer of the Forensic Expertise
and Criminalistics Department

E-mail: kyus63@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 271-54-15

СКОРЫЙ СУД КАК НЕОБХОДИМОЕ И СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье говорится о чрезвычайной важности безотлагательного уголовного судопроизводства и свершения правосудия, своевременного восстановления нарушенного права и справедливого уголовного наказания преступников, а также предлагаются некоторые дополнительные законодательные и правоприменительные способы для восстановления скорого и справедливого уголовного правосудия, своевременного и должного наказания преступников, предупреждения рецидивных преступлений и поддержания надлежащего общественного правопорядка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правосудие в России, скорый уголовный суд, своевременное уголовное наказание преступников, предупреждение потенциальных и рецидивных преступлений, надлежащий общественный правопорядок.

FAST COURT AS NECESSARY AND ESSENTIAL CONDITION FOR PREVENTION OF POTENTIAL CRIMES

In his article «The Swift Criminal Justice as the Necessary and Essential Condition for the Prevention of Potential Crimes» the author by means of the consideration of the different cases and the sad consequences of the insufficiency or large-scale absence of the appropriate and swift criminal trial and justice in Russia, warns about the extreme importance of the urgent criminal trial and administration of justice, timely restoration of the violated law and fair criminal punishment of the criminals, as well as offers some additional legislative and law-enforcement methods for the possible restoration of such fast and fair criminal trial and justice, timely and due punishment of the criminals, for the preventions of potential and recidivist crimes, and the maintenance of the appropriate public law and order.

К е у в о р д s: justice in Russia, swift criminal justice, timely criminal punishment of the criminals, prevention of potential and recidivist crimes, appropriate public law and order.

Поступила в редакцию 5 августа 2018 г.

Не скоро совершается суд над худыми делами,
от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Библия. Ветхий Завет. Екклесиаст, 8:11

Для того чтобы предельно ясно и наглядно представить себе, насколько своевременное наказание важно для предотвращения повторных нарушений со стороны уже провинившегося лица, достаточно того, чтобы сравнить благотворное действие на это лицо одного и того же наказания, примененного к нему вовремя или с некоторой задержкой после совершения им запретного поступка¹. Представим, что какой-то упрямый ребенок или подросток, вопреки многочисленным предупреждениям своих родителей до наступления темноты вовремя приходит домой, все-таки явился домой поздно ночью и тем более в пьяном состоянии. Как

¹ См.: Осипян Б. А. Духовно-нравственный и правовой смысл понятия наказания // Юридическая мысль. 2017. № 1. С. 60–74.

бы он отреагировал на угрозы своих родителей, что будет наказан за этот проступок через месяц или через год? Наверное, он не понял бы своих родителей и, более того, подумал, что они просто подшучивают над ним вместо немедленного и неотложного наказания за его дерзкое и опасное ослушание. Картина была бы еще ужаснее, если родители наказали бы его за этот проступок через месяц или через год, т. е. тогда, когда он уже, возможно, полностью забыл о происшедшем или уже успел исправиться, ни разу не повторив ничего подобного.

Нечто подобное происходит и со взрослыми правонарушителями и преступниками, когда вместо скорого суда над ними и неотложного уголовного их наказания следствие и суд тянутся многие месяцы и даже годы, а они остаются без окончательного судебного приговора и соответствующего уголовного наказания² за совершенное ими противоправное и общественно опасное деяние – преступление³. Такое ничем не оправданное отлагательное уголовное правосудие и наказание на деле кажутся не совсем серьезными или даже смешными для преступников, а запоздалое применение такого долгожданного наказания имеет уже не то целесообразное и благотворное воздействие на осужденных лиц для их последующего предотвращения от совершения подобных или иных более тяжких преступлений. Посему суд человеческий должен быть неотложным, скорым и своевременным, как и исправление вывихнутой ноги, которое со временем становится все труднее⁴.

Большинство правомерных и целесообразных средств и процессов правомерной борьбы с преступлениями облакаются в законодательно определенные формы, которые в основном предусмотрены положениями действующего уголовно-процессуального законодательства, т. е. УПК РФ, который упорядочивает правосудную деятельность российских органов дознания, следствия, прокуратуры и судов. Однако настоящее и реально действующее уголовное правосудие должно быть не только фактически обоснованным и законным, но и достаточно скорым, безотлагательным, не волокитным и не затяжным. В противном случае процессы законного привлечения виновных в совершении преступлений лиц к уголовно-правовой ответственности и наказанию не могут иметь положительного исправительно-воспитательного воздействия на правонарушителей и преступников, а следовательно, такое волокитное уголовное судопроизводство не может способствовать правомерной цели сокращения числа совершаемых подобных и иных преступлений, особенно преступлений против самого правосудия⁵. Наоборот, своевременно, обоснованно и законно вынося приговор и назначая соразмерно вине и тяжести деяния преступника уголовное наказание, скорый и справедливый суд тем самым ведет правомерную и целесообразную борьбу с преступлениями и поддерживает надлежащий социальный правопорядок⁶.

² См.: *Осипян Б. А.* Юридическое определение понятия уголовного наказания // Юридический вестник ДГУ. 2017. № 1. С. 113–123.

³ См.: *Осипян Б. А.* Соотношение понятий правонарушения и преступления // Гражданин и право. 2016. № 11. С. 28–41; *Его же.* Понятие, признаки и элементы состава преступления // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 2. С. 110–120; *Его же.* Взаимосвязь понятий греха, правонарушения и преступления // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 7–15.

⁴ См.: *Осипян Б. А.* Бессмысленность, неправомерность и нецелесообразность пожизненного лишения свободы человека как вида уголовного наказания // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 16–22.

⁵ См.: *Осипян Б. А.* О необходимых мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии // Адвокат. 2009. № 1. С. 76–80.

⁶ См.: *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 75.

В этом контексте примечательно то, что, к сожалению, в уже недействующей ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. целью деятельности российских органов правоохранения и правосудия явилось «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Представляется, что такое правомерное и целесообразное для борьбы с преступлениями положение закона должно быть дополнительно введено в действующий УПК РФ, так как без такого законодательного целеполагания безотлагательности и быстроты производимого дознания, предварительного и судебного следствия уголовное правосудие не будет способствовать заметному сокращению уровня совершаемых преступлений.

Здесь уместно было бы также напомнить, что цель своевременного, безотлагательного, воспитательно-исправительного и превентивного уголовного судопроизводства должна стать одной из наиболее главных и важных целей российского уголовного процесса и правосудия⁷. Отмечая нравственно-правовое содержание понятия справедливости, закрепленного в преамбуле Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ, известный российский процессуалист А. М. Яковлев оценил смысл надлежащего и скорого уголовного правосудия следующим образом: «Без принуждения уголовное правосудие было бы бессильным, без воспитания – бесчеловечным. Однако без справедливости правосудие вообще бы перестало существовать»⁸.

Процесс свершения уголовного правосудия имеет своей конечной целью предупреждение и борьбу с преступностью, а также поддержание стабильного социального правопорядка. Этот процесс законодательно предусмотрен для безотлагательного и своевременного раскрытия фактов совершенных преступлений, изобличения реально виновных лиц на основании правомерного собирания, проверки и надлежащей оценки достаточных доказательств, на которых должно строиться законное обвинение, осуждение и должное наказание преступников⁹.

По справедливому мнению И. Л. Петрухина, «состояние правоохранительной деятельности... оказывает существенное влияние на уровень и динамику преступности»¹⁰. Примерно такой же позиции придерживается А. Д. Бойков: «...Процессуальное право может способствовать либо препятствовать борьбе с преступностью, следовательно, влиять на состояние преступности и уровень защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств»¹¹. Следовательно, без сознания возможности свершения истинного уголовного правосудия в России у российского народа не может быть постоянной уверенности в успешности и пер-

⁷ См.: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 73.

⁸ Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 20.

⁹ См.: Осипян Б. А. Роль правосознания и доброй совести российских судей при выявлении истинной и полной картины рассматриваемых уголовных дел и вынесении правомерных и целесообразных решений и приговоров // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 254–263; *Его же*. Правомерные критерии законодательного определения и судебного назначения разных видов и размеров уголовных наказаний // Гражданин и право. 2017. № 10. С. 65–77.

¹⁰ Петрухин И. Л. Правосудие и преступность // Проблемы государства и права на современном этапе. М., 1974. Вып. 8. С. 153. См. также: Прошляков Н. Д. Взаимосвязь морального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997.

¹¹ Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 91.

спективности борьбы с преступностью, а также достаточного основания думать о том, что быть законопослушным необходимо для повседневной личной жизни в условиях устойчивого социального правопорядка¹².

Повседневная практика российского уголовного правоохранения и правосудия, к сожалению, показывает, что она весьма далека от реализации необходимых и уже законоположенных целей профилактической борьбы с преступностью в нашей стране. Например, согласно статистическим данным ГУВД г. Москвы, каждый год выявляются сотни и тысячи материалов уголовных дел, которые по разным причинам были сокрыты от официальной регистрации и учета.

Не лучше обстоят дела и в оперативно-процессуальной деятельности российских дознавателей, следователей и прокуроров, особенно в момент окончания стадий дознания и предварительного расследования, которые нередко завершаются необоснованным и незаконным прекращением уголовных дел. По мнению большинства российских ученых и практикующих юристов, такая порочная практика халатного или преднамеренно организованного отказа от производства и свершения правосудия наносит ощутимый вред процессам планомерной борьбы с преступностью в нашей стране, поскольку дает преступникам все возможности оставаться не выявленными, не привлеченными к уголовной ответственности и безнаказанными¹³.

Более того, правоохранительная практика свидетельствует о далеко не удовлетворительной компенсации потерпевшим причиненного им морального, физического или материального вреда в соответствии с целями уголовного наказания, установленными в ч. 1 ст. 2 УК РФ и ч. 2 ст. 43 УК РФ¹⁴. Удельный вес невыявленности и безнаказанности преступников достигает до 90 % и такая неправосудная безнаказанность огромной армии преступников приводит лишь к еще большему росту уровня преступности в России¹⁵. Представляется, что при такой порочной практике российских правоохранительных органов и судов нельзя серьезно говорить о правосудии в России и тем более о его исправительной и воспитательно-предупредительной роли в деле планируемого и ожидаемого сокращения числа совершаемых преступлений.

По этой же причине значительная часть вдвойне пострадавших от преступлений потерпевших и свидетелей обвинения бывают вынуждены защищать свои конституционные права и законные интересы посредством преступного самосуда или незаконной расправы со своими обидчиками нанятыми ими преступными авторитетами и бандами¹⁶. В отчаянии добиться справедливого и скорого уголовного правосудия с помощью российских правоохранительных органов и судов¹⁷,

¹² См.: *Соломон П. (младший)*. Главный вопрос для российской судебной власти – как добиться доверия общества? // Рос. юстиция. 2003. № 6. С. 4–6.

¹³ См.: Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения / Г. П. Химичева [и др.]. М., 2004. С. 4.

¹⁴ Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2010. С. 208.

¹⁵ См.: Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2010. С. 99, 103.

¹⁶ См.: Преступность в России в конце девяностых годов и борьба с ней // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 18–19.

¹⁷ Нередко потерпевшие вынуждены сами заниматься «частным сыском» (см.: *Агапов П.* Охота на убийцу за наличные). Например, после отказа милиции и прокуратуры личное расследование провели родители казненной девушки (см.: *Козлова Н.* Частный сыск вместо прокурора? Найти преступника самим пострадавшим становится нормой жизни // Рос. газета. 2002. 18 окт.).

которые халатно или по корысти и злему умыслу организуют невообразимую волокиту и очевидное «кривосудие» при регистрации и расследовании подлежащих возбуждению уголовных дел, потерпевшие от преступления лица, вынужденно идя на крайние меры, сами становятся преступниками, жертвами которых становятся оставленные без должного наказания их обидчики.

Нередко по причине преступного бездействия и безвластия российских правоохранительных органов и судов, нежелания и неумения их работников справедливо обращаться с конфликтующими сторонами и своевременно наказать преступников, недовольство потерпевших и их родственников превращается в ответное мстительно-преступное самоуправство и возмездие, порой даже в непрекращающуюся криминальную разборку, в которых посредниками становятся разного рода преступные «авторитеты» или «воры в законе». Бывают даже случаи, когда такие недовольства и споры незаметно перерастают в национальную вражду между соседствующими населенными пунктами и народами, например между чеченцами, ингушами и северными осетинами¹⁸.

Многоразличные социологические опросы подтверждают, что значительное число обиженных преступниками российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства не желает обращаться в правоохранительные органы и суды по причине преступного бездействия, лени, корысти, трусости и продажности самих правоохранителей и судей, а также чрезмерно высокой материально-финансовой затратности и временной волокиты производимых ими следственных и судебных процессов¹⁹.

Причинами подобных чрезмерно затяжных дознавательных, предварительных и судебных процессов являются преступно халатное отношение работников правоохранительных органов и судей к своим прямым служебным и должностным обязанностям, их умышленное намерение за определенную мзду или взятку, полученную от более криминально организованной и заинтересованной стороны, скрыть факты сообщенных им преступлений²⁰, а также укоренившееся в них чувство полной безнаказанности за совершенные ими уголовно-процессуальные правонарушения и преступления, которые предусмотрены в положениях главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия»²¹.

В атмосфере ежедневно проявляющегося безвластия и бесстыдного кривосудия, удручающей волокиты и привычной продажности российских правоохранителей и судей в нашей стране нередко совершаются акты вандализма и жестокого самосуда, которые многим потерпевшим от преступлений гражданам кажутся более быстрыми и экономически оправданными мерами борьбы с преступниками, чем долговременные инсценировки видимого правосудия, которые чаще лишают их добиваться получения справедливой компенсации за причиненный им преступлениями моральный, физический и материальный ущерб. Многие ранее законопослушные граждане, которые полностью потеряли доверие к представителям правоохранительных органов и судьям, а сами не желают или не способны добиваться своевременного свершения правосудия, считают целесообразным об-

¹⁸ См.: Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // *Общественные науки и современность*. М., 1992. С. 32.

¹⁹ См.: Соломон П. (младший). Главный вопрос для российской судебной власти – как добиться доверия общества? // *Рос. юстиция*. 2003. № 6. С. 5.

²⁰ См.: Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // *Законность*. 1998. № 10. С. 38–40.

²¹ См. также: Лобанова Д. В. Преступления против правосудия. Волгоград, 1999.

ращаться к так называемым «ворам в законе» или «преступным авторитетам», которые несравненно более «оперативно» и «справедливо» решают их личные проблемы за определенную таксу.

По статистическим данным, лишь меньше половины российских граждан имеют некоторое доверие к российским дознавателям, следователям, прокурорам и судьям. Большая их часть предпочитает обращаться к известным и оставляемым на свободе криминальным авторитетам, которые готовы работать за меньшую плату, чем требуемая самими сотрудниками правоохранительных органов дополнительная плата²². Надлежащая оперативность и удовлетворительная результативность негосударственного «судебного» разбирательства различных правонарушений и преступлений самими российскими криминальными авторитетами, производящими «теневое правосудие», можно объяснить тем, что предполагаемых преступников они сначала строго-настроено предупреждают об ожидающих его «тяготах и лишениях». Если такое предупреждение не дает ожидаемого в срок результата, то они затем применяют против них меры принуждения и насилия, а при полном отказе от своевременного признания себя виновным и возмещения причиненного преступлением ущерба потерпевшему «теневые судьи» просто физически расправляются или убивают неразумных и жадных преступников, которые по известным причинам также воздерживаются от обращения в правоохранительные органы²³.

До последнего времени серьезных и действенных гарантий в области реализации личной безопасности и процессуальных прав участников уголовного судопроизводства в нашей стране не было. После принятия Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»²⁴ появились маленькие надежды на улучшение состояния уголовного правосудия в России, хотя в указанном законе имеются много пробелов и отсылочных на подзаконные акты норм, которые до конца не разработаны или имеют незначительное практическое действие. Фактическая незащитность лиц, которые своими показаниями желают и способны оказать посильное содействие уголовному судопроизводству, от противоправных посягательств со стороны всякого рода противоправно настроенных лиц и тем более организованных криминальных структур, привела к естественным процессам массового уклонения свидетелей преступления и самих потерпевших от исполнения своего гражданского долга, а следовательно, и к отказу от благовременного совершения уголовного правосудия в России²⁵.

Именно по вине большого числа российских правоохранителей и судей, которые уже привыкли своим преступным бездействием или противозаконными действиями прикрывать очевидных преступников, российские граждане, потерпевшие от разного рода преступлений, а также их родные, близкие и друзья совершают различные преступления, в том числе и преступления против уголовного правосудия.

²² См.: Скобликов П. А. Имущественные споры и криминал в современной России. М., 2001. С. 24, 318.

²³ См.: Там же. С. 319.

²⁴ Рос. газета. 2004. 25 авг. См. также: Курбанов М. И. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001.

²⁵ См.: Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С. 48–50.

Оставленное без должного привлечения к уголовно-правовой ответственности и наказания преступное бездействие работников российских правоохранительных органов и судей может также стать причиной недоверчивого отношения российских граждан к Российскому государству и правосудию в целом.

Множество преступлений остаются нераскрытыми, а преступники – безнаказанными из-за незаконно достигнутых различных компромиссов между преступниками, их жертвами и правоохранительными органами. По мнению некоторых известных отечественных правоведов, компромиссы жертвы преступления с преступником, преступника – с обществом и государством не только возможны, но есть и будут²⁶. Нередко потерпевшие идут на примирение со своими переступившими уголовный закон обидчиками по причине чистосердечного и деятельного раскаяния последних. Что же касается компромиссов правоохранительных органов государства с преступниками, то обычно такие компромиссы имеют целью возможное сотрудничество этих, казалось бы, принципиально непримиримых сторон для раскрытия преступления и выявления всех его соучастников. Всякие иные противозаконные и подпольные компромиссы между преступниками, потерпевшими и правоохранительными органами государства являются безнравственными и способствующими повышению роста уровня преступности в стране, так как они, по сути, позволяют преступникам оставаться безнаказанными и быть более уверенными в совершении других преступлений.

Другие авторы ошибочно считают, что компромиссы по своей цели обычно выгодны как преступникам, так и их жертвам. Они даже необдуманно предлагают устанавливать в действующем российском законодательстве нормы, которые гарантируют преступнику «освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе и обеспечивающих реализацию основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью, ...для склонения виновных к саморазоблачению и сотрудничеству с правоохранительными органами, выявления латентных преступлений, повышения раскрываемости зарегистрированных преступлений, экономии репрессии, сил и средств правоохранительных органов и т. п.»²⁷

Представляется, что в решении подобных проблем они просто не учитывают то, что цели подобных сделок правоохранительных органов государства с преступниками никогда не могут принципиально и стратегически совпадать, поскольку преступники грубо нарушают закон и правопорядок, а правоохранительные органы государства правомочны только исполнять требования этого закона и поддерживать правопорядок – и ничего более. Плохая работа правоохранителей не может стать достаточным и законным основанием для произвольного перекармливания на преступников своей должностной обязанности выявлять и разоблачать преступников, а также не оставлять их безнаказанными за какие-либо оказанные ими ожидаемые услуги правоохранительным органам.

Нам представляется совершенно противоправным и нецелесообразным для борьбы с преступностью то состояние, когда представители правоохранительных органов государства инициативно сотрудничают с закоренелыми преступниками для тех или иных тактических целей²⁸, а законопослушные российские граждане

²⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 224–225.

²⁷ Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 65 ; *Его же*. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 7.

²⁸ См.: Осипян Б. А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 16–22.

боятся и ненавидят их и небезосновательно считают опасным иметь дело с ними. Преступники в любом случае должны получать «по своим заслугам» в соответствии с действующими законами, а не превращать закон в бездействующую букву по причине преступного бездействия или активного сотрудничества с преступниками самих представителей правоохранительных органов государства. Иначе мы и впредь будем иметь то позорное состояние в нашем обществе, когда потерпевшие от преступлений законодательно будут оставлены наедине с самими собой, а за преступников корыстолобиво официально будут заступаться не только адвокаты-защитники, но и сами трусливые и продажные дознаватели, следователи, прокуроры и судьи, когда им это заблагорассудится²⁹.

Для того чтобы понять абсурдность всякого рода не предусмотренных законом компромиссов российских правоохранителей и преступников, достаточно лишь вспомнить о самой главной задаче российского уголовного судопроизводства, которая закреплена в ч. 1 ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» – «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». Так что всякий незаконный сговор российских правоохранителей и преступников для бездеятельного или противозаконного решения проблемы раскрываемости преступлений представляется безнравственным, неправомерным, антиобщественным и деструктивным в правосознании не только ученых-правоведов, но и простых законопослушных российских граждан. Следовательно, такую порочную и общественно опасную практику тактического или стратегического тайного сотрудничества ленивых, корыстных, но по-своему шустрых и опытных российских горе-правоохранителей с преступниками, особенно с лидерами и известными представителями преступного сообщества, необходимо прекращать для восстановления утраченного доверия общества к государству в целом³⁰.

В процессе такого неправомерного негласного сотрудничества двух, казалось бы, непримиримых сторон – представителей правоохранительных органов государства и преступников – нередко применяются поощрения ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», которая гласит: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». В связи с этим представляется, что содержание ст. 75 УК РФ должно быть существенно уточнено, поскольку совершившее любое преступление лицо, как разумное и вменяемое, по закону всегда должно быть привлечено дознанием, следствием и судом к той законодательно установленной норме уголовно-правовой ответственности, которую он нарушил своим преступным злодеянием. Более того, душевное состояние раскаяния должно устанавливаться духовными лицами, священниками и психологами, но не дознавателями, следователями, прокурорами или судьями, которые,

²⁹ См. подробнее: *Ибрагимов И. М.* Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2008.

³⁰ См.: Меры привлечения к сотрудничеству с органами правосудия лиц, участвующих или участвовавших в преступных группировках // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. М., 2000.

как правило, не имеют достаточного духовного, правового и психологического образования и опыта³¹.

Иные внесудебные прощения и амнистии безбожными, недобросовестными и необразованными дознавателями, следователями, прокурорами и судьями являются не чем иным, как неправомерным и неразумным «отпущением грехов» преступникам, противоправным злоупотреблением своим служебным положением, если такое произвольное освобождение преступников от уголовно-правовой ответственности не является своекорыстным и преступным сговором их с самими преступниками, которые в подобных случаях иногда оказываются гораздо хитрее и расчетливее самих правоохранителей. Итак, для восстановления утраченного доверия российских граждан к своим правоохранителям и усиления борьбы с преступниками необходимо более вразумительно и правомерно отредактировать ст. 75 УК РФ.

В плане усиленной борьбы с преступностью нуждаются также в существенном изменении и другие положения действующего российского законодательства. В данном случае речь идет о содержании ст. 314 УПК РФ «Основания применения особого порядка принятия судебного решения», которая устанавливает, что обвиняемый при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего вправе заявить о своем согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства по делам о преступлениях, за совершение которых закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Представляется, что надлежащее уголовное судопроизводство как информационно-предупредительный, воспитательный и исправительный процесс³² виновного в совершении преступления лица должно производиться в любом случае. Свершение правосудия не может быть произвольно превращено в предмет «сделки» или «торга» потерпевшего, обвинителя и преступника. Правосудие может быть только надлежащим и скорым, а не подлежащим какой-либо неправомерной, нецелесообразной и сомнительной сделке, которая тормозит правосудие.

В этом контексте любая бездумно и слепо заимствованная у западных государств «сделка с правосудием» («plea bargaining») не может быть сочтена правомерной и официально узаконена государством как беспринципное потакание преступникам³³. На основании этого предлагаем исключить из действующего УПК РФ ст. 314 и прочие «торгашеские» положения, которые неправомерно и нецелесообразно превращают уголовное правосудие в негласный переговорный процесс с разного рода преступниками, а также создают массу возможностей для взаимовыгодного «базара» правоохранителей с преступниками. Напомним, что неправомерность и дисфункциональность института «сделки с правосудием» в западных странах подтверждается мнением ведущих зарубежных и отечественных правоведов, которые уверены в том, что такое средство не соотнобразуется с правомерной целью борьбы с причинами и условиями совершения преступлений³⁴. Дело в том,

³¹ См.: Осипян Б. А. Причины неправомерных действий и поступков : духовные, научные и практические аспекты // Рос. юрид. журнал. 2009. № 4. С. 71–78.

³² См.: Саркисова Э. А. Воспитательная роль условного осуждения. Минск, 1971.

³³ См.: Осипян Б. А. О необходимых мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии // Адвокат. 2009. № 1. С. 76–80.

³⁴ См.: Уайнреб Л. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985 ; Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. М., 2001. С. 157. См. также: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. С. 232.

что при таком неправомерном и усугубляющем состоянии преступности «торге» преступников с правосудием победу, несомненно, одержат нравственно более развязные и материально состоятельные преступники³⁵.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» «оперативно-розыскная деятельность является видом деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». На практике же в процессе этой деятельности оперативные работники правоохранительных органов государства нередко вопреки требованиям действующего уголовного законодательства произвольно отказываются от возбуждения или прекращают уголовные дела в отношении разнородных преступников «в обмен» на взаимовыгодное их согласие сотрудничать с представителями правоохранительных органов³⁶.

В свое время по этому поводу В. Н. Кудрявцев справедливо предупредил: «Использование преступников – реальных и бывших – для содействия правоохранительным органам порождает негативные моральные издержки для каждой из сторон. Милиция привыкает нарушать законы, фальсифицировать статистику, вербовать неустойчивых «осведомителей». Последние же, будучи вовлечены в «двойную игру», не только рискуют, что с ними расправятся «подельники», но и сами становятся двуличными, что не может сказаться отрицательным образом на их психике»³⁷. На деле получается так, что вместо того чтобы исправлять отступивших от закона людей, правоохранительные органы их морально и психологически портят, и вместо непримиримой стратегической борьбы с преступностью они для облегчения решения тактических задач своей повседневной деятельности сами способствуют преступникам в их нравственно-социальном падении и порождают новые преступления.

«Кроме сотрудничества правоохранительных органов со своими осведомителями, – писал В. Н. Кудрявцев, – из числа преступников практикуются и эпизодические контакты – компромиссы, сделки с «ворами в законе», «авторитетами» и другими лицами из преступного мира. ...В одной из ленинградских гостиниц, где разместили приехавшую из Англии парламентскую делегацию, у ее главы герцога Веллингтонского украли чемодан. Сыщики знали воров, промышлявших в гостиницах, и обратились к ним с просьбой помочь вернуть похищенное. Обещали не задерживать вора и простить кое-какие другие «делишки». Соглашение сработало, и через час чемодан был возвращен»³⁸. Но правосудие ли это?

Из приведенного эпизода становится ясно то, что работники правоохранительных органов сами покровительствуют представителям организованной преступности, ибо знают их, но вместо борьбы с ними, «просят» их о скорой и надежной помощи для сохранения кажущегося, а не надлежащего общественного правопо-

³⁵ См.: Долгова В. И. Реагирование на преступность : система и основные подходы. М., 2002. С. 6.

³⁶ См.: *Зажичкий В. И.* Связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса // Государство и право. 1995. № 6. С. 57–67.

³⁷ *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. С. 229.

³⁸ Там же. С. 230.

рядка³⁹. Получается нечто более чем забавное: возвращение чемодана английского герцога, как чего-то материального, или лицемерное прикрытие истинного лица правоохранительной и судебной системы государства, в котором воры промышляют под контролем или даже, возможно, вместе с самими правоохранителями – большая правоохраняемая ценность для правоохранительных органов государства, чем духовно-нравственное, идеологическое и оперативно-розыскное предупреждение и пресечение преступной деятельности знакомых правоохранителям «воров, промышлявших в гостиницах». Так велась и, к сожалению, поныне ведется общегосударственная «борьба» с так называемой организованной преступностью как в «советской», так и нынешней России.

По наблюдениям академика В. Н. Кудрявцева, неправомерные «правоохранительные» «соглашения с «авторитетами» действовали и действуют и в сфере контроля за уличной профессиональной преступностью: «авторитетов» милиция не трогает при условии, что те задерживают неорганизованную преступность в районе, квартале, городе, пресекают, а иногда и выдают «заупрямившихся» в руки правосудия. Кроме того, «воры в законе» и «авторитеты» выступают в роли посредников в конфликтах между дельцами, когда власть суда, милиции и прокуратуры бессильна. По свидетельству А. Н. Олейника, в конце 70-х гг. XX в. на воровской сходке в г. Кисловодске была даже установлена единая ставка за такое посредничество: десять процентов чистой прибыли конфликтующих сторон, а к 1980-м гг. ставка возросла более чем вдвое⁴⁰.

Что же можно понять из изложенного выше факта: что преступники имеют большую власть, более организованнее и сильнее правоохранительных органов государства, или правоохранительные органы не желают и не способны работать так, как этого требует действующее российское законодательство? Тогда зачем платить им за их «государственную службу» зарплату из государственного бюджета, т. е. из кармана законопослушных граждан, если напрямую можно платить более матерым преступникам, чтобы они разобрались между собой. Впрочем, именно поэтому рассудительные и опытные люди, зная обо всем этом не понаслышке, чаще всего так и поступают, более доверяя «добросовестности» и принципиальности серьезных преступников, чем надлежащему исполнению своих должностных обязанностей крупных и мелких представителей правоохранительных органов государства⁴¹.

Здесь может возникнуть также вопрос: способны ли работники правоохранительных органов государства договориться с преступниками «без ущерба для совести и закона». Некоторые авторы считают, что не только возможно, но и нужно это делать, и приводят пример, когда при негласной сделке российских правоохранителей с преступным миром «в одном пригородном поселке воры ввели порядок на улицах, и там прекратилось хулиганство, пьяные драки, уличные грабежи»⁴². Однако спрашивается, не гораздо ли целесообразнее в таком случае переодеть

³⁹ См.: Осипян Б. А. Правосознание человека, правоотношения и общественный правопорядок // Научная мысль. 2016. № 2. С. 108–124; *Его же*. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24–32.

⁴⁰ См.: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 230.

⁴¹ См.: Осипян Б. А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 16–22.

⁴² Гуров В. И. Преступность сильна, но не всеильна // Милиция. 2001. № 67. С. 29.

этих воров в форму правоохранителей, платить им хорошую зарплату из государственного бюджета за ту работу, которая не по душе или не плечу официальным правоохранительным органам государства? Ведь так было бы гораздо определеннее, кто из воюющих сторон (правоохранителей и преступников) на какой линии фронта находится, как он работает и за что получает деньги за свою преступную или правоохранительную деятельность.

С горечью говоря о размытости «линии фронта» между российскими преступниками и правоохранителями, В. Н. Кудрявцев отмечает: «Коррупция распространена в системе правоохранительных органов ничуть не меньше, чем в других государственных системах. ...Речь идет о сделках не столько с правосудием как государственным институтом, сколько с его сотрудниками – работниками органов дознания, следствия, прокуратуры, суда, а также близких к ним налоговых, таможенных и иных учреждений. Эти незаконные сделки в большинстве случаев направлены на выгодное просителю решение по гражданскому делу, на прекращение (отказ в возбуждении) уголовного дела, вынесение виновному лицу оправдательного приговора и т. п. за взятку. Количество таких дел в полной мере неизвестно, но, судя по последним данным, их немало. Подкуп следователей, прокуроров, судей не только достаточно распространен, но и считается среди преступников наиболее надежным средством решить дело в свою пользу и избежать правовой ответственности»⁴³.

Выходит, что правоохранительная система Российского государства находится на службе у ловких, материально состоятельных и хорошо организованных преступников в большей мере, чем на службе у государства и тех людей, которые законопослушно платят налоги, ведут себя добропорядочно, но не имеют достаточно денег и организационно технических возможностей получать своевременную и надлежащую помощь от государства, или защитить самих себя как от причинивших им ущерб преступников, так и от чванливых и корыстолюбивых государственных правоохранителей. Разумеется, здесь имеются в виду десятки или даже сотни тысяч простых российских граждан, которые потерпели моральный, физический и материальный вред от совершенных против них разнообразных преступлений, а также о беспомощном состоянии неисчислимой армии потерпевших, фактически оставленных наедине с собой и под гнетом многообразных преступников, которые «добровольно» и взаимовыгодно сотрудничают с правоохранительными органами государства⁴⁴.

Следует отметить, что во многих развитых государствах наряду с государственными оперативно-розыскными органами на законных основаниях альтернативно действуют также частные детективы или сыскные агентства. К примеру, в США работников таких сыскных агентств примерно в два раза больше, чем государственных правоохранителей. При таком раскладе правоохранительной деятельности североамериканскому государству удается ежегодно сэкономить десятки миллиардов долларов, а также существенно разгрузить и без того трудоемкую деятельность полицейских и следственных работников от рассмотрения огромного множества иных дел, которые могут иметь уголовно-правовой характер⁴⁵. В

⁴³ Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. С. 233.

⁴⁴ См.: Осипян Б. А. О необходимых мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии // Адвокат. 2009. № 1. С. 76–80.

⁴⁵ См.: Норов В. Частная сыскная служба // Милиция. 1992. № 9. См. также: Карпец И. И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.

современной России частных детективов и сыскных агентств, к сожалению, не так уж много, хотя некоторые из российских граждан и особенно иностранцев имеют несравненно большее доверие к частным сыщикам, чем к официальным представителям правоохранительных органов государства, которые вхолостую отработывают немалые деньги из государственного, или общенародного бюджета⁴⁶.

Для успешной борьбы с ювенальной преступностью и сокращением числа преступников-подростков российские правоохранительные органы и суды обязаны учитывать юный возраст самих преступников. В России, к сожалению, суды по делам несовершеннолетних еще не учреждены, несмотря на то что вопросы о необходимости их учреждения обсуждаются давно. В этом свете представляется, что соответствующая концепция и законопроект о создании и деятельности судов по делам несовершеннолетних должны быть приняты российским законодателем в ближайшей перспективе. Во многих государствах Европы и США такие суды действуют при обязательном участии священников, психологов, педагогов и потерпевших для реализации соответствующих примирительно-восстановительных процедур⁴⁷.

Вместо судов по делам несовершеннолетних в России на основании ст. 425 и 426 УПК РФ при рассмотрении уголовных дел несовершеннолетних преступников предусматривается обязательное участие в судопроизводстве профессиональных педагогов или психологов, законных представителей несовершеннолетних и социальных работников, которые хорошо знакомы с условиями воспитания и жизни провинившихся несовершеннолетних правонарушителей. В итоге получается, что, по данным судебной статистики, в России более 60 % несовершеннолетних осужденных остаются недовольными ненадлежащим рассмотрением их уголовных дел и полным равнодушием суда к их дальнейшей судьбе⁴⁸. В связи с этим некоторые известные отечественные правоведы предлагают законодательно ввести в действующий УПК РФ институты примирения несовершеннолетних преступников с потерпевшими, в частности по делам частного обвинения, и предлагают внесение дополнений в ст. 20 и 25 УПК РФ⁴⁹. Предлагаемые законодательные поправки были бы весьма полезны для воспитательных целей несовершеннолетних правонарушителей и для существенного снижения уровня подростковой преступности.

Для повышения роли уголовного правосудия в деле борьбы с преступностью необходимо усилить наказания в отношении нерадивых или вставших на путь совершения должностных преступлений российских правоохранителей и судей. По данным судебной статистики, за совершение некоторых преступлений против правосудия (самовольный отказ от регистрации сообщенных преступлений, необоснованный отказ от возбуждения уголовного дела, подлог материалов и доказательств⁵⁰, произвольное и необоснованное приостановление или прекращение уголовного дела,

⁴⁶ См.: Осипян Б. А. Социально-экономическая роль правомерного государства // Законодательство и экономика. 2012. № 4. С. 29–37.

⁴⁷ См.: Мельникова Э. Б., Карнозова Л. М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. М., 2002. См. также: La Fave W. Modern Criminal Law : Cases, Comments and Questions. St. Paul (Minn.), 1978 ; Levine I. P. Criminal Justice in America : Law in Action. New York, 1986 ; Hugerford-Welch P. Criminal Litigation and Sentencing. London-Sidney, 1998.

⁴⁸ См.: Хисматуллин Р. С. Вопросы повышения воспитательного воздействия судебного процесса по делам несовершеннолетних // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Уфа, 2003. С. 136.

⁴⁹ См.: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 240.

⁵⁰ См.: Осипян Б. А. Понятие, цели, возможные виды и процессы доказательства истинных обстоятельств уголовного дела // Гражданин и право. 2018. № 7. С. 28–36.

вынесение заведомо неправосудных приговоров, решений или иных судебных актов (ст. 305 УК РФ), взяточничества, превышение служебными полномочиями, злоупотребление властью и т. д.) в России привлекаются к уголовной ответственности, осуждаются тысячи дознавателей, следователей, прокуроров и судей⁵¹.

Однако, на самом деле, количество совершаемых преступлений самими представителями российских правоохранительных органов несравненно больше официальных показателей, так как преступления против правосудия часто скрываются, не регистрируются, уголовные дела против дознавателей, следователей, прокуроров и судей не возбуждаются, а виновные «оборотни в мундирах и погонах» остаются безнаказанными и вольными продолжать свои позорящие государство организованные должностные преступления—измены против правосудия, государственного порядка и безопасности собственных граждан. Нередко работники правоохранительных органов незаконно оказывают давление на самих участников уголовного судопроизводства⁵², в частности на адвокатов⁵³. Согласно ст. 3 Судебника 1550 г. если незаконный приговор выносился судьей по причине получения им взятки или иного подношения, то недобросовестный «заблудившийся» судья привлекался к уголовной или материальной ответственности⁵⁴.

Как представляется, основными причинами совершения представителями российских правоохранительных органов преступлений являются их духовно-нравственная запущенность, недобросовестность, лень, дисциплинарная распущенность и безответственность, отсутствие хорошего юридического образования, профессиональная непригодность или неопытность, нежелание тратить силы за низкую зарплату, корыстолюбие, стремление к легкой карьере по служебной лестнице, давление на них непосредственного начальства, высоких государственных чинов и покровителей, убедительные «просьбы» и предупреждения мстительных авторитетов преступного мира, а также прямые угрозы со стороны влиятельных участников уголовного судопроизводства: обвиняемых, подсудимых, потерпевших и иных заинтересованных в противоправном исходе лиц, расследуемых уголовные дела.

Действенными мерами по существенному сокращению роста преступлений российских правоохранителей и судей могут стать: целесообразный и тщательный подбор кадров в правоохранительные органы, их духовно-нравственное просвещение и образование, принятие мер по постоянному повышению ими своей юридической и профессиональной подготовки, строгий контроль над их деятельностью, законодательные и практические гарантии неотвратимости привлечения их к дисциплинарной или уголовно-правовой ответственности и наказания за допущенные ими должностные правонарушения⁵⁵ (равнодушие, волокита, гру-

⁵¹ См.: Криминология : учебник. М., 2010. С. 610–611.

⁵² См.: Курбанов М. И. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001. С. 16 ; Ибрагимов И. М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2008.

⁵³ См.: Лобанова Д. В. Преступления против правосудия. Волгоград, 1999. С. 20 ; Зеленский В. С., Курский Н. В. Обеспечение безопасности субъектов уголовного процесса. Харьков, 2000.

⁵⁴ См.: Российское законодательство X–XX в. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1997. Т. 2. С. 68, 131, 132. См. также: Осипян Б. А. Судебник 1550 года, «Домострой» и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление святорусского правосознания // История государства и права. 2012. № 17. С. 13–20.

⁵⁵ См.: Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Красноярск, 2000 ; Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. Тюмень, 1996 ; Ря-

бость к потерпевшим, свидетелям, обвиняемым и подсудимым) и преступления (получение взятки, фальсификация свидетельских показаний и вещественных доказательств, вынесение явно необоснованных постановлений и приговоров). Такие меры способны не только заметно сократить количество совершаемых этими «горе-правоохранителями»⁵⁶ и судьями преступлений, но и восстановить надлежащее доверие к российским правоохранительным органам и судам, уважение и желание по их примеру самим не совершать разного рода правонарушения и преступления⁵⁷.

боконь В. В. Следственные ошибки и пути их устранения. М., 1997 ; Ширванов А. А. Нарушения уголовно-процессуального закона РФ. Тула, 2003.

⁵⁶ См.: Герасимов С. И. «Прокуроров уволить, милиционеров посадить» // Рос. газета. 2005. 5 июля.

⁵⁷ См.: Осипян Б. А. Обзор основных теоретических, законодательных и организационных проблем уголовного и пенитенциарного права и правомерные подходы к их решению // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 14–21.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*
Осипян Б. А., кандидат юридических наук, доцент

*Institute of Legislation and Comparative Law Under Government
of the Russian Federation*

Osipian B. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: artos5@mail.ru
Tel.: 8-985-333-73-79

ПОНЯТИЕ ПРИГОВОРА: ТРЕБУЕТСЯ РЕВИЗИЯ УСТОЯВШИХСЯ КАТЕГОРИЙ

Приведен анализ различных точек зрения, встречающихся в юридической литературе, о необходимости уточнения понятия приговора в российском уголовном судопроизводстве. Аргументирована авторская позиция о необходимости включения в дефиницию приговора лишь вопросов виновности и наказания, отражающих сущность этой категории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: приговор, уголовное судопроизводство, судебный штраф, виновность.

THE CONCEPT OF CRIMINAL VERDICT: REQUIRES A REVISION OF ESTABLISHED CATEGORIES

The author in the article analyzes the different points of view, found in legal literature, about the need to clarify the concept of a sentence in Russian criminal proceedings. The article argues the author's position about the need to include in the definition of the sentence only questions of guilt and punishment, reflecting the essence of this category.

K e y w o r d s: criminal verdict, criminal proceedings, judicial penalty, guilt.

Поступила в редакцию 6 августа 2018 г.

Совершение преступления порождает уголовно-правовой конфликт между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим. Приговор является итоговым судебным решением, завершающим судебное разбирательство. Понятие приговора и порядок его постановления регламентирован в уголовно-процессуальном законе. Между тем дефиниция понятия приговора, приведенная законодателем в п. 28 ст. 5 УПК РФ, содержит лишь основные признаки приговора, характеризующие его содержание как итогового акта правосудия по уголовному делу.

По существу, законодатель устанавливает, что вопросы виновности и наказания – это основные вопросы, которые должен разрешить суд. Понятие приговора ряд исследователей предлагает уточнить следующими положениями:

- 1) дополнить, что приговор – это решение, вынесенное именем государства¹;
- 2) отразить вопрос разрешения в приговоре обвинения, указав, что приговор – это акт правосудия, разрешающий предъявленное подсудимому обвинение; или решение о невиновности или виновности подсудимого в совершении деяния, по обвинению в котором он предан суду²;
- 3) включить в рассматриваемое понятие существенные моменты процедуры постановления приговора, указав, что приговор – это решение, постановленное на основе непосредственно исследованных судом в судебном разбирательстве доказательств, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом; в ре-

¹ См.: Ивенский А. И. Понятие и свойства приговоров. Классификация приговоров : учеб. пособие. Самара, 2007. С. 13–14.

² См.: Абашева Ф. А. Осуществление правосудия по уголовным делам судами первой инстанции (концептуальные основы). Ижевск, 2012. С. 217 ; Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 138–139.

зультате судебного разбирательства уголовного дела; процессуальный документ, постановленный только в совещательной комнате³;

4) указать наиболее существенные требования к приговору и его свойства, подчеркнув, к примеру, что приговор – это наделенное законной силой окончательное судебное решение⁴.

Анализируя изложенные позиции, следует признать, что приведенные признаки отражают различные аспекты понятия приговора в уголовном судопроизводстве, но для включения их в норму-дефиницию в УПК РФ нет оснований. Представляется достаточным отразить лишь те признаки приговора, которые относятся ко всем его видам, отражают его сущность, не усложняя дефиницию, что дает возможность ее использования как в науке, так и на практике. В подтверждение этого уместно сослаться на результаты анкетирования судей. Большинство опрошенных в ходе исследования респондентов (65 %) расценивают положения п. 28 ст. 5 УПК РФ как не требующие дополнений, поскольку, с их точки зрения, данная норма закона достаточно полно раскрывает понятие приговора⁵. Дополнить норму указанием на то, что приговор постановляется именем Российской Федерации, было предложено 9 % опрошенных респондентов; возможность постановления приговора без назначения наказания в предусмотренных законом случаях – 17 %, указанием на то, что приговор постановляется в совещательной комнате – 7 %. Причем некоторые респонденты дополнительно указывали на то, что необходимо включить в понятие приговора лишь основной вопрос – вопрос о виновности или невиновности подсудимого. В одной из анкет обоснованно обращалось внимание на то, что все иные вопросы, разрешаемые в приговоре (наказание, разрешение гражданского иска и иные), – это последствия решения суда о виновности или невиновности подсудимого. Комментируя достаточность полноты нормативного понятия, судьи подчеркивали, что иные характеристики и требования к приговору и процедуре его постановления приведены в других нормах УПК РФ.

Таким образом, в понятие приговора необходимо включить основной вопрос о виновности или невиновности подсудимого, потому что значение приговора как акта правосудия, в первую очередь, связано с разрешением главного вопроса уголовного судопроизводства: виновности (невиновности) подсудимого в предъявленном ему обвинении. Относительно необходимости указания на то, что в понятии приговора следует отражать вопросы наказания, освобождения от наказания, оправдания лица, рассмотрения иных вопросов, подлежащих разрешению одновременно с вопросом виновности, мнения процессуалистов расходятся. Так, по мнению И. Д. Перлова, в понятие приговора входят три взаимосвязанные составные части: 1) вопросы о преступлении и виновности подсудимого в его совершении; 2) вопросы, связанные с наказанием; 3) вопросы, связанные с гражданским иском, вещественными доказательствами, процессуальными издержками и некоторые другие⁶. В. Д. Адаменко рассматривает как позитивное дополнение, появившееся впервые в УПК РСФСР 1960 г., указание в понятии приговора на разрешение вопросов наказания (ненаказания) лица, в отношении которого

³ См.: Загорский Г. И. Постановление приговора : проблемы теории и практики : учеб.-практ. пособие. М., 2015. С. 11.

⁴ См.: Головинская И. В., Остапенко И. А. Судебный приговор. Владимир, 2008. С. 27.

⁵ Данные по результатам исследования автора при опросе 425 судей 7 субъектов РФ, проведенном в 2010–2017 гг.

⁶ См.: Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 13.

рассмотрен вопрос виновности (невиновности)⁷. Е. Г. Мартынчик полагал важным подчеркнуть, что приговор – это вынесенное от имени государства решение суда первой инстанции, принятое в результате судебного разбирательства по всем вопросам уголовного дела, в том числе о виновности подсудимого и его наказании или освобождении от наказания либо о невиновности и оправдании подсудимого, и по связанным с этими вопросами⁸.

Наряду с главным вопросом о виновности, суд в приговоре одновременно разрешает вопросы формы реализации уголовной ответственности, в частности наказания, и иные вопросы. Перечисление всех вопросов, которые разрешаются судом, излишне усложнит дефиницию приговора. В поддержку приведенной позиции уместно привести мнение процессуалистов, в разное время пришедших к аналогичному выводу. «Основной вопрос, который должен быть поставлен и разрешен судом, есть вопрос о виновности подсудимого в деянии, по обвинению в котором он предан суду», – подчеркивал в начале XX в. Н. Н. Розин⁹. В свое время, рассматривая предложения о расширении понятия приговора, путем включения в него многих других вопросов, Г. Н. Агеева справедливо отмечала, что «эти вопросы решаются в приговоре постольку, поскольку они связаны с вопросом о виновности»¹⁰. А. П. Гуськова обоснованно пришла к выводу, что вопрос о виновности – главный, а вопрос назначения наказания – производный от него¹¹.

Ю. М. Грошевой, в свою очередь, верно акцентировал внимание на суть приговора как акта правосудия, в котором «суд от имени государства разрешает основной вопрос каждого уголовного дела – о наличии или отсутствии события преступления, о виновности или невиновности подсудимого, приговор выражает убеждение судей в правильности принятых ими решений»¹². Реализовать назначение уголовного судопроизводства возможно лишь посредством установления лиц, виновных в совершении преступления. В связи с этим вопрос виновности лица в инкриминируемом ему преступлении как основание уголовной ответственности выступает в качестве главного¹³ (основного¹⁴), центрального¹⁵, подлежащего рассмотрению и разрешению.

В юридической литературе встречаются высказывания о том, что при назначении судебного штрафа на основании ст. 76.2 УК РФ в порядке, предусмотренном

⁷ См.: *Адаменко В. Д.* Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000. С. 3

⁸ См.: *Мартынчик Е. Г.* Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1969. С. 21.

⁹ *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб., 1914. С. 457.

¹⁰ *Агеева Г. Н.* Законность и обоснованность приговора. Его правовые гарантии // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судоустройстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре : сб. науч. тр. М., 1981. С. 101.

¹¹ См.: *Гуськова А. П.* Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 1997. С. 92–95.

¹² *Грошевой Ю. М.* Общественное мнение и приговор советского суда : конспект лекции. Харьков, 1972. С. 19.

¹³ См.: *Бунина А. В.* Приговор как акт правосудия. Его свойства. Оренбург, 2006. С. 13 ; *Бородинова Т. Г.* Пересмотр приговоров, вынесенных в отсутствие подсудимого // Общество : политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 80.

¹⁴ См.: *Зинатуллин З. З.* Основной вопрос уголовного процесса и правосудие // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / под общ. ред. В. М. Бозрова. М., 2016. С. 33, 37.

¹⁵ См.: *Басова О. О.* Предмет правосудия по уголовным делам // Вестник Удмуртского ун-та. Экономика и право. 2014. Вып. 2. С. 121–122.

главой 51.1 УПК РФ, суд при освобождении от уголовной ответственности исследует вопросы виновности лица¹⁶, а сам судебный штраф некоторыми авторами расценивается как наказание («паранаказание»¹⁷; «административное наказание»¹⁸). С точки зрения других авторов, судебный штраф на практике воплотился в аналог ускоренного производства по уголовному делу с тем отличием, что производство завершается не осуждением, а прекращением уголовного дела (или уголовного преследования)¹⁹, т. е. в упрощенную форму приговора²⁰.

Действительно, следует отметить, что положения о судебном штрафе, отраженные в нормах уголовного и уголовно-процессуального закона, не только не предусматривают порядок применения этих норм, но и содержат противоречия. Однако стремление их устранить и дать механизм реализации указанных положений правоприменителю путем разъяснения Пленума Верховного Суда РФ²¹ создало ситуацию, когда разъяснение вышло за пределы нормативной регламентации и на практике отдельные постановления о судебном штрафе представляют новую процессуальную форму, содержащую элементы как постановления, так и приговора²².

Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 104.4 УК РФ следует признать условным: невыполнение условия уплаты судебного штрафа лицом, в отношении которого судом принято решение, влечет за собой отмену решения о его освобождении от уголовной ответственности. Следовательно, постановление суда не означает установления виновности лица в совершении преступления и, кроме того, в отношении подозреваемого (обвиняемого или подсудимого) не вынесен обвинительный приговор (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Таким образом, при прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ лицо решением суда виновным не признается и осужденным не является, а введение в закон нового основания освобождения от уголовной ответственности и порядок принятия решения судом не влияет на понятие приговора в уголовном судопроизводстве. Сложившаяся противоречивая судебная практика требует реагирования законодателя.

Требования закона о том, что наказание может быть назначено только приговором суда на основе ст. 49 Конституции РФ, закреплено в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 8 УПК РФ). Единственным процессуальным ре-

¹⁶ См.: *Рябцева Е. В.* Правовая природа производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Рос. правосудие. 2017. № 4 (132). С. 105; *Власенко В. В.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 1. С. 54.

¹⁷ См.: *Трофимова Г. А.* Судебный штраф – альтернатива? // Рос. судья. 2017. № 8. С. 34.

¹⁸ См.: *Володина Л. М.* Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М., 2017. С. 270.

¹⁹ См.: *Арутюнян А. А.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: последние изменения // Закон. 2017. № 3. С. 82.

²⁰ См.: *Головки Л. В.* Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 42–43.

²¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 5–8; 2017. № 1. С. 31–35.

²² См.: Архив Сибайского городского суда Республики Башкортостан за 2017. Уголовное дело № 1-183/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Gq4pVUHgeaWb/> (дата обращения: 07.01.2018); Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан за 2017 г. Уголовное дело № 1-670/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jSjwEBv5AigW> (дата обращения: 06.01.2018).

шением, в котором после рассмотрения вопроса виновности возможно решение вопроса о наказании осужденному, является приговор. Однако указание в п. 28 ст. 5 УПК РФ о том, что приговор – это решение не только о наказании виновного, но и «об освобождении его от наказания», представляется не совсем удачным, не раскрывающим сущность данного судебного решения.

Как следует из норм материального права (глава 12 УК РФ «Освобождение от наказания»), под освобождением от наказания рассматриваются основания:

- 1) при которых наказание не назначается;
- 2) при которых наказание назначено и имеются основания для освобождения от его отбывания или отсрочки назначенного наказания;
- 3) освобождения от дальнейшего отбывания назначенного наказания;
- 4) при которых вопрос уголовной ответственности не разрешен.

Законодатель разграничивает указанные основания и упоминает их в нескольких нормах УПК РФ:

1) при постановлении приговора на основании п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд обсуждает «имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания, освобождения от наказания или применения отсрочки отбывания наказания»;

2) на основании п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать «мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия»;

3) на основании ст. 308 УПК РФ «в случаях освобождения подсудимого от отбывания наказания, применения отсрочки отбывания наказания или вынесения приговора без назначения наказания об этом также указывается в резолютивной части приговора».

Таким образом, на основании норм уголовно-процессуального закона вопрос наказания виновного суд обсуждает при рассмотрении вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, принимая следующие решения: 1) о неназначении наказания; 2) назначении наказания; 3) назначении наказания и освобождении от его отбывания (или применении отсрочки его отбывания).

Следует отметить, что расширение диспозитивных начал и дифференцированных производств, бесспорно, оказывает влияние на устоявшиеся понятия в уголовном судопроизводстве, соответственно, требуется их ревизия. Приговор, постановленный в отсутствие подсудимого или по итогам сокращенных производств, имеет свои особенности. Так, Н. В. Ильютченко рассматривает заочный приговор как решение о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо освобождении от наказания, вынесенное судом первой (или апелляционной) инстанции в его отсутствие ввиду сознательного уклонения от явки в суд или по причине ненадлежащего информирования²³.

В обвинительном приговоре, постановленном по итогам рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, суд не приводит содержание и оценку доказательств, поскольку они не исследуются в судебном заседании. Законодатель предусмотрел, что приговор, постановленный по итогам сокращенных производств (ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), не обладает свойством преюдициальности. На основе чего отдельные авторы рассматривают такой приговор как новый

²³ См.: Ильютченко Н. В. Заочный приговор : понятие и особенности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 143.

самостоятельный вид обвинительного приговора – «согласительный приговор», в котором не должно отражаться его постановление именем государства, что, на их взгляд, отразит природу такого судебного разбирательства как согласительного вида процессуального производства. По мнению М. Т. Аширбековой и В. Н. Троневой, такое название данного приговора «продемонстрирует признание государством и обществом значимости примирительных (согласительных) процедур, основанных на свободе выбора сторонами способов защиты их интересов, мирного разрешения уголовно-правового конфликта»²⁴. Рассматривая приведенную позицию, следует согласиться, что приговоры, постановленные по результатам сокращенных производств имеют существенные отличия, обусловленные отсутствием исследования доказательств виновности с участием сторон в общем порядке судебного разбирательства и их последующей оценкой судом в приговоре, однако нельзя не отметить, что такая позиция является достаточно дискуссионной, поскольку не отражает публичного начала, присущего уголовному судопроизводству.

Как верно отмечают некоторые авторы, назначение норм-дефиниций состоит в том, чтобы «закрепить однозначное понимание тех или иных процессуальных терминов и тем самым исключить возможность конфликтной ситуации, вызванной их неодинаковым толкованием», а поскольку нет единства мнений относительно любой дефиниции, то такие определения должны быть «функциональными, точными как в своем содержании, так и использовании, не должно быть громоздких теоретических определений в тексте закона»²⁵, а определение дефиниции должно отражать существенные, качественные признаки предмета или явления, закрепленные в УПК РФ в целях обеспечения единства правового регулирования²⁶.

Подводя итог исследованию дефиниции приговора, следует подчеркнуть, что главное в нем – вопросы виновности и наказания. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что норму-дефиницию необходимо уточнить, исключив из п. 28 ст. 5 УПК РФ указание на «либо об освобождении его от наказания», и предложить следующую редакцию п. 28 ст. 5 УПК РФ: «28) приговор – решение о невиновности либо виновности и наказании подсудимого, постановленное судом первой или апелляционной инстанции;».

²⁴ Аширбекова М. Т., Тронева В. Н. О некоторых видах приговора суда первой инстанции // *Мировой судья*. 2017. № 10. С. 30–35.

²⁵ Бахта А. С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // *Рос. юстиция*. 2009. № 11. С. 56, 59. Словарь иностранных слов толкует дефиницию как краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления (см.: *Словарь иностранных слов*. 18-е изд. М., 1989. С. 162).

²⁶ См.: Крашенинников С. В. Сущность дефиниции в уголовном процессе // *Рос. юстиция*. 2014. № 3. С. 29.

Восточно-Сибирский институт МВД России

Попова И. П., старший преподаватель кафедры уголовного процесса

East-Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Popova I. P., Senior Lecturer of the of Criminal Process Department

E-mail: irinabaikal@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию правового регулирования деятельности суда в стадии назначения судебного заседания в России и странах постсоветского пространства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предание суду, предварительное судебное заседание, сроки назначения судебного разбирательства уголовного дела.

FEATURES OF THE PROCEDURE FOR THE APPOINTMENT OF THE COURT CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE

The article is devoted to legal comparative research of legal regulation of the activities of the court under the appointment of the judicial proceedings in Russia and the countries of the former Soviet Union.

К e y w o r d s: bringing to court, preliminary hearing, term of the appointment of the judicial proceedings.

Поступила в редакцию 24 августа 2018 г.

Развитие института предания суду, вплоть до современного его регулирования в виде стадии назначения судебного заседания, свидетельствует о постоянном поиске законодателем оптимальной процедуры осуществления судебной деятельности на данном этапе производства по уголовному делу. В период разработки нового уголовно-процессуального закона проектами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предлагалось несколько вариантов регламентирования первой судебной стадии уголовного процесса. Так, проект УПК, разработанный Министерством юстиции РФ, предусматривал проведение в некоторых случаях предварительного слушания (глава 31)¹, другой проект – проведение распорядительного заседания (ст. 249)²; общим недостатком позиции авторов этих проектов являлось то, что проведение судебного заседания на данном этапе они не связывали с инициативой участников процесса.

Концепцией судебной реформы не предусматривалось введение усложненного порядка предания суду в виде какого-либо предварительного судебного заседания. Более того, разработчиками Концепции предлагалось решение основного вопроса – о предании обвиняемого суду – возложить на прокурора, а суду оставить полномочия по установлению формальных нарушений, допущенных в досудебном производстве, а также по решению вопросов, связанных с направлением дела по подсудности, приостановлением дела, прекращением дела по формальным основаниям (истечение срока давности привлечения к уголовной ответствен-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект / Л. Б. Алексеева [и др.]. М., 1994.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект / А. Д. Бойков [и др.]. М., 1994.

ности, издание акта амнистии и т. п.), мерой пресечения, исключением недопустимых доказательств, а также непосредственно связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству³.

Наше мнение, которое подтверждается и судебной практикой, и многочисленными теоретическими исследованиями на эту тему на протяжении достаточно длительного времени, однозначно сводится к тому, что данная деятельность должна осуществляться только судом. Передача функций предания суду прокурору, как верно было замечено в юридической литературе, привела бы к ликвидации контрольных функций суда, к упразднению стадии предания суду⁴.

Другая идея, высказанная в Концепции судебной реформы – о введении фигуры следственного судьи⁵, была подхвачена целым рядом ученых, искавших новые пути преобразования уголовного судопроизводства в сторону усиления контроля суда над досудебным производством, а также обеспечения законности получения доказательств, предоставления стороне защиты реальных возможностей для участия в собирании доказательств, в связи с чем следственному судье предлагалось передать и полномочие по принятию решения о направлении уголовного дела в суд и проведению предварительного слушания⁶.

По поводу таких предложений в отечественной теории уголовного процесса разгорелась острая дискуссия, разделившая ученых на два лагеря – сторонников и противников введения института следственных судей⁷. Особое оживление дискус-

³ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 94.

⁴ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 188–189.

⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 66–67.

⁶ См.: Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003. С. 211; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 181; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004. С. 190; Муратова Н. Г. Предварительное слушание в системе судебного надзора по уголовным делам // Рос. судья. 2004. № 8. С. 9.

⁷ См.: Мядзелец О. А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Рос. юстиция. 2008. № 6. С. 39–41; Тришева А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 3–9; Ковтун Н. Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Рос. судья. 2010. № 5. С. 15–20; Ковтун Н. Н., Бухранова Т. С. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Рос. следователь. 2011. № 17. С. 31–36; Ковтун Н. Н. Судебный следователь и следственный судья – разные субъекты правовых отношений. URL: <http://www.iaaj.net/node/486> (дата обращения: 10.04.2016); Его же. Следственный судья как субъект правовых отношений // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 122–132; Его же. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о некоторых векторах законодательной воли // Рос. журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 174–176; Амирбеков К. И. Концепция о функциях следственного судьи // Рос. юстиция. 2015. № 5. С. 42–45; Быков В., Манова Н. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? // Законность. 2015. № 6. С. 44–46; Отчерцова О. В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным? // Рос. юстиция. 2015. № 8. С. 63–66; Багмет А. М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 6–8; Цветков Ю. А. Становление следственной власти на постсоветском пространстве // Там же. С. 9–12; Лазарева В. А. Вопросы доказывания в свете идеи формирования в РФ института следственного судьи // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. С. 20–26; Цветков Ю. А., Багмет А. М. Следственный судья как зеркало процессуальной революции // Рос. судья. 2015. № 9. С. 21–24; Рудич В. В., Фетищева Л. М. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения // Рос. следователь.

сии придали предложения руководителя Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Т. Г. Морщаковой⁸, ставшие, по сути, целой концепцией развития института следственного судьи⁹.

Проанализировав основные положения новой концепции реформирования досудебного производства и предполагаемые пути усиления судебного контроля над досудебным производством, доводы сторонников и противников таких правовых новшеств, на данный момент можно лишь констатировать, что реализация подобных предложений потребует как концептуального переосмысления в целом государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, так и переустройства досудебного производства, стадии назначения судебного заседания, соответственно и перераспределения полномочий между органами следствия, прокуратуры и суда. Подобные процедурные, судоустройственные и организационные изменения не возможны без существенных финансовых затрат. Немаловажную роль в такой реорганизации уголовного судопроизводства должна сыграть и психологическая готовность представителей судебных и правоохранительных органов к выполнению непривычных для них полномочий. В любом случае реализация настоящей концепции реформирования российского уголовного судопроизводства предполагает проведение более скрупулезной работы по ее обоснованию и определению системно-организационных мероприятий по ее воплощению в уголовно-процессуальный закон и правоприменительную практику.

Заслуживающим положительной оценки в настоящей концепции, на наш взгляд, следует признать то, что ее авторы не отказались от института предварительного слушания и, более того, допускают его проведение на более раннем этапе – в стадии предварительного расследования¹⁰, что свидетельствует о том, что институт предварительного слушания как небольшое из того, чему авторы концепции доверяют, зарекомендовал себя как важное и эффективное средство обеспечения как интересов сторон, так и интересов правосудия, воплощающее поистине составительные начала судопроизводства.

Многолетние дискуссии в ходе обсуждения проектов УПК РФ и Концепции судебной реформы привели к тому, что законодатель в 2001 г. принял дифференцированный подход к регулированию деятельности суда в настоящей стадии – упрощенный, когда судья без проведения судебного заседания принимает решение о дальнейшем движении уголовного дела, и усложненный – путем проведения предварительного слушания – для тех случаев, когда необходимо разрешить спорные и сложные вопросы с участием сторон, причем существенным положительным моментом следует признать тот факт, что возможность проведения предва-

2015. № 17. С. 21–25 ; *Боруленков Ю. П.* Следственный судья как «слабое звено» технологии уголовно-процессуального познания // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 9–21 ; *Лазарев В.* Непредвзятая судебная защита. О формировании института следственных судей // Новая адвокатская газета. 2015. № 6 (191). URL: <http://www.advgazeta.ru/arch/191/1553> (дата обращения: 01.11.2018).

⁸ См.: *Морщакова Т. Г.* О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. URL: <http://www.iuaj.net/node/1718> (дата обращения: 01.11.2018).

⁹ См. подробно по этому вопросу: *Рябина Т. К.* Спорные вопросы введения института следственного судьи в российский уголовный процесс // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 315–322.

¹⁰ См.: *Морщакова Т. Г.* Указ. соч.

рительного слушания зависит отныне не только от личного усмотрения судьи, но и от инициативы сторон.

По мнению Т. Ю. Максимовой, стадия назначения судебного заседания по УПК РФ соответствует смешанной модели, поскольку предварительное слушание характеризуется признаками состязательно-обеспечительной модели (рассмотрение всех вопросов стадии в форме судебного заседания; состязательность процедуры; обязательное участие государственного обвинителя, обвиняемого и защитника), а общий порядок назначения судебного заседания – ревизионно-розыскной (назначение судьей заседания вне рамок судебной процедуры; несостязательная процедура)¹¹. Смешанный характер этой стадии, включающий элементы обвинительной и судебно-ревизионной форм, отмечают также А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский¹². С подобной характеристикой данной стадии процесса вполне можно согласиться.

В целях упорядочения процедуры в стадии назначения судебного заседания и исключения субъективного подхода судьи при разрешении вопроса о необходимости назначения предварительного слушания или судебного разбирательства уголовного дела по существу законодатель предусмотрел основания, при наличии которых судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе назначает предварительное слушание (ч. 2 ст. 229 УПК РФ).

Совместное рассмотрение и обсуждение наиболее важных вопросов, связанных с назначением судебного заседания или принятием другого решения, например о возвращении уголовного дела прокурору или прекращении уголовного дела, направлено на более тщательную проверку поступившего в суд уголовного дела, на своевременное устранение препятствий по делу до разрешения его по существу, в том числе исключение доказательств, полученных с нарушением закона, реальное обеспечение прав участников процесса. Такой порядок устраняет субъективный подход к решению вопроса о назначении судебного разбирательства, исключает поспешное, поверхностное изучение судьей материалов дела и бесконтрольное усмотрение судьи при принятии соответствующих решений, является дополнительной гарантией охраны прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также осуществления правосудия, поскольку уменьшает вероятность вынесения судьей необоснованного решения о назначении судебного заседания, да и любого другого решения, предусмотренного законом. Кроме того, законодатель пошел на усложнение судебного производства в этой стадии в целях расширения состязательных начал уголовного судопроизводства.

Закон предусматривает также дифференцированные сроки принятия решений в настоящей стадии. По поступившему уголовному делу судья принимает решение в срок не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд. В случае, если в суд поступает уголовное дело в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, решение принимается в срок не позднее 14 суток со дня поступления уголовного дела в суд (ч. 3 ст. 227 УПК РФ). Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, а по уголовным делам,

¹¹ См.: *Максимова Т. Ю.* Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу : история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

¹² См.: *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М., 2017. С. 543.

рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – не позднее 30 суток (ч. 1 ст. 233 УПК РФ).

Несмотря на различия двух форм назначения судебного заседания, касающихся, прежде всего процедуры осуществления судом своей деятельности; полномочий суда и круга вопросов, рассматриваемых на этом этапе; решений, принимаемых судом по итогам стадии, между ними много общего. Как совершенно точно подмечает Н. Н. Ковтун, для этих двух форм характерны общие: основные принципы деятельности; непосредственные задачи; процессуальные сроки, в течение которых должны быть решены эти задачи; отчасти предмет и пределы проверки суда, реализуемые на данном этапе; правила внесения и разрешения ходатайств сторон; требования к сути, структуре и содержанию итоговых решений суда¹³.

Обращаясь к правовому регулированию процедуры назначения судебного разбирательства в зарубежных странах, обнаруживаем, что в различных странах она регламентируется по-разному. Так, некоторые страны пошли по пути упрощенного порядка предания обвиняемому суду по всем уголовным делам, не предусматривая проведения каких-либо предварительных судебных заседаний (Франция, Италия, Латвия, Армения, Узбекистан, Таджикистан), что, однако, подвергается критике за отсутствие состязательных условий, без учета мнения сторон, для принятия решений на данном этапе судопроизводства¹⁴.

В отдельных странах (их немного) все решения, связанные с определением дальнейшего движения поступившего в суд дела, принимаются судьей только в судебных заседаниях, с участием сторон (Азербайджан – проводится подготовительное заседание, Украина – подготовительное судебное заседание). Например, в УПК Украины установлено, что подготовительное судебное заседание проводится в соответствии с правилами, предусмотренными для судебного разбирательства (ч. 2 ст. 314 УПК Украины), т. е. с участием заинтересованных лиц, в ходе которого принимаются решения, с учетом мнения сторон, не только о назначении судебного разбирательства, но и об утверждении соглашения между сторонами, прекращении уголовного дела, возвращении дела прокурору¹⁵.

Большинство же зарубежных стран (в первую очередь стран постсоветского пространства) предусматривают, так же как и в России, дифференцированный порядок в регламентировании процедуры назначения судебного разбирательства: решение по поступившему в суд уголовному делу принимается или судьей единолично (возможно и коллегией судей), без участия сторон, или путем проведения предварительного судебного заседания. Особенности назначения судебного разбирательства имеют процедуры в странах англосаксонской правовой системы¹⁶.

Как правило, без проведения судебного заседания судьей принимается решение о назначении судебного разбирательства, при установлении для этого достаточных оснований, подразумевающих, что отсутствуют какие-либо препятствия

¹³ См.: Ковтун Н. Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству : все еще требует оптимизации процессуальной формы. // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 36–37.

¹⁴ См.: Рахмонова С. М. Предварительное слушание дела : оптимальные перспективы внедрения в уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан // Рос. следователь. 2016. № 17. С. 46.

¹⁵ См.: Ковтун Н. Н. Судебные стадии и производства УПК Украины : система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 23–24.

¹⁶ См.: Рябина Т. К. Предание суду в уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран англо-саксонской правовой системы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 20–23.

для рассмотрения уголовного дела по существу или по делу не предусмотрены какие-либо особые процедуры или формы рассмотрения: заключено досудебное соглашение о сотрудничестве или дело будет рассматривать суд присяжных (Германия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан).

Своеобразным образом решен вопрос о процедуре принятия решения о назначении судебного разбирательства законодательством Молдовы. Так, до назначения дела к рассмотрению в случае обвинения лица в совершении легкого или менее тяжкого преступления, а в случае несовершеннолетних – и тяжких преступлений, предусмотренных в главах 2–6 УК РМ, а также в случаях, предусмотренных в ч. 1 ст. 276 УПК РМ (уголовное преследование по жалобе потерпевшего), и в случае предъявления гражданского иска суд в течение не более трех дней со дня распределения дела по требованию сторон принимает решение о назначении процедуры медиации, или примирения сторон. Если стороны примирились, медиатор составляет мировое соглашение, которое подписывается сторонами и направляется судебной инстанции, в производстве которой находится уголовное дело, вместе с протоколом о прекращении медиации (ст. 344.1 УПК РМ), после чего на предварительном заседании дело будет прекращено производством.

Общий же порядок прохождения дела в стадии принятия уголовного дела к производству суда состоит в том, что не позднее чем в 3-дневный срок после распределения дела для судебного разбирательства судья или, в зависимости от обстоятельств, состав суда, изучив материалы дела, назначает срок проведения предварительного заседания, которое начинается не позднее чем в течение 20 дней со дня распределения дела, за исключением очевидных преступлений. Предварительное заседание по делам, по которым в качестве обвиняемых проходят несовершеннолетние подсудимые или арестованные лица, проводится в неотложном и приоритетном порядке до истечения срока ареста, установленного ранее. При наличии возможности рассмотрения дела в неотложном порядке судья назначает его к рассмотрению без проведения предварительного заседания и принимает надлежащие меры по подготовке и проведению судебного заседания без откладывания (ч. 1 и 2 ст. 345 УПК РМ). Такой порядок свидетельствует о том, что в отсутствие строго установленных в законе сроков проведения судебного разбирательства и оснований назначения предварительного заседания суд несет повышенную ответственность за своевременную подготовку и четкую организацию судебного разбирательства, а также соблюдение разумных сроков рассмотрения дела.

Латышский законодатель срок и саму процедуру принятия дела судом к своему производству не предусматривает. Однако в законе нашел свое проявление дифференцированный подход к урегулированию сроков назначения судебного заседания. Так, в постановлении о направлении уголовного дела в суд в неотложном, т. е. в ускоренном, порядке прокурор, наряду с другими обстоятельствами, указывает также время и место судебного разбирательства дела. Это время устанавливается прокурором по согласованию с судом, однако время до судебного заседания не может быть менее 3 и более 10 рабочих дней, считая со дня выдачи обвиняемому копии постановления (ст. 427 УПК РЛ). Такой порядок, когда именно прокурор определяет время проведения судебного разбирательства, можно считать исключительным. Но что касается кратчайших сроков рассмотрения дела по существу, то российское законодательство также предусматривает для судебного разбирательства уголовного дела мировым судьей ускоренный порядок – дело должно быть начато не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления или уголовного дела (ч. 2 ст. 321 УПК РФ).

Тем самым по УПК Латвии суд, если нет оснований для изменения времени проведения судебного разбирательства по делу, по которому осуществлялся неотложный порядок, проводит только подготовительные мероприятия к судебному заседанию. В остальных случаях судья не позднее чем в течение трех рабочих дней после получения уголовного дела в свое производство выносит постановление о времени и месте судебного разбирательства уголовного дела, которое составляется в виде резолюции. Само же судебное разбирательство уголовного дела суд начинает настолько быстро, насколько только это возможно. Если же к обвиняемому применена мера пресечения в виде содержания под стражей, судебное разбирательство уголовного дела начинается не позднее чем в течение четырех недель после его получения. Если к несовершеннолетнему обвиняемому применена мера пресечения в виде содержания под стражей, то судебное разбирательство уголовного дела начинается не позднее чем в течение трех недель после его получения. Если по объективным обстоятельствам невозможно соблюсти установленные сроки, судья мотивированным постановлением может установить более поздний срок начала судебного разбирательства уголовного дела (ст. 488 УПК РЛ).

Уголовно-процессуальные кодексы некоторых других стран, в зависимости от обстоятельств дела, также предусматривают возможность продления срока назначения судебного заседания – предварительного или основного. Так, в УПК Беларуси установлено, что с учетом особой сложности и большого объема дела срок принятия решения при поступлении дела в суд может быть продлен (ч. 3 ст. 276 УПК РБ). Само судебное разбирательство уголовного дела должно быть начато в судебном заседании не позднее 14 суток с момента вынесения судьей постановления о его назначении, а по делам особой сложности – не позднее 30 суток (ст. 282 УПК РБ). Такой же срок определен в законе Таджикистана (ч. 3 ст. 261 УПК РТ).

В Туркменистане законом не установлено, в какой срок проводится распорядительное заседание, но предусмотрено, что судья или суд в распорядительном заседании должен разрешить вопрос о назначении судебного разбирательства по делу обвиняемого не позднее пяти суток, а по сложным делам – не позднее 14 суток с момента поступления дела в суд (ст. 349 УПК Туркменистана).

По УПК Кыргызстана в основу определения срока принятия решения в настоящей стадии положены другие обстоятельства. Так, общий срок принятия решения по поступившему в суд делу составляет не более 14 суток с момента поступления дела в суд (ч. 3 ст. 244 УПК КР). Рассмотрение же уголовного дела по существу должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения постановления о назначении дела к судебному разбирательству, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – не позднее 30 суток. Уголовное дело о преступлении небольшой тяжести или менее тяжком преступлении подлежит разрешению по существу судьей (судом) в срок не позднее одного месяца, а дело о тяжком или особо тяжком преступлении – в двухмесячный срок, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – в трехмесячный срок со дня поступления в суд (ч. 1 и 2 ст. 252 УПК Кыргызстана).

В Казахстане решение должно быть принято не позднее пяти суток с момента поступления дела в суд (ч. 4 ст. 319 УПК РК). Судебное разбирательство должно быть начато не ранее истечения трех суток с момента извещения сторон о месте и времени начала судебного заседания и не позже 10 суток при сокращенном порядке рассмотрения и 15 суток при общем порядке рассмотрения с момента вынесения постановления о его назначении. В исключительных случаях этот срок может быть продлен постановлением судьи, но не более чем до 30 суток (ч. 4 ст. 322 УПК РК).

Согласно УПК Азербайджана подготовительное заседание, на котором может быть принято и решение о назначении судебного разбирательства, должно быть проведено в течение 15 суток после поступления в суд уголовного дела (в связи с большим объемом уголовного дела, многочисленностью обвиняемых лиц или особой сложностью организации рассмотрения уголовного дела этот срок по решению суда может быть продлен до 30 дней); в течение 7 суток после поступления в суд материалов упрощенного досудебного производства или жалобы в порядке частного производства (ст. 292.2 УПК АР). Судебное разбирательство должно быть назначено в следующие сроки: для рассмотрения уголовного дела – не позднее 15 суток после проведения подготовительного заседания суда; для рассмотрения материалов упрощенного досудебного производства или жалобы в порядке частного обвинения – не позднее 7 суток после проведения подготовительного заседания суда (ст. 301.4 УПК АР).

УПК Республики Армения не предусматривает дифференцированные сроки принятия решений по поступившему делу: общий срок принятия решения о дальнейшем движении дела – 15 суток с момента принятия уголовного дела к своему производству (ст. 292 УПК РА), в том числе и принятия решения о назначении судебного разбирательства. Судебное разбирательство должно быть назначено в течение 10 дней с момента вынесения постановления о назначении судебного разбирательства.

Таким образом, в правовом регулировании процедуры и сроков принятия решений по поступившему в суд уголовному делу в странах – бывших советских республиках, несмотря на введение ими своей национальной формы уголовного судопроизводства¹⁷, просматривается больше общего, чем различий, что свидетельствует о неизменной сущности стадии назначения судебного заседания (предания суду), традиционного отношения к ней как необходимого промежуточного производства, осуществляемого в порядке и сроки, установившиеся и укоренившиеся еще несколько десятилетий назад. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство этих стран развивается в сторону его корректировки, выражающейся в наполнении многих правовых институтов цивилизованными, демократическими идеями, в отходе от обвинительных черт, характерных для уголовного процесса всех бывших советских республик. Принятие дифференцированного подхода к регулированию отдельных процедур в уголовном процессе есть одно из направлений современного развития уголовно-процессуального законодательства этих стран.

¹⁷ См.: *Смирнов А. В.* Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 10.

Юго-Западный государственный университет

Рябина Т. К., кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, заслуженный юрист Российской Федерации

South-West State University

*Ryabinina T. K., Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Criminalistics, Honoured Lawyer of Russian Federation
E-mail: tatyanakimovna-@yandex.ru*

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 340

Ю. А. Иванов, А. Г. Кудрявцев

ЗАКОНЫ ХАММУРАПИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ НЕОЖИДАННОЕ «ЭХО» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Анализируются отличительные особенности законов Хаммурапи, обусловленные историческими реалиями времени их появления. Часть характерных черт этого древнейшего памятника права, представляющихся весьма архаичными, обнаруживают неожиданные и своеобразные параллели с современным уголовным законодательством. К л ю ч е в ы е с л о в а: законы Хаммурапи, примитивная правовая техника, казуистичность, формализм, традиция (ритуал), коллективная ответственность, принцип личной ответственности, принцип талиона.

HAMMURABI'S LAWS: CHARACTERISTIC FEATURES AND THEIR UNEXPECTED «ECHO» IN THE MODERN CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

The article analyzes distinctive features of Hammurabi's Laws caused by the historical realities of the time of their appearance. Some of characteristic features of this ancient monument of law, which seems very archaic to us, reveal very unexpected and peculiar parallels with modern criminal legislation.

Key words: Hammurabi's laws, primitive legal technique, casuistry, formalism, tradition, collective responsibility, principle of personal responsibility, principle of talion.

Поступила в редакцию 21 августа 2018 г.

Желая акцентировать внимание на непреходящей значимости той или иной исследуемой темы, многие ученые-юристы указывают на прототипы анализируемых ими норм (институтов, правил и т. п.), обнаруживаемые в древнейших памятниках права. К таковым, безусловно, относятся и законы Хаммурапи, явившиеся одним из самых значимых итогов правления шестого царя первой Вавилонской династии Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.).

Будучи одним из первых дошедших до нас памятников писаного (клинописного) права, свод законов царя Хаммурапи действительно являет собой прекрасную и весьма авторитетную иллюстрацию-источник, содержащий в себе прообразы многих современных нам норм и правил. Именно поэтому к его тексту часто отсылают специалисты самых разных отраслей российского права – гражданского, семейного, трудового, налогового и др. И, конечно же, апеллируют к нормам древневавилонского права представители наук криминального цикла – уголовного права и уголовного процесса.

Последние при изучении этого уникального памятника обнаруживают в его содержании, а точнее в ст. 5 свода законов Хаммурапи, первые антикоррупционные (в широком смысле) положения и запреты¹. Отмечается также важное процессу-

¹ См., например: Акимов Н. В. Истоки коррупции и особенности борьбы с ней в России XIV–XVII веков // История государства и права. 2008. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Кон-

© Иванов Ю. А., Кудрявцев А. Г., 2018

альное значение правила ст. 5, так как здесь предусматривается, что «если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно изобличить в изменении решения, и он должен уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере, а также должен быть в собрании поднят со своего судейского кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде»². В приведенном тексте ряд исследователей видит проявление содержательных основ принципа правовой определенности³.

Анализируя законы царя Хаммурапи, специалисты указывают на попытки древневосточного законодателя регламентировать (и детализировать) вопросы ответственности и наказания за причинение вреда здоровью (телесные повреждения) (ст. 196–214 свода законов), в том числе последовавшего в результате ненадлежащего выполнения врачом (лекарем) возложенных на него обязанностей (ст. 215–223)⁴; современные процессуалисты говорят о закреплении здесь пусть и не оформленного в качестве общеправового принципа, но уже отражающего близкое, по сути, принципу презумпции невиновности правила распределения бремени доказывания в процессе производства по уголовным делам (ст. 1 и др.)⁵. С нормами законов царя Хаммурапи некоторые авторы связывают и развитие такого гуманистического института, как помилование⁶.

Примеры прообразов весьма значимых и сегодня правовых предписаний и даже целых правовых институтов разной отраслевой принадлежности можно было бы продолжать. При этом с современных нам позиций подавляющее их большинство представляются выполненными древневавилонским законодателем, мягко говоря, не идеально. Изучая историю государства и права Древнего Вавилона и Месопотамии, исследователи законов Хаммурапи весьма единодушно раскрывают причину этого обстоятельства: они отмечают такие специфические черты (особенности) этого законодательного памятника, как примитивная правовая техника, казуистичность, формализм, тесная связь права с ритуалом, с символической процедурой⁷.

Все эти характеристики, насколько нелицеприятными они ни показались бы нам с позиции сегодняшнего уровня развития законодательной техники, в об-

сультантПлюс»; Качелин М. С. Процесс перерастания национального антикоррупционного законодательства в глобальный международно-правовой институт // Безопасность бизнеса. 2010. № 4. С. 35–39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Здесь и далее текст законов Хаммурапи приводится по: Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран. Т. 1: Древний Восток. Античный мир. Средние века / сост. Ю. А. Иванов, А. В. Киринос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышов. Воронеж, 1999. С. 12–25.

³ См.: Купрейченко С. В. Понятие, условия и значение правовой определенности в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 143–148. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Лядова М. В., Тучин Е. С., Лядова А. В. Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах // История государства и права. 2014. № 11. С. 14–18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Мурашкин И. Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве // Там же. № 13. С. 25–31.

⁶ Об этом, например, упоминает В. И. Спицын, хотя и не приводит ссылок на конкретные нормы свода законов (см.: Спицын В. И. К вопросу о помиловании // Современное право. 2002. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁷ См.: Крашенинникова Н. А. История права Востока: курс лекций. М., 1994. С. 33.

щем-то, верны и без труда могут быть проиллюстрированы конкретными примерами. Так, в части регламентации уголовно-правовых запретов, мы действительно не обнаруживаем в тексте законов царя Хаммурапи четкого понятия преступления, при этом закрепленные «составы» конкретных преступных деяний не всегда можно отделить от иных правонарушений. Обращает на себя внимание и отсутствие абстрактно сформулированных норм, касающихся таких преступлений, как убийство, кража, лжесвидетельство и т. п.⁸

Подобные характеристики не могут быть правильно интерпретированы без учета того очевидного факта, что и содержание, и, как увидим далее, структура законов Хаммурапи были обусловлены объективно протекавшими историческими процессами, уровнем развития общества, цивилизации в самом широком смысле этого слова. Это касается, например, указания на теснейшую связь права и религиозно-морального ритуала⁹, религии, обычаев, что весьма заметно при ознакомлении с содержанием анализируемого правового памятника.

О том, что право Месопотамии, как и других древневосточных государств, несло на себе заметное влияние религии и религиозной идеологии, свидетельствует тот факт, что перечень преступлений, закрепленный в законах Хаммурапи, в основном совпадал с перечнем тяжких грехов в вавилонской книге религиозных заклинаний «Шурпу» (XII в. до н. э.). Речь, в частности, о таких деяниях, как кража (ст. 6–8), предъявление ложного иска и обвинения (ст. 11, 126), грабеж (ст. 22), пролитие крови (ст. 206), непочтительное отношение к родителям (ст. 195), прелюбодеяние (ст. 129). При этом, как отмечает Н. А. Крашенинникова, понятия греха (намеренного и ненамеренного нарушения воли божьей) и преступления различались, равно как отличались и подходы к ответственности за их совершение. Так, совершение греха было возможно и без вины, в то время как совершение преступления предполагало, пусть и не всегда последовательно, вину. За первое могло быть «послано» любое наказание, причем «небесная» кара не учитывала ни субъективной, ни объективной стороны греховного деяния. Избежать же его можно было только с помощью жреца-заклинателя, при этом не требовалось даже раскаяния. А вот «земное» правосудие считалось неотвратимым, как и раскаяние в случае совершения преступления¹⁰.

Другой исторически (цивилизационно) обусловленной особенностью законов Хаммурапи является упоминавшаяся символичность многих правовых предписаний. И один из самых ярких примеров здесь – ответственность кормилицы, подменившей вверенного ей ребенка: в качестве наказания предусматривалось отрезание груди виновной (ст. 194). Архаично, но вполне в духе времени, выглядит и закрепление в ряде случаев в законах царя Хаммурапи правил объективного вменения, предполагавшего возложение ответственности на невиновное лицо.

⁸ См.: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 33.

⁹ См.: Иванов Ю. А. История государства и права древневосточных цивилизаций : учеб. пособие. Воронеж, 2012. С. 40–41.

¹⁰ См.: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 32–33. Стоит отметить, что переплетение права и религиозно-морального ритуала было связано также с прямым жестким вмешательством государства в большинство сфер человеческих взаимоотношений. Так, законами Хаммурапи фиксировались ставки оплаты труда (ст. 215–237), размеры платы при личном (ст. 253–258, 273) или имущественном (ст. 237–250) найме, процентные ставки ростовщика (ст. 89–102, 113–117) (об этом см. также: Иванов Ю. А., Писаревский Н. П. История до европейской эры : становление цивилизации, государства и права на Древнем Востоке. Воронеж, 2017. С. 102).

Например, если при обрушении построенного дома погибал сын хозяина, рассматриваемый нами памятник древневавилонского права предписывал убить сына строителя (ст. 230)¹¹.

Как безусловный признак эпохи должен восприниматься и отмеченный выше формализм права, правовых процедур, проявлявшийся в том, что соответствующие акты должны были сопровождаться сложными ритуальными действиями (клятвами, жестами, религиозными гимнами), а отступление от установленной формы приводило к тому, что необходимый правовой результат не достигался¹². В свершении судебного акта как акта справедливости часто предполагалось участие богов, например бога Реки в случае испытания водой¹³.

Упомянутая выше примитивность правовой техники законов царя Хаммурапи проявляется, в частности, в допущении самосуда. Так, в ситуации, когда «пришедший тушить» пожар был пойман при краже «пожитков хозяина дома», предписывалось «этого человека бросить в этот огонь» (ст. 25). Иного рода иллюстрации отмеченной особенности рассматриваемого памятника древневосточного права – отсутствие в законах Хаммурапи разницы между гражданским правонарушением и преступлением, переплетение положений материального уголовного права и процессуальных норм, регулирующих имущественные отношения¹⁴. В своде законов Хаммурапи действительно нет четкой, обоснованной системы изложения правовых норм¹⁵, что объективно обусловлено отсутствием в соответствующий исторический период как такового разделения правовых норм на отдельные отрасли. При этом в основу некоей внутренней логики изложения нормативных предписаний был положен такой критерий, как предмет правового регулирования, а переходы между сгруппированными таким образом нормами осуществлялись по ассоциации. Например, ст. 42–88 свода законов регламентировали вопросы, связанные с операциями с недвижимостью (имущественные отношения) и ответственностью за правонарушения, касающиеся этого имущества, а предшествующая группа норм – ст. 26–41 – была посвящена имуществу и службе воина¹⁶. Необходимо также помнить, что на структуру рассматриваемого источника древневосточного права влияли традиционные мораль и религия, о чем упоминалось выше.

В результате взаимодействия таких различных критериев систематизации в своде законов царя Хаммурапи допускалось смешение положений не только «родственных» материальных и процессуальных норм криминального толка – положений уголовного права и уголовного процесса, но и норм иных «отраслей», вроде бы и не близких с первыми по предмету своего правового регулирования: семейного права, наследственного и др. Кстати, уголовное право как отдельная,

¹¹ См.: Иванов Ю. А. История государства и права древневосточных цивилизаций : учеб. пособие. С. 41.

¹² См.: Там же.

¹³ Подобные испытания (ордалии) предусмотрены в ряде норм законов царя Хаммурапи, в частности в ст. 2, посвященной «обвинению в чародействе», ст. 132, закрепляющей соответствующее испытание для подозреваемой в неверности жены и др. (см.: Капустянский В. Д. Оправдание в Древнем мире // История государства и права. 2015. № 14. С. 44–49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹⁴ Об этом см., например: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 33–34 ; Иванов Ю. А., Писаревский Н. П. История до европейской эры... С. 102.

¹⁵ См.: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 34.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 34 ; Иванов Ю. А. История государства и права древневосточных цивилизаций : учеб. пособие. С. 40.

специальная система норм, устанавливающих круг наиболее опасных для государства деяний, влекущих особую репрессию – государственное наказание, в Вавилоне также еще не сложилась. При этом, однако, существующее уголовно-правовое регулирование основывало свои требования на двух принципах: 1) наказуемо то, что нарушает установленный традицией порядок; 2) наказуемо то, что причинило ущерб личности или его подвластным¹⁷.

Применительно к вопросу об изложении в тексте законов Хаммурапи правовых предписаний и запретов А. В. Немировская отмечает следующее: «Древний Восток не знал языка научного описания, т. е. языка абстрактных, обобщающих формулировок. <...> На Древнем Востоке правовая теория излагалась в форме описания случаев, отчего возникает видимость казусного права»¹⁸. Справедливости ради, стоит оговориться о том, что при всей примитивности использованных древневосточным законодателем способов законодательной техники в законах царя Хаммурапи можно обнаружить и вполне прогрессивные приемы. В частности, в ст. 7 встречается явный пример правовой фикции: «Если человек купит из руки сына человека или из руки раба человека без свидетелей и договора или возьмет на хранение либо серебро, либо золото, либо раба, либо рабыню, либо вола, либо овцу, либо осла, либо что бы то ни было, то этот человек – вор, его должно убить». Приравнение к ворами лиц, фактически ими не являвшихся, – очевидный пример правовой фикции, которая используется в законах Хаммурапи неоднократно. Например, данный прием вновь реализован уже в ст. 11 свода законов, согласно которой «если хозяин пропавшей вещи не приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то он лжец, возводит напраслину; его должно убить»¹⁹.

На фоне отсутствия в законах Хаммурапи отдельных, абстрактно сформулированных норм о формах вины, обстоятельствах, отягчающих и смягчающих наказание, соучастии, покушении и пр., определенные упоминания об этих понятиях (категориях) и необходимости их учета могут быть обнаружены²⁰. Так, древневавилонский законодатель пытается проводить различие между умышленными и неумышленными преступлениями, учитывать обстоятельства совершенного преступления, наказывать не только соучастников, но и лиц, укрывающих преступление, не доносящих о его подготовке²¹. Пример – положения ст. 206–208 – в соответствии с которыми повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, но нанесенные не умышленно, в драке, наказывались штрафом. Иллюстрация закрепления строгой ответственности за недоносительство, укрывательство – норма ст. 109: «Если в доме корчемницы сговариваются преступники, и она не схватит этих преступников и не приведет ко дворцу, то эту корчемницу должно убить».

Нельзя не заметить также, что на фоне безусловного превалирования казуистического способа формулирования правовых норм (запретов), заметно выделяется содержание ст. 6 законов Хаммурапи, в которой описание преступного пося-

¹⁷ См.: Иванов Ю. А., Писаревский Н. П. История до европейской эры... С. 107.

¹⁸ Немировская А. В. Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 13, Востоковедение. Африканистика. 2010. № 1. С. 58.

¹⁹ Об использовании юридических фикций в законах Хаммурапи см., например: Танимов О. В., Баршова О. А. Юридические фикции в древних источниках права (историко-теоретический аспект) // История государства и права. 2011. № 13. С. 25–28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Филимонова И. В. Юридические фикции в древних правовых системах // Там же. 2015. № 14. С. 61–64.

²⁰ См.: Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 40.

²¹ См.: Там же. С. 40. См. также: Иванов Ю. А., Писаревский Н. П. История до европейской эры... С. 107.

гательства на собственность дворца или храма выполнено в абстрактной форме: «Если человек украдет достояние бога или дворца, то этого человека должно убить; а также того, кто примет из его рук украденное, должно убить»²².

Иллюстрируемый примерами из свода законов Хаммурапи (и уже поэтому воспринимаемый как архаичный) казуистический способ выражения правовых предписаний и запретов в настоящее время активно используется отечественным законодателем. Начиная с 2000-х гг. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)²³ начали вводиться нормы, которые максимально конкретизировали (детализировали) ответственность за определенные разновидности уже закрепленных в уголовном законе преступлений. Такие нормы предусматривали самостоятельную ответственность либо за отдельное (частное) проявление присутствовавшего в нем уголовно-правового запрета (например, за конкретное действие (способ совершения преступления), входившее в объективную сторону общего состава), либо за приготовление или покушение на совершение преступления, либо уточняли особенности ответственности соучастников и т. п.

Яркая иллюстрация такой новой казуистики, получившей в юридической литературе выраженную негативную оценку – это дополнение УК РФ в 2012 г. нормами о специальных разновидностях мошенничества²⁴. Вот как факт появления норм ст. 159.1–159.6 УК РФ (в содержание и санкции которых к настоящему времени было внесено уже не одно изменение) был использован А. И. Коробеевым для критической оценки современного состояния отечественного уголовного закона: «Казуистический способ описания уголовно-правового запрета, к которому все чаще стал прибегать в последние годы российский законодатель, отбрасывает нас ко временам Русской Правды или Воинских артикулов Петра I, захламляет кодекс громоздкими, неудобоваримыми статьями, дублирующими друг друга и при этом растворяющимися в общих нормах. Наглядный пример – вивисекция мошенничества, предпринятая законодателем в 2012 г. Рассассировать мошенничество на конкретные шесть видов, оставив в неприкосновенности его общий состав, это все равно что, сохранив общую норму об изнасиловании, предусмотреть уголовную ответственность за изнасилование отдельно взятых Маши, Даши, Глаши и Наташи»²⁵.

В УК РФ действительно можно найти значительное число во многом искусственно (казуистически) выделенных специальных норм, характеризующихся теоретиками чаще негативно. Добавим, что «лидируют» в казуистическом дополнении УК РФ детализированными нормами о весьма «родственных» преступных деяниях положения об ответственности за преступления террористической направленности. Так, еще в 2002 г. в главе 24 УК РФ в дополнение к норме ст. 205 «Терроризм» (в настоящее время именуется «Террористический акт») появилась ст. 206.1 «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению»²⁶ (актуальное наименование – «Содействие террори-

²² Цит. по: Иванов Ю. А., Писаревский Н. П. История до европейской эры... С. 107.

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.

²⁵ Коробеев А. И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса // Интернет-сайт «Независимая газета». URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/14_uk.html (дата обращения: 05.02.2013).

²⁶ О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3020.

стической деятельности»). В настоящее время в группу во многом искусственно выделенных преступлений террористической направленности можно уверенно отнести как упомянутую норму, так и появившиеся в разные годы ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и др. УК РФ.

Один из самых свежих примеров казуистики в регламентации вопросов уголовной ответственности – это дополнение действующего УК РФ нормами ст. 201.1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»²⁷. Новые нормы являются специальными по отношению к общим составам ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» и 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», уточняя соответствующие уголовно-правовые запреты исключительно для ситуаций их совершения при выполнении государственного оборонного заказа. Насколько была необходима подобная конкретизация и почему, если даже это действительно так необходимо, нельзя было добиться нужного результата посредством закрепления соответствующего квалифицирующего признака в уже имеющихся в УК составах? Большой вопрос, никак не объясняющий увлеченность современного законодателя казуистикой.

Но вернемся к особенностям содержания норм законов Хаммурапи. Конечно же, откровенно неприемлемым с позиции современного нам уровня развития уголовного права выглядит возложение коллективной ответственности за ущерб ограбленному на территории общины на саму эту общину в ситуации, если грабитель не был пойман (ст. 23). Этим примером специалисты иллюстрируют еще одну из присущих законодательству того периода черт: сохранение в законах царя Хаммурапи пережитков древних обычаев²⁸. И тут тоже нет ничего удивительного. По меткому выражению Н. А. Крашенинниковой, «обычаи были главным строительным материалом для царских кодексов», сохраняя при этом, «наряду с законом, особое место среди источников права»²⁹. Нередко общинными обычаями определялись санкции за отступления от норм законов Хаммурапи, в которых только лишь констатировалась противоправность того или иного деяния без указания санкции³⁰.

Касаясь присутствия элементов коллективной ответственности в исследуемом своде законов, нельзя не оговориться, что в определенном смысле это правило проявляет себя и в современном законодательстве. Это, конечно же, сильная «нагрузка» и весьма условная параллель. Но разве не является своеобразной разновидностью такой «коллективной ответственности» возможность перекладывания бремени негативных последствий совершенного преступления с виновного лица на организацию – юридическое лицо, т. е. фактически на коллектив (трудовой, учредителей и т. п.), людской субстрат, «составляющий» эту организацию?

²⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 53.

²⁸ См.: Иванов Ю. А. История государства и права древневосточных цивилизаций : учеб. пособие. С. 40.

²⁹ Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 32.

³⁰ См.: Там же.

Подобное отступление от принципа личной ответственности в сторону ответственности коллективной легко обнаруживается, если обратиться к правилу примечания 2 к ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов» с учетом разъяснений практики освобождения от уголовной ответственности Верховным Судом РФ. Напомним, на основании упомянутого примечания лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом либо организацией, уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов которой вменяется этому лицу, полностью уплачены суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумма штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ.

Кроме приведенного примера, освобождающие от ответственности выплаты за лицо, совершившее преступление, которые могут быть осуществлены по его просьбе (с его согласия) другими лицами, предусмотрены также в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ – общей нормы об освобождении от уголовной ответственности за ряд преступлений в сфере экономической деятельности. Верховный Суд РФ специально указывает на такую возможность в п.13 постановления своего Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»³¹. Разъяснения, схожие с вышеуказанными в части порядка возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда для целей применения ст. 75–76.2 УК РФ, содержатся также в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 15.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»³².

Вот и получается, что правила ч. 2 ст. 76.1 и п. 2 примечания к ст. 199 УК РФ предполагают возможность добровольного принятия имущественных обязательств – последствий совершения преступлений – на себя лицами, формально не имеющими к деянию никакого отношения. В действительности это вполне могут быть лица, хотя и не являющиеся соучастниками в преступлении, но выступающие в качестве своеобразных «выгодоприобретателей» от его совершения, что как раз более чем подходит к ситуации совершения налоговых преступлений руководителями организаций. При таком сценарии происходит нечто вроде вовлечения в число участников уголовно-правовых отношений лиц, которые ранее уголовным правом в таком качестве даже не рассматривались. Именно на них, при условии, конечно же, их добровольного согласия, перекладываются последствия совершенных преступлений. Чем ни своеобразное проявление коллективной ответственности и уж точно – отступление от принципа личной ответственности?!³³

Упомянутую норму ст. 76.1 УК РФ есть смысл вновь задействовать в рамках анализа другой своеобразной параллели между современным законодательством и положениями законов Хаммурапи. Провести ее поможет обращение к

³¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

³² Там же. 2013. № 8 ; 2017. № 1.

³³ Подробнее об этом см.: Кудрявцев А. Г. Еще раз о принципе личной ответственности (размышления с неожиданным финалом) // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сб. науч. статей, посвященный 50-летию юридического института БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. С. 186–193.

одной из самых знаковых особенностей этого памятника древневавилонского права по общепринятому мнению, иллюстрирующей сохранение в содержании законов пережитков древних обычаев. Речь идет об использовании при конструировании правовых запретов, а точнее – санкций за их нарушение, «принципа талиона»³⁴.

Часто подчеркивается, что данный принцип проявился в рассматриваемом памятнике древневосточного законодательства более полно, чем в других источниках³⁵. Например, в ст. 196 законов царя Хаммурапи предусматривается: «Если человек повредит глаз какого-либо из людей, то должно повредить его глаз»; в соответствии с нормой ст. 197: «если он сломает кость человека, то должно сломать его кость». На наш взгляд, «талион», как один из самых упоминаемых при характеристике памятников древнего права принципов, равно как и специфика его реализации в своде законов царя Хаммурапи, действительно заслуживают отдельной оговорки.

Принято считать, что правило (принцип) талиона восходит к известному библейскому выражению-формуле «око за око, зуб за зуб», которое неоднократно упоминается в Ветхом Завете³⁶. Специалисты уточняют, что, например, у семитов вся система наказаний основывалась на принципе талиона, который сам по себе являлся ничем иным, как узаконенным ограничением кровной мести³⁷. Однако обращается также внимание на то, что указанный принцип-подход к регламентации наказания не так уж и примитивен и, на самом деле, вовсе не является архаичным наследием предков древних шумер³⁸.

В дискуссии по этому поводу известнейшие востоковеды как современности, так и недавнего прошлого (Б. Джексон, С. Левенштамм, Р. Йарон, В. А. Якобсон и др.) отмечают, что, напротив, использование в законах Хаммурапи принципа талиона было сознательным отходом от принятых обычаев, являлось прогрессивной инновацией. Анализируя и обобщая мнение вышеуказанных исследователей, А. В. Немировская воспроизводит их рассуждения, согласно которым принцип талиона являлся «шагом вперед на пути становления государственности и прогрессивной мерой, возможно введенной лично царем Хаммурапи, целью которой было обеспечение максимальной защиты прав свободных общинников. <...> в обществах с социальной стратификацией талион мог способствовать уничтожению различий между бедными и богатыми свободными, так как зажиточный человек отныне не мог просто «откупиться» от причиненного им ущерба...»³⁹. Цитируемые А. В. Немировской ученые рассматривают талион «как определенную ступень (не первую, но и не конечную) в эволюции правового сознания, а именно: становление представлений о личной ответственности, пришедшего на смену древнейше-

³⁴ «Лат. *Jus (lex talionis* – право) закон тождественности возмездия, под которым принято подразумевать наказание, в точности соответствующее причиненному вреду», правило, предполагающее воздаяния равным за равное (см.: *Немировская А. В.* Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса. С. 53).

³⁵ См.: *Иванов Ю. А.* История государства и права древневосточных цивилизаций : учеб. пособие. С. 40.

³⁶ См.: *Лядова М. В., Тучик Е. С., Лядова А. В.* Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах. С. 14–18.

³⁷ Подробнее об этом см.: *Немировская А. В.* Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса. С. 53–69.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Там же. С. 55.

му... институту кровной мести и выкупа за кровь (непосильного для одного человека), который распространялся, как предполагается, на всех сородичей»⁴⁰.

С точки зрения американского ученого Р. Вестбрука, концепция которого носит наименование «система викарной мести, выкупа и фиксированных выплат», представленная в древневосточном законодательстве система наказаний достаточно сложная и основана «на сочетании кровного мщения со всегдашней альтернативой выкупа за кровь»⁴¹. Талион, по мнению Р. Вестбрука, «это лишь часть системы мщения и выкупа, механизм ограничения мести, и в случае серьезного увечья мщение или выкуп – это выбор пострадавшего. Смысл талиона – ограничить мщение соразмерным увечьем и тем самым косвенно ограничить размер выкупа, который может быть потребован»⁴².

Даже с учетом только лишь приведенных точек зрения становится понятно, что принцип талиона не должен восприниматься излишне упрощенно – исключительно как узаконение кровной мести. Важно учитывать и его «уравнивающую» составляющую в системе наказаний, позволившую не допускать «откупа» от ответственности, гарантировавшую в определенном смысле неотвратимость справедливого, соответствующего характеру деяния наказания, но и ограничивавшего наложение явно непосильного для виновного «выкупа за кровь». Интересно, что с позиции такой оценки данного архаичного принципа ряд современных нам проявлений «либерализации» и «гуманизации» уголовной ответственности выглядит, напротив, как примеры закрепления в отечественном законодательстве правил «об откупе» от «полноценной» ответственности (наказания), от обязанности претерпеть за содеянное негативные последствия карательного характера.

Вот здесь как раз необходимо еще раз вспомнить о ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Указанная норма предусматривает императивное правило об освобождении от ответственности при условии выполнения виновным указанных здесь требований. В зависимости от содеянного обязательным будет являться либо возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, либо перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, или денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, или денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Однако кроме этого для каждого из перечисленных вариантов необходимо перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и, наконец, денежное возмещение в двукратном размере суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния.

Представляется, что приведенные положения действующего Российского уголовного закона в каком-то смысле похожи на те самые заместительные или викарные санкции законов царя Хаммурапи. Поэтому здесь также уместно порассуждать о «посильности» выплаты соответствующей компенсации для виновного и о последствиях ее невыплаты. Между тем разница в правовых последствиях в

⁴⁰ Там же. С. 55–56.

⁴¹ Цит. по: Немировская А. В. Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса. С. 56.

⁴² Там же. С. 57.

сопоставляемых случаях колоссальная: невыплата непосильной штрафной суммы в Древнем Вавилоне, как правило, трансформировала наказание в смертную казнь⁴³. А вот преступнику, являющемуся нашим современником, проще вообще не обращаться к положениям указанного института, а «претерпеть» грозящее ему по некоторым составам наказание.

Парадоксальность такой ситуации можно проиллюстрировать на примере с незаконным предпринимательством (ч. 1 ст. 171 УК РФ), которое упоминается в перечне преступлений, освобождение от ответственности за совершение которых может производиться по правилам ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Для этого виновное лицо должно возместить потерпевшим причиненный ущерб или перечислить в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления. Минимальный размер соответствующего ущерба или дохода с учетом подлежащих применению при расчете правил примечания к ст. 170.2 УК РФ – сумма, превышающая два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. С поправкой на необходимость также перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба (полученного дохода), итоговая величина выплат, которые будет обязан осуществить виновный для освобождения его от уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, будет превышать шесть миллионов семьсот пятьдесят тысяч рублей. Какова же вероятность обращения привлекаемого к ответственности лица к положениям ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, если санкция ч. 1 ст. 171 УК РФ предусматривает в качестве возможных наказаний на совершенное преступление штраф в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арест на срок до шести месяцев (последний, как известно, не применяется)? Ответ, думается, очевиден. И он не лучшим образом иллюстрирует современный вариант заместительного «талиона», сильно уступающий в честности (строгости) воздаяния оригинальному содержанию данного принципа.

В завершение предпринятого экскурса в далекое прошлое хотелось бы отметить следующее: динамика изменений современного законодательства не всегда являет нам примеры революционных новелл в правовой регламентации общественных отношений. Иногда в происходящих изменениях, корректировках методов и приемов правового регулирования можно, конечно, сильно «присмотревшись», увидеть примеры настолько древних правовых правил, что даже дух захватывает! Не трудно провести определенные параллели между положениями правовых артефактов и современным содержанием некоторых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. И это, действительно, обуславливает неподдельный интерес к изучению содержания черного базальтового столба с текстом законов царя Хаммурапи. Не зря специалистами отмечается, что, представляя собой запись обычного права, судебной практики, собственно узаконений царя Хаммурапи, и, с большой долей вероятности, заимствований из ранее принятых законов XX в. до н. э., положения законов Хаммурапи по своему значению выходят далеко за рамки долгого (43 года) правления этого легендарного царя и

⁴³ Н. А. Крашенинникова пишет: «Штраф в виде взыскания многократной стоимости похищенного был равнозначен смертной казни. Заведомая непосильность таких штрафов, как, например, 30-кратная стоимость похищенного из дворца или храма вола, ладьи и пр. (по законам Хаммурапи), предполагала неизбежную смерть преступника» (Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. С. 41).

даже за хронологические пределы существования Древневавилонского царства: они легли в основу вавилонского права на многие столетия⁴⁴. Как оказывается, современная правовая действительность и законотворческая активность весьма своеобразно напоминают нам об их существовании и присущих им особенностям.

⁴⁴ См.: Хачатуров Р. Л. Генезис юридической ответственности. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Воронежский государственный университет

Иванов Ю. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры государства и права, международного права и сравнительного правоведения

Кудрявцев А. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Voronezh State University

Ivanov Yu. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the State and Law, International Law and Comparative Jurisprudence

Department

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 255-46-37

Kudryavtsev A. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department

E-mail: kudryavtsev@law.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-83-38

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

Исследуются некоторые проблемы механизма дисциплинарной ответственности судей, рассматривается ее взаимосвязь с административной и морально-этической ответственностью. Анализируются причины возникновения проблем при определении оснований для привлечения судей к дисциплинарной ответственности. Предложены возможные пути решения таких вопросов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судья, дисциплинарная ответственность, механизм ответственности, дисциплинарный проступок, юридическая ответственность судей.

SOME PROBLEMS OF IMPROVING THE MECHANISM OF RESPONSIBILITY OF JUDGES

In the article some problems of the mechanism of disciplinary responsibility of judges are investigated, considered its interrelation with administrative and moral and ethical responsibility. The causes of problems in determining the grounds for bringing judges to disciplinary responsibility are analyzed. Possible ways of solving such issues are proposed.

К е у w o r d s: judge, disciplinary responsibility, mechanism of responsibility, disciplinary offense, legal liability of judges.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Правовое положение судьи как носителя судебной власти возлагает на него обязанность соответствующего поведения. Это касается не только добросовестного исполнения обязанности по осуществлению правосудия, но и достойного поведения, соответствующего высокому положению судьи, во внеслужебной деятельности. Во избежание различного рода злоупотреблений и проявления недобросовестного отношения к своим обязанностям со стороны судей существует возможность их привлечения к различным видам юридической ответственности.

Д. В. Зотов и Т. М. Сыщикова справедливо обратили внимание на то, что «ответственность остается сильным средством и необходимым условием, стимулирующим любую профессиональную деятельность. Положения о неприкосновенности – чрезмерны. Судейская неприкосновенность стала рассматриваться как личная привилегия гражданина, занимающего должность судьи, а не как средство защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия»¹.

Как верно заметил М. И. Клеандров, «достаточно сравнить понятия «статус пенсионера» и «статус судьи», как сразу станет очевидным, что во втором случае общество наделяет гражданина статусом не за что-то (за определенные заслуги), а для чего-то, а именно во имя достижения той цели, решения тех задач, которые

¹ Зотов Д. В., Сыщикова Т. М. Какой поступок умаляет авторитет судебной власти? // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 144–151.

лицо, обладающее правовым положением судьи должно решать, осуществляя правосудие»².

Решением Квалификационной коллегии судей (ККС) Сахалинской области был признан факт совершения судьей дисциплинарного проступка, который выразился в следующем.

Судья А., управляя автомобилем при наличии признаков опьянения, не выполнил требования сотрудников полиции о прохождении медицинского освидетельствования. В объяснение своих действий судья указал на то, что в обеденное время он действительно употребил спиртное, а вечером того же дня, посчитав, что его состояние позволяет управлять автомобилем и содержание алкоголя не превышает допустимой нормы, совершил поездку по г. Южно-Сахалинску. Объективных причин, препятствующих прохождению освидетельствования, у него не было.

При таких обстоятельствах ККС пришла к выводу, что допущенное судьей нарушение требований закона и связанных с ним правил поведения во внесудебной деятельности, получившее общественный резонанс, умаляет доверие общества к судебной власти и свидетельствует о совершении дисциплинарного проступка, в связи с чем имеются основания для привлечения судьи А. к ответственности. За совершение дисциплинарного проступка решением ККС на судью А. было наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения³.

Проблема в такой ситуации возникает в связи со следующими обстоятельствами:

1) отсутствие четкого законодательного закрепления ключевых понятий, связанных с регулированием ответственности судей: «дисциплинарная ответственность судей»⁴, «ущерб репутации судьи», «авторитет судебной власти»⁵, «малозначительность совершенного судьей дисциплинарного проступка», «звено механизма ответственности судьи», «формула дисциплинарного проступка судьи»⁶ и др.;

2) отождествление понятий дисциплинарной и морально-этической ответственности судей вследствие отсутствия четкого разграничения понятий дисциплинарного проступка судьи и деяний, смежных с ним.

Необходимо отметить важную особенность – понятие «дисциплинарный проступок судьи», содержащееся в законе о статусе судей, существенно отличается от понятия «дисциплинарный проступок», закрепленного в ТК РФ и распространяющееся на всех граждан, являющихся субъектами трудовых правоотношений.

В соответствии со ст. 192 ТК РФ дисциплинарный проступок – это неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.

Тогда как согласно дефиниции, закрепленной в ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», дисциплинарный проступок судьи – это вино-

² Клеандров М. И. Статус судьи : правовой и смежный компоненты. М., 2011. С. 35.

³ Пьянству – бой, хотя и не смертельный : решение Квалификационной коллегии судей Сахалинской обл. от 18 июня 2015 г. // Вестник ВККС РФ. 2016. № 2 (48). С. 41–43.

⁴ Подробнее см.: Сыщикова Т. М., Шатских М. В. Дисциплинарная ответственность судей // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 186–194.

⁵ Подробнее о понятии «авторитет судебной власти» см.: Зотов Д. В. Авторитет судебной власти // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 119–124.

⁶ Клеандров М. И. Дисциплинарный проступок судьи – что это такое сегодня? // Рос. судья. 2014. № 6. С. 6–10.

вное действие (бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи.

Упоминание нигде не сформулированных общепринятых норм морали, неконкретных правил поведения в служебной и внеслужебной деятельности и другие подобные призывы к «здравому смыслу» еще раз уверяют в том, что под последним каждый понимает свой собственный. По-прежнему открытыми остаются вопросы: как следует поступать, если, например, один из близких родственников совершил преступление во время пребывания судьи на должности и осуществления полномочий; стоит ли учитывать информацию об административных правонарушениях; если да, то учитывать ли их количественные и качественные характеристики; является ли, например, расторжение брака порочащим поступком; являются ли порочащими проступками несколько разводов кандидата и пр. Вместе с тем объективный подход к основаниям дисциплинарной ответственности не всегда оправдан и возможен. Это обусловлено самим законодательством, отсылающим к моральным нормоположениям – Кодексу судейской этики. Сложность нравственных категорий, эмоционально-чувствительное восприятие поступка, ссылки на «честь», «достоинство», «авторитет», «репутацию», «совесть», широта отношений, регулируемых моралью, – всё это влечет невмещение субъективных этических ценностей в привычную юридическую конструкцию и, следовательно, порождает нечеткость и оценочность в восприятии многих положений в определении дисциплинарного проступка⁷.

В такой ситуации, безусловно, присутствуют нарушения прямых запретов, содержащихся в КоАП РФ, Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексе судейской этики. Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, согласно ст. 12.8 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет. Применение административной ответственности в такой ситуации не вызывает сомнений. С дисциплинарной ответственностью, применяемой к судьям при таких обстоятельствах разобраться сложнее.

Ввиду отсутствия в российском законодательстве понятия дисциплинарной ответственности судей как вида юридической ответственности, необходимо обратить внимание на мнение ученых относительно такого вопроса.

Наиболее полным и правильным определением дисциплинарной ответственности судей как вида юридической ответственности представляется следующее. «Под дисциплинарной ответственностью судей как разновидностью юридической ответственности следует понимать возложение на индивидуальных носителей судебной власти установленной в законодательстве обязанности соблюдать общественные отношения, соответствующие интересам судейского сообщества, а в случае совершения проступка, нарушающего корпоративные интересы сообщества или Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», – претерпеть неблагоприятные последствия в виде мер дисциплинарной ответственности, налагаемых

⁷ См.: Щедрин Н., Франкевич М. Порочащий поступок как основание ограничения права занимать должность судьи // Уголовное право. 2008. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в комбинированном порядке органами судейского сообщества, но с возможностью реализации организационно-распорядительных полномочий председателей судов»⁸.

По мнению М. И. Клеандрова, «далеко не все проступки судей можно квалифицировать в качестве дисциплинарных, поскольку к дисциплине труда (а равно исполнению трудовых обязанностей в качестве судьи) ряд таковых отношения не имеет. Разумеется, недостойное поведение представителя судебной власти не должно оставаться безнаказанным»⁹. В качестве решения такой проблемы ученый предлагает разработать *меры судейской ответственности* как принципиально нового вида ответственности. Необходимо также четкое разграничение дисциплинарной и морально-этической ответственности судей.

Предложение дифференцировать шкалу дисциплинарных взысканий, применяемых к судьям, представляется практически значимым в той мере, в которой позволило бы, проанализировав совокупность всех факторов и обстоятельств, более точно выбрать и назначить меру наказания судье (вид дисциплинарного взыскания), полностью адекватную совершенному им дисциплинарному проступку. В настоящее время, как справедливо заметил М. И. Клеандров, «любой по тяжести и последствиям дисциплинарный проступок судьи – от самого незначительного до серьезного, тяжкого, но не дотягивающего до уровня наказания в виде досрочного прекращения полномочий судьи – может влечь лишь одно дисциплинарное взыскание – предупреждение, автоматически (если нет рецидива) исчезающее через год»¹⁰.

Актуальное законодательство предусматривает всего три меры дисциплинарного взыскания, применяемые к судьям: замечание, предупреждение, досрочное прекращение полномочий судьи. Тогда как Учреждение судебных установлений 1864 г. предусматривало их целых шесть: предостережение, замечание, выговор без внесения в послужной список, вычет из жалованья, арест на срок не более семи дней, перемещение с высшей должности на низшую.

Но и рассмотрение дисциплинарных дел в отношении судей в то время было подведомственно суду. Дисциплинарное дело в отношении судьи рассматривалось в порядке судопроизводства с соблюдением необходимых процессуальных норм.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П указал, что не исключается установление дополнительных законодательных гарантий, направленных на обеспечение самостоятельности и независимости судебной власти, несменяемости и неприкосновенности судей при привлечении их к дисциплинарной ответственности, включая возможное использование юрисдикции специальных дисциплинарных судов¹¹.

Такая точка зрения представляется не совсем верной. Во-первых, дифференцирование шкалы мер дисциплинарной ответственности может иметь обратный эффект, эффект «устрашения» судьи. Меры ответственности с большей долей вероятности со временем могут превратиться в меры давления на правосудие. Как итог можем получить снижение качества работы судей со всеми его послед-

⁸ Сыщикова Т. М., Шатских М. В. Указ. соч. С. 187.

⁹ Клеандров М. И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 468–469.

¹⁰ Там же. С. 471.

¹¹ URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/1686086/1686086-001.htm> (дата обращения: 17.03.2018).

ствиями. Не нужно превращать квалификационные коллегии судей в машину для репрессий. Судья должен соблюдать требования закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики не под страхом наказания, а по доброй воле, основывая свое поведение на позитивной ответственности и чувстве внутреннего профессионального долга. Иначе это может самым негативным образом сказаться на качестве его работы.

Пути решения обозначенных выше проблем автор видит в следующем:

1. Разработка ключевых понятий ответственности судей, таких как «дисциплинарная ответственность судей», «ущерб репутации судьи», «авторитет судебной власти», «малозначительность совершенного судьей дисциплинарного проступка» в рамках научных исследований в области юриспруденции с последующим их закреплением на уровне федерального законодательства.

2. Четкое разграничение понятий дисциплинарной и морально-этической ответственности судей, а равно формирование понятия о том, какое деяние является именно дисциплинарным проступком судьи в целях его отличия от смежных деяний.

Необходимо также обратить внимание на предложение М. И. Клеандрова, которое заключается в выработке ключевого звена организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей – формулу дисциплинарного проступка судьи, которая должна:

1) максимально охватывать все составы дисциплинарного проступка судьи;

2) гарантированно обеспечивать уверенность каждому судье в том, что к дисциплинарной ответственности он будет привлекаться именно за дисциплинарный проступок с четким соблюдением процедуры дисциплинарного производства¹².

В любом случае необходимо помнить о том, что судья – прежде всего человек со своими сильными и слабыми сторонами, принципами и привычками, мыслями и поступками. Иногда эти поступки не вписываются в законодательные критерии, профессиональные и этические нормы. В этом случае наступает ответственность. Но совершенствовать нравственный облик судейского корпуса необходимо не только страхом наказания, но и путем расширения перечня мер поощрения для судей. Гармоничное сочетание ретроспективной и позитивной ответственности позволит достичь наилучших результатов в таких вопросах.

Любые шаги в направлении совершенствования механизма дисциплинарной ответственности судей приведут к желаемому результату только тогда, когда каждый представитель судебной власти будет помнить: самый строгий и беспощадный суд – суд собственной совести.

¹² См.: Клеандров М. И. Дисциплинарный проступок судьи... С. 8.

Воронежский государственный университет

Титова Е. А., магистрант

Voronezh State University

Titova E. A., Under graduate

E-mail: tea993@yandex.ru

ВОРОНЕЖСКИЙ АКЦЕНТ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена Воронежской школе права, выпускникам юридического факультета ВГУ, построившим яркую карьеру в судебной системе страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: юридический факультет Воронежского государственного университета, судебная система России, выдающиеся выпускники.

VORONEZH ACCENT OF JUDICIAL AUTHORITY

Article is devoted to the Voronezh school of the right, the graduates of law department of VSU who constructed bright career in the judicial system of the country.

К e y w o r d s: law department of Voronezh State University, judicial system of Russia, outstanding graduates.

Поступила в редакцию 5 августа 2018 г.

За годы работы юридический факультет Воронежского государственного университета подготовил около 24 тыс. квалифицированных юристов. Многие выпускники занимали и занимают ответственные должности в системе органов государственной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, успешно трудятся в адвокатуре и нотариате.

Так сложилось, что наибольших высот выпускники юридического факультета добились в судебной системе страны. Работа судьи согласно устоявшемуся в юридическом сообществе мнению – это вершина профессии, в какой-то степени – конечная точка в развитии карьеры. Работа же в качестве судьи Конституционного Суда – настоящий Эверест в работе юриста. Далеко не каждый юридический факультет или даже вуз в стране может гордиться своим выпускником, занимавшим или занимающим должность судьи Конституционного Суда РФ. Тем характерней, ярче и ценнее тот факт, что среди выпускников факультета – двое достигли этой высокой планки.

Виктор Осипович Лучин стоял у истоков конституционного правосудия в России, став одним из первых 13 судей Конституционного Суда, которые 29–30 октября 1991 г. были выбраны по представлению Председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова. Первое рабочее совещание Конституционного Суда РСФСР состоялось 30 октября 1991 г., а 14 января 1992 г. – первое заседание.

Профессиональный путь Виктор Осипович начинал на родном факультете, где через год после окончания, в 1965 г., начал трудиться в качестве преподавателя. Здесь же в 1971 г. под руководством Виктора Степановича Основина защитил кандидатскую диссертацию на тему «Процессуальные нормы в советском государственном праве». С 1972 по 1978 г. В. О. Лучин трудился в Куйбышевском государственном университете сначала доцентом, а потом заведующим кафедрой теории и истории государства и права. В последующем известный выпускник факультета занимал различные должности в Институте государства и права АН СССР и Российском социально-политическом институте. В 1993 г. он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические

вопросы реализации конституционных норм» в Московской государственной юридической академии.

До февраля 2005 г., более 13 лет, Виктор Осипович исполнял обязанности судьи Конституционного Суда РФ, стоял на страже Конституции в самое сложное, наполненное политическими и общественными конфликтами время, принципиально отстаивая верховенство права, неоднократно высказывая особое мнение при вынесении Конституционным Судом решений.

С сентября 2005 по август 2008 г. В. О. Лучин возглавлял кафедру конституционного и международного права юридического факультета Российского государственного социального университета, являлся членом Диссертационного совета по юридическим наукам РГСУ. С 1994 г., на протяжении многих лет, Виктор Осипович работал на юридическом факультете МГУ в должности профессора кафедры конституционного и муниципального права. Он является автором более 100 научных публикаций по проблемам теории конституционного (государственного) права, в том числе ряда учебников, учебных пособий и монографий.

Профессиональные достижения В. О. Лучина не могли остаться незамеченными. Как ученый-юрист он может по праву гордиться присуждением почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», как выдающийся юрист-практик он награжден почетным званием «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Среди плеяды знаменитых выпускников юридического факультета ВГУ Виктор Осипович Лучин занимает достойнейшее место.

Вторым представителем факультета в Конституционном Суде РФ стал Юрий Михайлович Данилов, который с 1994 г. по настоящее время с честью исполняет свои обязанности судьи. Свой профессиональный путь в судебной системе страны Юрий Михайлович начал сразу после окончания юридического факультета ВГУ в 1976 г. с должности народного судьи Поворинского района Воронежской области. Карьера талантливого юриста быстро развивалась: уже через четыре года он стал судьей Воронежского областного суда, в 1983–1985 гг. работал инструктором Воронежского обкома КПСС. В 1985 г. был назначен на должность председателя Воронежского областного суда, где успешно трудился до перехода на должность первого заместителя начальника Управления общих судов Министерства юстиции СССР в 1989 г., в последующем занимая пост заместителя министра юстиции СССР. Для подавляющего большинства выпускников любой юридической школы такая карьера выглядела бы как огромное достижение и повод для гордости и для самого юриста, и для учебного заведения, в котором он был воспитан. Но впереди у Юрия Михайловича были новые высоты: в марте 1993 г. он становится заместителем Председателя Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, где курирует работу Главного правового управления, Главного управления территориальных органов, Управления контроля за организованными товарами и финансовыми рынками и финансово-бюджетного управления. Юрию Михайловичу прочили большое будущее в Правительстве РФ, но судьба сделала очередной вираж, надо отметить – весьма счастливый, в марте 1994 г. он был рекомендован Министерством юстиции РФ на должность судьи Конституционного Суда РФ, а 15 ноября 1994 г. на заседании Совета Федерации был назначен судьей Конституционного Суда РФ. С тех пор минуло почти 24 года (внушительнейший срок работы в такой должности!) напряженного и высококачественного труда, в течение которых Юрий Михайлович Данилов

стал одним из самых авторитетных судей Конституционного Суда РФ, известным специалистом в области права для каждого юриста страны, да и за ее пределами тоже. Более восьми лет наш выпускник выполнял обязанности судьи-секретаря Конституционного Суда РФ.

Заслуги Ю. М. Данилова в укреплении законности, правопорядка и конституционного строя Российской Федерации не раз отмечались на самом высоком уровне, этому свидетельствует наличие у него высокого звания заслуженного юриста Российской Федерации, и награждение орденом Почета. Если совсем немного коснуться личной жизни нашего выдающегося выпускника, то невозможно умолчать тот факт, что он является многодетным отцом. Нечастый случай в наше время, добавляющий уважения и рисующий новые штрихи портрета Юрия Михайловича.

Яркий след выпускники нашего факультета оставили и в истории Верховного Суда РФ. Кандидат юридических наук судья Верховного Суда РФ В. В. Демидов много лет исполнял обязанности секретаря Пленума Верховного Суда РФ. Судьями Верховного Суда РФ работали О. М. Бондаренко, И. И. Грицких, М. К. Отрезов, Ю. А. Свиридов, А. В. Харланов. В настоящее время судьями Верховного Суда РФ являются: Н. В. Тимошин – председатель 1-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам, Т. В. Завьялова – председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам, Е. В. Горчакова – судья Судебной коллегии по административным делам, Ю. В. Ситников – судья Судебной коллегии по уголовным делам.

Кроме того, Т. В. Завьялова в 2005–2014 гг. была членом Президиума, секретарем Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, в настоящее время выполняет обязанности заместителя председателя Совета судей РФ; Н. В. Тимошин с декабря 2014 г. является членом Президиума Верховного Суда РФ, а также председателем Высшей квалификационной коллегии судей РФ – органа судейского сообщества, играющего ключевую роль в формировании судейского корпуса и внешнего облика судебной власти, а значит, в определенной степени, формирующего общественное мнение о российском суде. Профессиональные заслуги Николая Викторовича отмечены присвоением ему почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Отдельно хочется сказать о выпускниках юридического факультета ВГУ, достигших высокой должности заместителя председателя Верховного Суда РФ. Кандидат юридических наук В. П. Верин длительное время был заместителем Председателя Верховного Суда РФ, Председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Некоторое время одновременно с В. П. Вериним также заместителем Председателя Верховного Суда РФ работал кандидат юридических наук А. И. Карпов, а затем и Председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

В. П. Верин окончил юридический факультет Воронежского университета в 1967 г. Еще во время обучения на последнем курсе был избран народным судьей Усманского районного суда Липецкой области. Через три года Валерий Петрович становится народным судьей Коминтерновского районного суда г. Воронежа, а еще через четыре – председателем того же суда. Дальнейшая карьера нашего выпускника развивается все более стремительно: в 1978 г. – судья Воронежского областного суда, заместитель председателя; в 1980 г. – председатель Воронежского областного суда. С 1975 г. Валерий Петрович преподавал уголовное право и уго-

ловный процесс на родном факультете, совмещая педагогическую деятельность с напряженной и крайне ответственной работой судьи.

В 1983 г. он назначен начальником отдела юстиции исполкома Воронежского областного Совета народных депутатов, проявив себя и в этой должности грамотным руководителем и крайне перспективным специалистом. Яркий, талантливый, в высшей степени профессиональный юрист, он не мог остаться незамеченным (система отбора кадров работала отлично). Подтверждением тому явилось назначение Валерия Петровича заместителем Председателя Верховного Суда РСФСР, обязанности которого он исполнял с 1985 по 2007 г., более 22 лет. За годы судейской карьеры Валерий Петрович завоевал большой авторитет в профессиональной среде и уважение коллег, его заслуги были признаны на самом высоком уровне. Чему свидетельствуют и высший квалификационный класс судьи, и почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Обширную практическую деятельность Валерий Петрович сочетал с научной и преподавательской работой сначала в Воронежском госуниверситете, а затем в Российской правовой академии Министерства юстиции. Следует сказать о достижениях и признании В. П. Верина, не только как выдающегося юриста-практика, но и как ученого. В научной сфере были также достигнуты серьезные результаты: защищена диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук, опубликовано более 50 научных работ в области уголовного права, уголовного процесса и организации работы судов, в том числе ряд монографий и учебных пособий. Безусловно, можно с уверенностью сказать, что В. П. Верин – это один из тех выпускников, кто свои трудом и талантом ковал и составляет славу юридического факультета Воронежского государственного университета.

Другим выпускником нашего факультета, занимавшим должность заместителя Председателя Верховного Суда РФ, был Александр Иосифович Карпов, окончивший юридический факультет ВГУ в 1982 г. Являясь уроженцем Орловской области, Александр Иосифович в возрасте 16 лет стал курсантом Архангельского мореходного училища, затем работал на судах Северного морского пароходства г. Архангельска, пройдя путь от матроса до помощника капитана. Вернувшись на малую родину, поступил на службу в УВД Орловской области, затем работал юрисконсультом Верховского молочно-консервного комбината, параллельно обучаясь на юридическом факультете ВГУ. После его окончания, в 1982 г. избирается судьей Новодеревеньковского районного суда Орловской области, а в 1987 г. – членом Орловского областного суда. Еще через год Александр Иосифович становится председателем Орловского областного суда. После этого назначения последуют долгие годы работы на ответственном посту, впрочем, талантливого орловского юриста не оставляли вниманием из столицы. Указом Президента РФ в 1996 г. Александру Иосифовичу было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а в 2000 г. он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Именно в период работы в качестве председателя Орловского областного суда к Александру Иосифовичу пришло признание его профессиональных заслуг, и высокие государственные награды он получил, еще не будучи судьей самого высокого уровня. Одновременно с работой в должности председателя областного суда Александр Иосифович на протяжении ряда лет преподавал уголовное право и криминалистику в Орловском государственном техническом университете. В 2001 г., после защиты диссертации получил ученую степень кандидата юридических наук.

В декабре 2004 г. последовало назначение выпускника нашего факультета в Верховный Суд РФ, что выглядело вполне закономерным итогом шестнадцатилетней работы в прежней должности. Таким образом, заместителем Председателя Верховного Суда РФ – Председателем судебной коллегии по уголовным делам дважды подряд назначался выпускник юридического факультета ВГУ. На протяжении почти 25 лет Воронежская школа правовых наук криминального цикла была представлена на самом высоком уровне российского правосудия. Факт для факультета – очень радостный и повод для «белой зависти» со стороны других юридических школ.

Приведенный материал, полагаю, дает все основания считать, что юридический факультет Воронежского государственного университета – это ведущий юридический факультет всего Черноземья.

Воронежский государственный университет

Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

*Shabanov P. N., Candidate of Legal Science, Lecturer of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: pshabanov@rambler.ru*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

УДК 341.231.14

М. Ф. Косолапов

ПРАВО НА КОМПЕНСАЦИЮ В СЛУЧАЕ НЕЗАКОННОГО АРЕСТА ИЛИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ: РОССИЙСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 9 МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

Российская правовая доктрина и правоприменительная практика в сфере реализации международных стандартов права на компенсацию в случае незаконного содержания под стражей во многом определяется положениями Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Дается анализ основных правовых позиций Комитета по правам человека ООН, касающихся указанного права и изложенных им в Замечании общего порядка № 35, а также правоприменительной практики, на основе которой они были сформированы. Проведенное исследование позволяет охарактеризовать Замечание общего порядка № 35 как важный источник международных стандартов, в котором содержатся разъяснения договорных положений и восполняются пробелы в международно-правовом регулировании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: право на компенсацию вреда в связи с незаконным арестом (задержанием), Международный пакт о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека ООН, Замечание общего порядка.

THE RIGHT TO COMPENSATION IN THE EVENT OF UNLAWFUL ARREST OR DETENTION: RUSSIAN AND INTERNATIONAL PRACTICE OF IMPLEMENTING SECTION 5, ART. 9 OF THE INTERNATIONAL COVENANT ON CIVIL AND POLITICAL RIGHTS

The Russian legal doctrine and law enforcement practice in implementing international standards of the right to compensation in case of unlawful detention is largely determined by the provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966. The purpose of the article is to analyze the main legal positions of the UN Human Rights Committee concerning the right mentioned above which were set forth in General Comment No. 35, as well as the law enforcement practice on which they were based. The study makes it possible to characterize General Comment No. 35 as an important source of international standards, which explains the treaty provisions and compensates for gaps in international legal regulation.

K e y w o r d s: right to compensation for unlawful arrest (detention), International Covenant on Civil and Political Rights, UN Human Rights Committee, General Comment.

Поступила в редакцию 3 августа 2018 г.

Надлежащее обеспечение провозглашенного в ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность требует не только эффективного механизма защиты от незаконного задержания (ареста, заключения под стражу и т. д.)¹, но

¹ О проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова : постановление

© Косолапов М. Ф., 2018

и закрепления гарантий восстановления вреда, причиненного личности незаконными действиями суда и правоохранительных органов².

Согласно позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ³, национальные конституционные гарантии права на возмещение такого рода вреда полностью коррелируют положениям действующего международного стандарта в рассматриваемой области: подп. «а» п. 3 ст. 2, п. 5 ст. 9 и п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Протокола № 7 к данной Конвенции (ст. 3) и п. 4 ст. 5 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1996 г. Все приведенные документы закрепляют право на компенсацию, принадлежащее каждому, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу⁴.

Российская правоприменительная практика в первую очередь тяготеет к действующим европейским стандартам прав и свобод личности⁵. Универсальные стандарты в формате Международного пакта 1966 г. и правовых позиций действующего на его основе Комитета в ряде случаев представляются недооцененными, хотя положения последних не только не уступают по содержанию региональным стандартам, но часто и превосходят их. В обобщенном виде правовые позиции Комитета по правам человека относительно права на компенсацию за незаконный арест изложены в Замечании общего порядка № 35⁶, принятом в 2014 г. В нем нашли отражение позиции, изложенные в заключительных замечаниях, принятых по итогам рассмотрения периодических докладов государств, а также решениях (соображениях) по индивидуальным жалобам.

Право на получение финансовой компенсации, наряду с правом на разбира-

ние Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 1.

² О проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3 ; О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

³ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1 ; По запросу Сюзунского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

⁴ См.: *Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б.* Правовые основы задержания подозреваемого в совершении преступления : от международного права к национальному законодательству // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 125–126 ; *Морозов А. П.* Личная неприкосновенность в Российской Федерации : конституционный аспект // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2014. № 4. С. 139.

⁵ См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 14.

⁶ Замечание общего порядка № 35 Комитета по правам человека. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) от 16 декабря 2014 г. (CCPR/C/GC/35). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&Lang=ru (дата обращения: 23.01.2018).

под стражей, выступает одним из средств защиты, предусмотренных Пактом о гражданских и политических правах 1966 г. для жертв незаконного и произвольного ареста. В тексте Пакта неоднократно указано на обязанность государств-участников обеспечить возмещение лицам, права которых были нарушены⁷. Комитет по правам человека ООН в своей практике последовательно придерживается разграничения оснований для финансовой компенсации. В п. 52. Замечания общего порядка № 35 он отмечает, что компенсация материального и морального вреда по смыслу п. 5 ст. 9 касается непосредственно случаев незаконного ареста или содержания под стражей. В Соображении «Patrick Coleman v. Australia» (п. 6.3) Комитет признал требование заявителя в отношении п. 5 ст. 9 Пакта недостаточно обоснованным, так как автор требовал компенсацию, основываясь на предполагаемом нарушении ст. 15, 19 и 21 Пакта, т. е. незаконность ареста вытекала из нарушения других прав человека (свобода передвижения или свобода выражения мнения)⁸.

Комитет также считает, что п. 5 ст. 9 Пакта возлагает на государства обязательство предусмотреть правовые основания для предоставления компенсации в качестве права, обеспеченного санкцией, а не в качестве вопроса, который решается по усмотрению властей. Возможность получения возмещения не должна быть теоретической, а должна подкрепляться эффективным механизмом, и компенсация должна предоставляться в течение разумного периода.

При рассмотрении индивидуальных жалоб Комитет неоднократно отмечал, что Пакт не налагает прямого обязательства на государств-участников обеспечить какую-либо конкретную форму правовой защиты и не предусматривает права лиц требовать от государства уголовного преследования третьей стороны, виновной в нарушении прав и свобод. Вместе с тем Комитет считает, что процедура должна быть эффективной и что государство обязано тщательно расследовать утверждения о нарушении прав человека и наказать виновных в таких нарушениях⁹. Кроме того, решая, получила ли жертва нарушения адекватное возмещение, Комитет может принять во внимание наличие и эффективность не только какого-либо одного конкретного средства правовой защиты, но и совокупное воздействие нескольких таких средств (уголовных, гражданских, административных или дисциплинарных средств правовой защиты)¹⁰.

С точки зрения Комитета, факт вынесения положительного решения по иску и выплата компенсации национальными судебными органами не всегда означает эффективность реализации положений п. 5 ст. 9 Пакта. Необходим действенный механизм исполнения таких судебных решений¹¹. Данная правовая позиция, исхо-

⁷ Пункт 16 Замечания общего порядка № 31. Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта (CCPR/C/21/Rev.1/Add.13). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.13&Lang=ru (дата обращения: 21.02.2017).

⁸ «Patrick Coleman v. Australia» (CCPR/C/87/D/1157/2003). Views adopted on 17 July 2006. URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 20.02.2017).

⁹ «Bautista de Arellana v. Colombia» (CCPR/C/55/D/563/1993). Views adopted on 27 October 1995; «R.A.V.N. v. Argentine» (CCPR/C/38/D/343-345/1988). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 22.02.2018).

¹⁰ «Corinna Horvath v. Australia» (CCPR/C/110/D/1885/2009) Views adopted on 27 March 2014. URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 20.02.2017).

¹¹ «Corinna Horvath v. Australia» (CCPR/C/110/D/1885/2009) Views adopted on 27 March 2014. URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 20.02.2017).

дя из ссылок Комитета, сформировалась при рассмотрении и анализе периодических докладов государств. Например, в Заключительном замечании в отношении Камеруна Комитет выражает озабоченность тем фактом, что гарантии недопущения незаконных и произвольных арестов, предусмотренные в национальном законодательстве, часто не реализуются на практике и что Комиссия, создание которой предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством для подачи исков о компенсации в случае незаконного содержания под стражей, не действует¹². Комитет рекомендовал властям Камеруна принять надлежащие меры для обеспечения эффективного осуществления гарантий, предусмотренных законодательством и создать условия для выплат компенсации и работы Комиссии.

Несколько иная ситуация сложилась в Гайане. Комитет выявил, что законодательство страны не соответствует требованиям ст. 9 Пакта, что оно вообще не закрепляет право на компенсацию в случае незаконного ареста¹³.

В отношении Аргентины Комитет отметил, что ее законодательные акты не предусматривают эффективной правовой защиты жертв нарушений прав человека в период авторитарного правления. Амнистии и помилования создают, по мнению Комитета, препятствия для расследования преступлений, совершенных военнослужащими и сотрудниками службы национальной безопасности, даже в тех случаях, когда имеются веские доказательства виновности. В связи с этим Комитет выражает озабоченность, что общие амнистии создают атмосферу безнаказанности органов безопасности, допустивших нарушение прав и свобод человека¹⁴.

Пункт 5 Пакта не требует установления единого порядка предоставления компенсации для всех форм незаконных задержаний, предусматривая лишь саму необходимость наличия эффективной системы процедур, обеспечивающих компенсацию. Он не обязывает государства-участники предоставлять компенсацию жертвам по собственной инициативе, оставляя право возбуждения разбирательства о компенсации на усмотрение потерпевшего. Данная правовая позиция была выражена при рассмотрении жалобы «Mika Miha v. Equatorial Guinea»¹⁵ (п. 6.5). В ней Комитет не усмотрел каких-либо нарушений п. 5 ст. 9 Пакта, поскольку из материалов дела не следовало, что заявитель непосредственно обращался к властям за компенсацией за незаконный арест или задержание. Даже в тех случаях, когда Комитет констатирует нарушение п. 1–3 или 4 ст. 9 Пакта, это не всегда приводит к нарушению п. 5 ст. 9, так как автор жалобы не требовал от властей соответствующей компенсации за незаконный арест или задержание¹⁶.

Понятия «незаконный арест» и «незаконное содержание под стражей» по смыслу п. 5 включают в себя ограничение свободы в рамках как уголовного и неуголовного производства, так и при отсутствии какого-либо производства вообще

¹² Пункт 19 Заключительных замечаний Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Камеруна (CCPR/C/CMR/CO/4), принятые 28–29 июля 2010 г. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 25.02.2017).

¹³ Concluding observations of the Human Rights Committee on the second periodic report of Guyana (CCPR/C/GUY/99/2). 30 March 2000. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 25.02.2017).

¹⁴ Пункт 153 Девятнадцатого доклада комитета по правам человека (A/50/40, 1996 г.). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=A%2f50%2f40&Lang=ru (дата обращения: 25.03.2017).

¹⁵ «Mika Miha v. Equatorial Guinea» (CCPR/C/51/D/414/1990). Views adopted on 8 July 1994. URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁶ «Marcel Mulezi v. Democratic Republic of the Congo» (CCPR/C/81/D/962/2001). Views adopted on 8 July 2004. URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1121> (дата обращения: 20.02.2017).

(п. 51 ЗОП № 35)¹⁷. Исходя из практики Комитета, основаниями для признания ареста незаконным могут быть как нарушения национального законодательства, так и самого Пакта¹⁸. Именно такая ситуация привела к признанию права на компенсацию в уже упомянутом сообщении «Rafael Marques de Morais v. Angola», в котором Комитет выявил нарушение и положений п. 1–4 ст. 9 Пакта, и национального законодательства¹⁹.

Вместе с тем Комитет отмечает, что сам по себе факт оправдания обвиняемого по уголовному делу в суде первой или апелляционной инстанции не делает любое предыдущее содержание под стражей незаконным. При этом он ссылается на свое решение о неприемлемости жалобы «Colin Uebergang v. Australia», принятое в 2001 г.²⁰ Согласно представленным заявителем материалам 11 сентября 1997 г. автор жалобы был приговорен к двум годам тюремного заключения, а спустя пять месяцев апелляционным судом он был оправдан. В связи с тем что заявитель не смог добиться возмещения за якобы неправомерное тюремное заключение, в своем обращении в Комитет он утверждал, что стал жертвой нарушений со стороны властей Австралии п. 5 ст. 9 и п. 6 ст. 14 Международного пакта. Относительно претензий автора на компенсацию в соответствии с п. 6 ст. 14 Пакта, Комитет отметил, что одним из условий приемлемости данной статьи является окончательность решения, по которому лицо осуждено за уголовное преступление, а в данном случае отмена приговора апелляционным судом не позволяет считать решение национального суда окончательным по смыслу ст. 14. Что касается утверждения автора о нарушении п. 5 ст. 9 Пакта, то было указано, что автор жалобы был осужден на основании приговора, вынесенного компетентным судом, и его последующий оправдательный приговор апелляционным судом, по сути, не означает, что тюремное заключение было незаконным, а это не дает никаких оснований для претензий в соответствии с п. 5 ст. 9 Пакта.

Свои замечания по порядку реализации Российской Федерацией п. 5 ст. 9 Пакта Комитет излагал в Заключительных замечаниях к докладу государства о порядке реализации им положений договора. Так, в Заключительном замечании по шестому периодическому докладу РФ (2009 г.)²¹ Комитет выразил беспокойство по поводу поступающих сообщений о произвольных арестах, тайном содержании под стражей лиц в районах Северного Кавказа, а также указал, что отсутствие систематической практики проведения эффективных расследований и преследования виновных может породить ощущение безнаказанности за нарушения прав человека (п. 14). В связи с этим Комитет рекомендовал привлекать виновных к ответственности в судебном порядке, а также возмещать ущерб жертвам. Данные рекомендации были продублированы и в тексте Заключительных замечаний 2015 г. (п. 7) по итогам рассмотрения седьмого доклада РФ²².

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «A. v. Australia» (CCPR/C/59/D/560/1993). Views adopted on 3 April 1997.

¹⁹ «Rafael Marques de Morais v. Angola» (CCPR/C/83/D/1128/2002). Views adopted on 29 March 2005. URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 20.02.2017).

²⁰ CCPR/C/71/D/963/2001 22 March 2001.

²¹ См.: Заключительные замечания Комитета по правам человека по шестому периодическому докладу Российской Федерации 2009 г. (CCPR/C/RUS/CO/6). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fRUS%2fCO%2f6&Lang=ru (дата обращения: 12.01.2018).

²² См.: Заключительные замечания Комитета по правам человека по седьмому периодическому докладу Российской Федерации 2015 г. (CCPR/C/RUS/CO/7). URL: <http://tbinternet.ohchr.org>

Констатация нарушений ч. 5 ст. 9 Пакта со стороны Российской Федерации в рамках рассмотрения индивидуальных обращений встречается не часто. Из трех жалоб, которые были поданы на нарушение данной нормы, Комитет признал нарушение только в одном случае: «Yusupova v. Russian Federation»²³. Данное соображение представляет несомненный интерес, как с точки зрения изложенных в нем правовых позиций, так и процедуры его рассмотрения.

Автором обращения является Зинаида Юсупова (чеченка по национальности), семья которой в 1944 г. была лишена имущества и на 13 лет депортирована в Казахстан. После признания ее в мае 2005 г. жертвой политических репрессий она подала заявление о выплате ей компенсации согласно ст. 16 Закона РФ № 1761²⁴. Ее заявление было отклонено администрацией Кировского района г. Астрахани на том основании, что она уже получает другие формы социальной помощи (трудовую пенсию и пенсию по инвалидности, другие социальные пособия) и не может наряду с ними получать компенсацию как жертва политических репрессий (п. 2.3 Соображения). В 2006 г. районный суд, признав, что автор стал жертвой политических репрессий, вместе с тем отклонил ее требование и подтвердил решение районной администрации. Суд счел, что в соответствии со ст. 10 Закона Астраханской области о социальных льготах²⁵ реабилитированные лица имеют право на получение только одного вида социальной помощи. Суд пояснил, что автор уже получает пособия как инвалид (медицинская помощь, ежемесячные платежи и льготы на коммунальные платежи, проезд общественным транспортом и т. д.) и не имеет права на какую-либо дополнительную компенсацию. Областной суд оставил решение районного суда без изменений, отметив, что автор не имел права на множественные выплаты по различным законам. В своем обращении в Комитет З. Юсупова утверждала, что ее социальные пособия в качестве ветерана труда и как инвалида следует рассматривать отдельно от платежей как жертвы политических репрессий. Таким образом, направляя жалобу, автор настаивал, что не смог получить компенсацию материального и морального ущерба, и тем самым государство нарушило его право, предусмотренное в ч. 5 ст. 9 Пакта.

Специфика ситуации состоит в том, что события, указанные заявителем, произошли до вступления в силу Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и поэтому, как отметил член Комитета Ани Зайбер-Фора, несмотря на свою тяжесть, они не могут быть квалифицированы как его нарушение, и жалоба должна была быть признана неприемлемой²⁶. Можно предположить, что власти Российской Федерации при подготовке своего комментария к жалобе также исходили из данного основания.

Однако Комитет принял жалобу к рассмотрению и, действуя в соответствии с ч. 4 ст. 5 Факультативного протокола, посчитал, что предоставленные ему факты

org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fUS%2fCO%2f7&Lang=ru (дата обращения 12.01.2018).

²³ CCPR/C/114/D/2036/2011. URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1975> (дата обращения: 12.06.2017).

²⁴ О реабилитации жертв политических репрессий : закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ Communication No. 2036/2011. Individual opinion of Committee member Anja Seibert-Fohr, joined by Committee members Yuji Iwasawa, Yuval Shany and Konstantine Vardzelashvili (dissenting). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 12.06.2017).

свидетельствуют о нарушении права заявительницы на компенсацию в соответствии с Пактом (п. 8 Соображения).

Комитет отметил, что автор был лишен свободы на 13 лет (1944–1957), и что такое лишение было признано со стороны государства-участника незаконным и произвольным, хотя и произошло до вступления в силу Международного пакта. Он также отмечает, что претензии автора касаются ее права на компенсацию согласно п. 5 ст. 9, а не ее права не быть произвольно задержанным в соответствии с п. 1 ст. 9 Пакта. Комитет отверг аргумент государства о том, что отказ в выплате компенсации продиктован тем, что автор жалобы уже получает аналогичные по форме и объему социальные пособия, сославшись на правовую позицию, вошедшую в текст Замечания общего порядка № 35: любой, кто стал жертвой незаконного ареста или задержания, имеет право на компенсацию, и это средство правовой защиты не должно существовать только в теории, оно должно действовать эффективно, а оплата должна быть произведена в течение разумного периода.

Таким образом, изучение правовых позиций, формируемых в процессе деятельности Комитета по правам человека, их обобщение и анализ, наряду с практикой Европейского суда по правам человека, может содействовать дальнейшему повышению защищенности личности от произвольного (незаконного) ареста или задержания, а также наиболее полному и эффективному восстановлению нарушенных прав, если такое нарушение не удалось предотвратить.

Саратовская государственная юридическая академия

Косолапов М. Ф., кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права

Saratov State Law Academy

Kosolapov M. F., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the International Law Department
E-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Хорошилов Е. Б. «Юность» (1961)

«ЮНОСТЬ» ЮРФАКА

Поклон тебе, любимый факультет.
Сто лет. Скажите – это много или мало?
И быть, и сон, и судьбы прошлых лет,
И все, кто здесь, и те, кого уж нет...
Как болью острой сердце сжало!..

Опять к студентам! В их шальную карусель,
Как много лет назад, забыв про все печали,
Про быт, про грелку, теплую постель –
Мы все еще юны, мы помним, как мечтали
Тогда, когда еще кругом была весна.
И вечно юный факультет был рядом ежечасно,
Когда нам, юным, было не до сна...
Любовь, зачеты, сессии – прекрасно!

Л. Володина

Юрфак, как и любой другой факультет, невозможно представить без студентов. Студенты юрфака – его нерв и душа, его заботы и радости, герои баек и шуток, «статисты» успеваемости и объекты аккредитации. Они – «предмет труда» всех преподавателей. Они – сама жизнь факультета...

У факультетского студенчества своя, особенная, непростая, но интересная судьба. Первые студенты – «варяги» из Юрьевского (Дерптского) университета, эвакуировавшиеся в Воронеж из оккупированной Прибалтики в 1918 г. *«Отъезда в Воронеж мы ожидали при таких условиях с нетерпением и с боязнью невыпуска нас немцами, как заложников и предмет обмена на библиотеку и имущество Университета, эвакуированные из Юрьева. 4-го июля, однако, с поездом, присланным из «России», двинулись в путь, в товарных вагонах. Восемь дней пути, кажется, были лучшим временем за все последние месяцы. С открытой дверью вагона, как на своих креслах, среди своего скарба, ехали как бы своим домом. Было тесновато (16 человек в вагоне), но не было с нами ни больших забот, ни немцев, а к опасностям и случайностям уже была привычка».* Вот такова была студенческая романтика и неутолимая жажда приключений у первых студентов уже нового Воронежского университета.

Новый удар. Советская власть усмотрела в юридических факультетах «явное контрреволюционное гнездо», и уже через месяц после начала занятий «факультет полезных вещей» упразднили. Однако дипломы о высшем юридическом образовании выдавать не пере-

стали – студенты перешли на учрежденный факультет общественных наук. В условиях гражданской войны, а затем ее последствий: разрухи, эпидемий тифа и холеры, жестокого голода и холода – университет, а с ним и юрфак, развивался, благодаря колоссальным усилиям профессорско-преподавательского состава и энтузиазму мечтающих учиться студентов.

И опять удар – Великая Отечественная война. На фронт ушли и преподаватели, и студенты...

После Победы были приняты партийные и государственные решения, направленные на расширение и улучшение юридического образования в стране. Очень быстро стало развиваться заочное юридическое образование. В 1951 г. в городе открывается Воронежский филиал Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). На его базе в октябре 1958 г. в университете воссоздается юридический факультет.

Юрфак будет проходить свой новый путь вместе с университетом, городом, страной и ... уже новой страной. За плечами останутся оттепель, застой, перестройка, Афганистан, лихие 1990-е... Неизменным останется только одно: факультет невозможно представить без студентов, ведь они – сама жизнь факультета.

Факультет несколько раз менял свои адреса, соседствовал с другими подразделениями, пока в 2006 г. не переехал в собственный новый корпус. Однако большую часть своей жизни (1973–2006) юрфак располагался во втором университетском корпусе. Там, в холле справа, и сегодня висит монументальная картина «Юность» воронежского художника Евгения Борисовича Хорошилова (1930–1982). Десятки лет мимо нее проходили тысячи будущих судей, прокуроров, адвокатов, юрисконсультов... Перед «Юностью» юрфакское студенчество шло беспечным на лекции, озадаченным – на сессию, весело собиралось в колхозы и стройотряды, переживало за «хвосты», любовалось свеженькими дипломами...

А потом бывшие студенты возвращались, но уже в новом качестве – состоявшихся профессионалов-юристов – на юбилейные встречи выпускников...

Неизменной оставалась только беспечная «Юность», так удачно встречавшая и провожавшая юрфакское студенчество.

Д. Зотов